

ВЕХИ ИСТОРИИ

Л. Н. ГУМИЛЕВ

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Великий Тюркский каганат
Голубые тюрки и уйгуры,
или деяния Второго каганата

История
образования
и расцвета
Великого
тюркского
каганата
(VI-VIII вв. н. э.)

Лев Николаевич Гумилев

Древние тюрки

Текст предоставлен издательством.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138779

Л.Н.Гумилев Древние тюрки: «Кристалл»; Москва; 2004

ISBN 5-306-00313-3

Аннотация

«Древние тюрки» – знаменитая работа гениального русского историка, географа и мыслителя Льва Николаевича Гумилева (1912-1992), посвященная сравнительно малоизученному периоду мировой истории VI – VIII вв. н.э., совпавшему с образованием и расцветом Великого тюркского каганата. Осуществленный автором анализ этнических, политических и религиозных аспектов бытия этой державы представлен в присущей автору увлекательной и образной манере повествования.

Содержание

От автора	5
Введение	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Перемены на Желтой реке	8
Жужани и телеуты	9
Жужаньское ханство	11
Глава вторая	12
Война жужаньского ханства с империей Вэй	12
Телеутское ханство – Гаогюй	13
Распри в Жужани	14
Потомки волчицы	16
Глава третья	19
Начало истории древних тюрков (тюркютов)	19
Разгром Жужани	20
Война на востоке	21
Война на западе	23
Авары в Причерноморье	25
Разгром эфталитов	27
Глава четвертая	29
Караванная торговля	29
Согдиец Маниах	30
Дележ эфталитского наследства	32
Война с Византией	33
Китай и караванный путь	34
Глава пятая	37
Власть и народ	37
Удельно-лествичная система[48]	39
Орда	41
Племя	42
Стадия развития	43
Глава шестая	45
Военное дело	45
Мирные занятия	47
Жилище	48
Положение женщин	50
Глава седьмая	52
Глава восьмая	59
Оправдание книги	59
Техника сбора материала	60
Способ исследования источников	60
Способ использования литературы	62
Методика общих работ	64
Попытки осмысления	66
Спор об эле	68
Глава девятая	70

Участники	70
Династический спор[70]	71
Война на западе	72
Война с Китаем	73
Усобица	75
Торжество лестничной системы	76
Пайкендская трагедия	77
За кулисами	79
Глава десятая	81
Накануне войны	81
Сила и слабость Ирана	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лев Николаевич Гумилев

Древние тюрки

*Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским народам
Советского Союза*

От автора

Эта книга была начата 5 декабря 1935 г. С тех пор она неоднократно переделывалась и пополнялась. Однако она не исчерпала всего обилия материала и не осветила всех проблем, связанных с историей древних тюрков. Поэтому продолжение исследований не только желательно, но и необходимо.

Я на всю жизнь сохраняю память о тех, кто помог мне выполнить эту работу и кого уже давно нет среди нас, – о моем замечательном предшественнике Г. Е. Грумм-Гржимайло, о моих наставниках Н. В. Кюнере, А. Ю. Якубовском и академике В. В. Струве.

Пользуюсь случаем выразить свою признательность моему учителю М. И. Артамонову, профессорам С. Л. Тихвинскому и С. В. Калеснику, рекомендовавшим книгу для печати, моим друзьям Л. А. Вознесенскому, Д. Е. Алшибая.

Я благодарю также всех моих рецензентов за советы и критику: И. П. Петрушевского, В. В. Мавродина, М. А. Гуковского, А. П. Окладникова, М. В. Воробьева, А. Ф. Анисимова, Б. И. Кузнецова, С. И. Руденко, Т. А. Крюкову. И наконец, благодарю нашу общую alma mater – Ленинградский университет, где я обучился высокому ремеслу историка.

Введение

Тема и ее значение

История человечества изучена крайне неравномерно. В то время как последовательность событий и смен общественных формаций в Европе и на Ближнем Востоке была изложена в общедоступных сводных работах уже в конце XIX в., а Индия и Китай описаны в начале XX в., огромная территория евразийской степи еще ждет своего исследователя. Особенно это касается периода до появления на исторической арене Чингисхана, когда в центральноазиатской степи сложились и погибли два замечательных народа – хунны [см.: 63] и древние тюрки, а также много других, не успевших прославить свои имена.

Было бы ошибкой считать, что все они только повторяют друг друга, хотя их способ производства – кочевое скотоводство – действительно является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию. Но формы быта, учреждения, политика и место в мировой истории у хуннов и древних тюрок совершенно различны, как были различны их судьбы.

На фоне мировой истории история древнетюркского народа и созданной им державы сводится к вопросу: почему тюрки возникли и почему исчезли, оставив свое имя в наследство многим народам, которые отнюдь не являются их потомками? Попытки решить эту проблему путем анализа только политической истории или только социальных отношений делались неоднократно, но не дали результатов. Древние тюрки, несмотря на их огромное значение в истории человечества, были малочисленны, и тесное соседство с Китаем и Ираном не могло не отразиться на их внутренних делах. Следовательно, социальная и политическая история этих стран тесно переплетены, и для восстановления хода событий мы должны держать в поле зрения и ту и другую. Не меньшую роль играли изменения экономической конъюнктуры, в частности связанные с высоким или низким уровнем вывоза китайских товаров и заградительными мероприятиями иранского правительства.

Поскольку границы тюркского каганата в конце VI в. сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран в рассматриваемый нами период связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты препятствовали сношениям Востока и Запада. Только позднее изобретение металлических стремян и вьючной упряжи, заменившей телеги, позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы. Поэтому с VI в. китайцам пришлось считаться с ценами на константинопольском рынке, а византийцам подсчитывать число копеечников китайского царя.

В этой ситуации тюрки не только играли роль посредников, но одновременно развивали и собственную культуру, которую они считали возможным противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры – войлок, кожа, дерево и меха – сохраняются хуже, чем камень, а потому среди западноевропейских ученых возникло ошибочное мнение, что кочевники были «трутнями человечества» (Виолле ле-Дюк). Ныне археологические работы, проводимые в южной Сибири, Монголии и Средней Азии, ежегодно опровергают это мнение, и вскоре наступит время, когда мы сможем говорить об искусстве древних тюрок. Но еще более, чем материальная культура,

поражают исследователя сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрков: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран.

Несмотря на все сказанное, путь, на который вступило древнетюркское общество, был гибельным, так как противоречия, возникшие в степи и на ее границах, оказались непреодолимыми. В критические моменты подавляющее большинство степного населения отказывало ханам в поддержке, и это привело в 604 г. к распадению каганата на Западный и Восточный, в 630 и 659 гг. – к потере самостоятельности (правда, возвращенной в 679 г.) и к гибели народа в 745 г. Конечно, эта гибель народа еще не означала уничтожения всех людей, его составлявших. Часть их подчинилась уйгурам, унаследовавшим власть в степи, а большинство укрылось в китайских пограничных войсках. В 756 г. эти последние подняли восстание против императора династии Тан. Остатки тюрков приняли в нем деятельное участие и вместе с прочими повстанцами были изрублены в куски. Это был уже подлинный конец и народа и эпохи (а следовательно, и нашей темы).

Однако имя «тюрк» не исчезло. Больше того, оно распространилось на пол-Азии. Арабы стали называть тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его после исчезновения с лица земли стали для степняков образцом доблести и геройства. В дальнейшем этот термин еще раз трансформировался и стал названием языковой семьи. Так сделались «тюрками» многие народы, никогда не входившие в великий каганат VI – VII вв. Некоторые из них были даже не монголоиды, как, например, туркмены, османы, азербайджанцы. Другие были злейшими врагами каганата: курыканы – предки якутов и кыргызы – предки хакасов. Третьи сложились раньше, чем сами древние тюрки, например балкарцы и чуваша. Но даже то распространенное лингвистическое толкование, которое ныне придается термину «тюрк», имеет под собой определенное основание: древние тюрки наиболее ярко претворили в жизнь те начала степной культуры, которые зрели еще в хуннское время и находились в состоянии анабиоза в безвременье III – V вв.

Итак, значение древних тюрков в истории человечества было огромным, но история этого народа до сих пор не написана. Она излагалась попутно и сокращенно, что позволяло обходить трудности источниковедческого, ономастического, этнонимического и топонимического характера. Трудности эти столь велики, что данная работа не претендует на построение дефиниций. Автор надеется лишь на то, что она послужит ступенью к решению проблемы.

Книга задумана как опыт совмещения методов исторического анализа и синтеза. Анализу подвергнуты отдельные явления истории древних тюрков и народов, с ними связанных или им предшествовавших. Сюда же относится критика источников и проблемы ономастики и этногенеза. Синтезом является осмысление истории тюркютов¹, голубых² тюрков и уйгуров³ как единого процесса, образовавшего в аспекте периодизации определенную целостность, а также нанесение описанного явления на канву всемирной истории.

¹ Тюрки Первого каганата (546–658 гг.).

² Кок-тюрк – тюрки Второго каганата (678–747 гг.).

³ Имеется в виду только ханство кочевых уйгуров (747–847 гг.), оседлые уйгуры позднейшего времени здесь не рассматриваются.

Часть первая Великий Тюркский Каганат

Глава первая Накануне (420–546)

Перемены на Желтой реке

Великое переселение народов в Европе, сломившее в V в. одряхлевший Рим, в Восточной Азии произошло на 100 лет раньше. Во время, носящее в китайской истории название «эпоха пяти варварских племен» (304–399), Северный Китай был захвачен и покорен хуннами и сяньбийцами, основавшими там ряд эфемерных государств, похожих на варварские королевства готов, бургундов и вандалов. Как в Европе на Балканском полуострове устояла Восточно-Римская империя, так и в Китае на берегах великой реки Янцзы удержалась самостоятельная Китайская империя – наследница империи Хань. Она была так же похожа на свою великую предшественницу, как ранняя Византия – на Рим эпохи расцвета, и также находила в себе силы лишь для обороны против варваров, наседавших с севера и запада. Слабые и бездарные императоры часто менявшихся династий⁴ оставили в жертву варварским вождям китайское население «Срединной равнины», как именовалась в то время долина Хуанхэ, и все-таки, несмотря на жестокий гнет чужеземцев и кровопролития при постоянных междоусобных войнах, китайцы в Северном Китае численно преобладали над победившими их народами, что и обусловило в VI в. возрождение Китая.

Племя тоба, победившее всех своих соперников⁵, поддалось обаянию китайской культуры. Созданное тобасцами раннефеодальное государство к 420 г. объединило весь Северный Китай в одну империю, которая получила китайское название – Вэй (386). Это был первый шаг тобасского хана к компромиссу с китайским населением, составлявшим абсолютное большинство его подданных. Начавшийся процесс ассимиляции кочевников привел к тому, что к концу V в. потомки тобасцев обрезали косы, а общение с покоренными подорвало их силы и традиции. Они даже перестали пользоваться родным языком и начали говорить по-китайски. Вместе с языком и одеждой они утратили степную доблесть и сплоченность, позволившие им некогда одержать победу, но все же не слились с китайским населением, которое упорно стремилось к воссозданию своего собственного государства.

Как только дворцовые перевороты и следовавшие за ними расправы ослабили власть династии Вэй, китайские полководцы, находившиеся на службе у сяньбийских императоров, оказались сильнее и энергичнее своих господ. В 531 г. на северо-востоке Гао Хуань поднял восстание, разбил тобасские войска и занял столицу – Лоян. Первоначально он действовал якобы в интересах династии и провозгласил императором одного из царевичей, но тот, страшась своего полководца, бежал на запад, в Чанъань, где нашел поддержку у другого воеводы, Юйвынь Тая, окитаившегося сяньбийца. Гао Хуань возвел на престол другого принца из той же династии Вэй. Таким образом, империя распалась на Западную Вэй и Восточную Вэй, но фактически правителями и тут и там были китайские полководцы, временно сохранявшие сяньбийских императоров как ширму. Это положение не могло длиться долго. Суро-

⁴ В 420 г. пала династия Цзинь, в 479 г. – Лю-Сун, в 502 г. – Южная Ци, в 557 г. – Лян.

⁵ Хуннов, муюнов, ди, юйвынь (предки татабов) и киданей.

вое господство сяньбийцев настолько ожесточило китайцев, что, когда сила оказалась в их руках, они не были склонны церемониться с побежденными. Юйвынь Тай отравил несколько подставных императоров, а его сын в 557 г. счел себя достаточно могущественным, чтобы упразднить ненавистную династию и основать свою собственную – Бэй-Чжоу⁶.

Еще более круто обошлись с сяньбийцами в Северо-Восточном Китае. В 550 г. наследник Гао Хуаня – Гао Ян, принудив последнего императора отречься от престола в свою пользу, отравил его. Императорские родственники в числе 721 человека были убиты, а тела их брошены в воду, чтобы лишить их погребения. Новая династия получила название Бэй-Ци.

Оба северных царства были довольно крепки экономически и политически. Китайское население, освободившись от господства иноплеменников, развивало бурную деятельность по восстановлению своей культуры. Однако соперничество, возникшее между Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, связывало их силы и лишало их возможности вести активную политику.

На юге последние императоры династии Лян озаменовали свое правление произволом и преступлениями, а сменившая их династия Чэнь продолжала эти традиции. Дворцовый переворот 557 г. и казнь последнего лянского императора вызвали вооруженное сопротивление сторонников павшей династии. Повстанцы сумели отразить чэньские войска и создать в центре Китая небольшое государство Хоу-Лян.

Китай оказался раздробленным на четыре взаимно враждующих государства. Напряженная ситуация, сковавшая силы Китая, оказалась спасительной для двух небольших и относительно слабых кочевых держав: орды Жужань и царства Тогон (Ту-ю-хунь). Благодаря ослаблению нажима с юга они оказались среди ведущих государств Восточной Азии. Жужань, степное ханство, сложившееся в середине IV в., в начале VI в. пережило кризис, чуть было не погубивший его.

Но об этом речь впереди.

Царство Тогон лежало в степных нагорьях Цайдама. Еще в 312 г. небольшое сяньбийское племя с князьями из рода Муюн перекочевало из Южной Маньчжурии на запад и обосновалось около оз. Кукунор. Здесь оно вело успешные войны против разрозненных тибетских родов и весьма неудачные против тобасцев. В результате последних Тогон стал вассалом империи Вэй, но ее распад вернул тогонцам свободу. Во второй четверти VI в. князь Куалюй объявил себя ханом и в 540 г. отправил посольство к Гао Хуаню, став тем самым врагом Юйвынь Тая. Этот факт определил дальнейшую внешнюю политику Тогона, с которой мы столкнемся ниже. Несмотря на то что Тогон занимал обширную территорию, где были «города» [76, с. 84] (очевидно, укрепленные поселки), и имел уже организованное управление, по-видимому заимствованное от тобасцев, он не был сильным государством. Тибетские роды, покоренные оружием, мечтали об освобождении и мести; экономика была построена на экстенсивном скотоводческом хозяйстве; уровень культуры был невысок, а произвол ханов вызывал постоянные заговоры, измены и репрессии, которые подливали масла в огонь. Все эти обстоятельства ограничивали возможности Тогона и позднее привели его к бесславному концу.

Жужани и телеуты

Вопрос о происхождении народа жужаней ставился неоднократно, но окончательного решения не получил. Можно думать, здесь неправильна сама постановка вопроса, ибо надо говорить не о происхождении, а о сложении. У жужаней как у народа не было единого этнического корня. Происхождение жужаньского народа было несколько своеобразно. В смутные

⁶ Что значит Северо-Чжоуская династия (Бэй – Северный).

времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных. Немало таких оказалось и в середине IV в. Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана или в столице хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекая их на нищенское существование; и она-то властно принуждала их организоваться.

В 50-х годах IV в. некто Югюлюй, бывший раб, служивший в сяньбийской коннице, был осужден на смерть. Ему удалось бежать в горы, и около него собралось около сотни подобных ему беглецов. Беглецы нашли возможность договориться с соседними кочевниками и жили совместно с ними.

Преемник Югюлюя, Гюйлюхой, установил отношения с тобасскими ханами и выплачивал им ежегодную дань лошадьми, соболями и куницами. Его орда получила название Жужань. Жужани кочевали по всей Халхе до Хингана, а ханская ставка их располагалась у Хангая. Быт и организация жужаней были одновременно весьма примитивны и чрезвычайно далеки от родового строя. Единицей, боевой и административной, считался полк в тысячу человек. Полк подчинялся предводителю, назначенному ханом. В полку было десять знамен по сто человек; каждое знамя имело своего начальника. Письменности у жужаней не было совсем; в качестве орудия счета применялся овечий помет или деревянные бирки с засечками. Законы соответствовали нуждам войны и грабежа: храбрецов награждали большей долей добычи, а трусов побивали палками [30, т. I, с. 209]. За 200 лет существования в жужаньской орде незаметно было никакого прогресса – все силы уходили на грабеж соседей.

На каком языке разговаривали между собой жужани? Китайские источники дают нам весьма разноречивые данные. «Вэйшу» видит в жужанях ветвь дунху. «Суншу», «Ляншу» и «Наньшу» [275, S. 18–19] считают их племенем, родственным хуннам, и, наконец, Бэй ши (?) приписывает Югюлюю гаогюйское происхождение [29, с. 101; 44, т. II, с. 174–175]. Сведения южнокитайских историков получены из вторых рук, а происхождение самого Югюлюя значения не имеет, так как ясно, что вокруг него собирались не единоплеменники. Скорее всего, жужани объяснялись по-сяньбийски, т. е. на одном из диалектов монгольского языка, так как, переводя титулы их ханов на китайский язык, китайский историк указывает, как они звучат в полдиннике – «на языке государства Вэй», т. е. на сяньбийском [30, т. I, с. 209 и сл.]. Сами жужани также считали себя одного происхождения с тоба [там же, с. 226], но, учитывая разноплеменность их народа, надо думать, что повод для такого утверждения дало сходство их языков, а не туманная генеалогия [44, с. 174–175; 160].

Основной силой жужанского ханства было умение держать в подчинении телеские племена. На заре своей истории, т. е. в III в. до н. э., телесцы жили в степи к западу от Ордоса. В 338 г. они подчинились тобасскому хану и в конце IV в. перекочевали на север, в Джунгарию, и распространились по Западной Монголии, вплоть до Селенги. Будучи разрозненны, они не могли оказать сопротивления жужаням и принуждены были платить им дань.

Телеские племена были очень нужны жужаням, но жужаньская орда была совсем не нужна телесцам. Жужани сложились из тех людей, которые избегали изнурительного труда, дети их предпочли вообще заменить труд добыванием дани.

Телесцы же занимались скотоводством, они хотели пасти свой скот и никому ничего не платить.

Сообразно этим склонностям сложились политические системы обоих народов: жужани слились в орду, чтобы с помощью военной мощи жить за счет соседей; теле оставались слабо связанной конфедерацией племен, но всеми силами отстаивали свою независимость.

Теле жили рядом с жужанями, но ничем не походили на них. Они рано вышли из состава империи Хунну, сохранив примитивный патриархальный строй и кочевой быт. Кита-

изация также не коснулась скромных кочевников, населявших глухие степи, где для китайцев не было ничего привлекательного. Теле не имели общей организации; каждый из 12 родов управлялся старейшиной – главой рода, причем «родственники живут в согласии» [30, т. I, с. 215].

Теле кочевали в степи, передвигаясь на телегах с высокими колесами, были воинственны, вольнолюбивы и не склонны ни к какой организованности. Самоназвание их было «теле»; оно до сих пор живет в алтайском этнониме – телеут. Потомки теле – якуты, теленгиты, уйгуры и др. Многие из них не сохранились до нашего времени.

Жужаньское ханство

В начале V в. в степи от Хингана до Алтая безраздельно господствовал хан жужаней Шелунь, по прозванию Дэудай – «стреляющий на скаку из лука». Покорив телеские кочевья, он столкнулся со среднеазиатскими хуннами, осевшими на р. Или. Их главой был некто Жибаеги. В упорном сражении на р. Онгин Жибаеги разбил Шелуня, но справиться с жужаньской державой в целом не смог и «покорностью купил себе покой» [там же, с. 249].

Основной задачей Шелуня было не допустить усиления империи Тоба-Вэй, силы которой намного превосходили силы жужаньского хана. Только постоянные войны на юге Китая мешали тоба-вэйскому императору расправиться с отложившимися подданными, и потому Шелунь поддерживал всех врагов Тоба. В 410 г. Шелунь умер и ханом стал его брат Хулуй.

Хулуй оставил в покое Тоба и обратился на север, где подчинил себе енисейских кыргызов (иегу) и хэвэй (какое-то сибирское племя). В 414 г. он пал жертвой заговора, но и вождь заговорщиков Булучжень погиб в том же году. Ханом стал двоюродный брат Шелуня, Датань. Начало его правления ознаменовалось войной с Китаем, но набег жужаней оказался безрезультатным, так же как и карательная экспедиция, посланная им вслед. Положение осталось без изменения.

В 418–419 гг. возобновилась война между жужанями и среднеазиатскими хуннами и юэчжами⁷. Жужани проникли в Тарбагатай и навели там на всех такой страх, что вождь группы юэчжей Цидоло (Кидара), желая уйти от соседства с жужанями, перешел на юг и занял г. Боло [30, т. II, с. 264] в оазисе Карши [78, с. 201–207]⁸. Здесь он столкнулся с персами и эфталитами. Сопратники Кидары – кидариты – известны в истории не под своим этническим названием, а по имени своего вождя.

⁷ Дата этой войны рассчитана следующим образом: Датань, воевавший с Юэбанью, вступил на престол в 414 г., в 415 г. он совершил набег на Китай – следовательно, был занят на востоке. Следующий поход на Китай имел место в 424 г. Значит, война с Юэбанью падает на этот промежуток. Уточнение достигается привлечением нумизматики. В 417 г. была выпущена монета с именем Кидары, но С. К. Кабанов считает датой кидаритского царства 420 г. [30, т. I, с. 189; т. II, с. 259; 78, с. 172].

⁸ Предположение Р. М. Гиршмана, что столица кидаритов помещалась в Балхе [222, р. 79–80], не подтвердилось.

Глава вторая Предки

Война жужаньского ханства с империей Вэй

420 год был кульминацией жужаньского могущества. Легкие победы над северными и западными племенами сделали Жужань гегемоном в Великой степи, но ни в коей мере не обеспечили этому ханству ни покоя, ни процветания. Главным врагом жужаней была империя Тоба-Вэй, и жужаньский хан Датань попытался сделать все возможное, чтобы не допустить усиления своего естественного соперника.

В 424 г. Датань с 60 тыс. конницы вторгся в Китай, дошел до столицы и разграбил императорский загородный дворец. Мобилизация тобасских войск и отсутствие дисциплины среди жужаней заставили его вернуться, не приняв боя. В 425 г. тобасцы отогнали жужаней за Гоби. В 430 г. император Тай-у-ди (Тоба Дао) решил уничтожить жужаней, для того чтобы развязать себе руки в Южном Китае. Огромное войско вошло в степи, и жужани рассеялись кто куда. Датань бежал на запад и пропал без вести. Телесцы убивали его людей. Сын Датаня, У-ди, отказался от продолжения борьбы и стал выплачивать империи Вэй дань. Однако мир был нарушен в 437 г. самим У-ди, произведшим набег. По-видимому, без грабежа жужани не мыслили своего существования. Ответный поход в 439 г. ничего не дал императору Тоба: пришлось вернуться, не встретив жужаней, спрятавшихся по ущельям.

В 440 г. У-ди, воспользовавшись войной Тоба против Хэси, снова напал на границу, но оставленные на границе заслоны захватили в плен его авангард. Жужани вновь бежали. Та же история повторилась в 445 г., после чего У-ди умер, передав престол своему сыну Тухэчженю (445–464).

Теперь роли переменились: империя Тобо-Вэй достигла своего зенита, а войска ее вторгались в степь, вынуждая жужаней прятаться в горах. По существу, это была не война, а просто карательные походы.

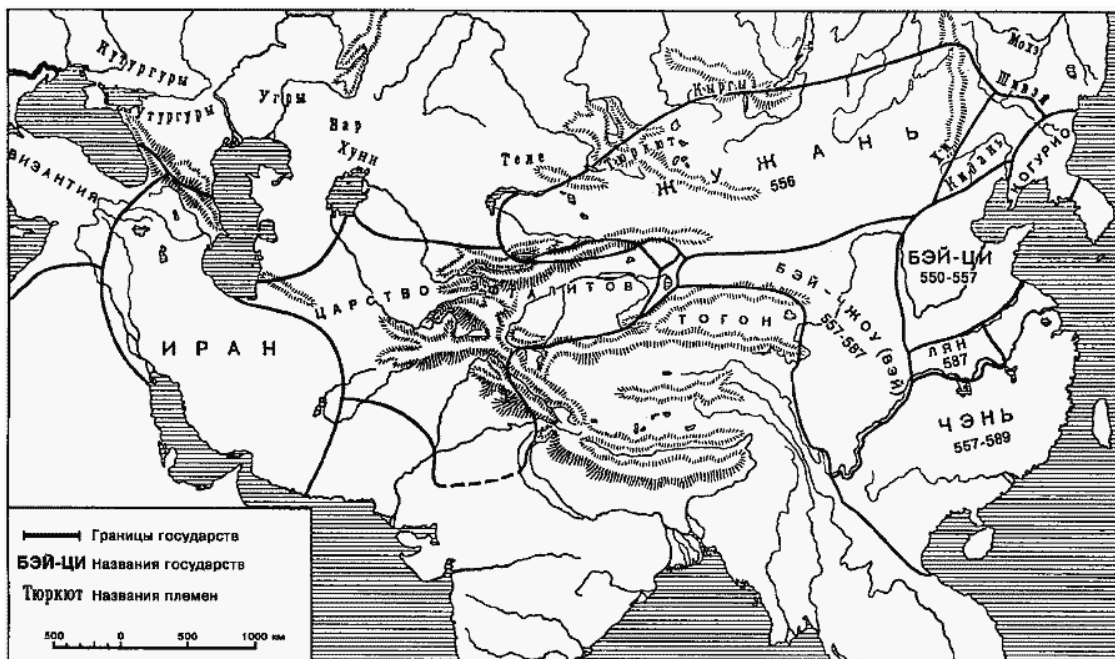
Сын и преемник Тухэчжени, Юйчен (464–485), попытался продолжать борьбу, но в 470 г. был разбит и в 475 г. просил мира и представил дань. Жужань ослабела, набеги на Китай стали непозволительной роскошью. Теперь в качестве объекта грабежа был избран более бедный и более слабый Западный край. В 460 г. жужани овладели Турфанской долиной, где расправились со своими бывшими союзниками – южными хуннами, бежавшими туда от победоносных тоба. В 470 г. жужани разграбили Хотан, но усилившееся государство эфталитов положило предел жужаньской агрессии. Границей Жужани стал Тянь-Шань.

Новый жужаньский хан, Доулунь (485–492), был «человек жестокий, склонный к убийствам» [30, т. 1, с. 195]. Свое вступление на престол он ознаменовал казнью одного из вельмож вместе со всем его родом. Это вызвало возмущение в стране. Еще больше не понравилось стремление хана напасть на Китай. Все понимали, что вслед за набегом, пусть даже удачным, последует поход китайских войск, об отражении которых нечего было и думать.

Телеский старейшина Афучжило настоятельно советовал хану не начинать войны с Китаем, но, убедившись, что его доводы не действуют, восстал со всем телеским народом. Количество теле в то время было немалым (по китайским данным, 100 тыс. кибиток). Тогда Афучжило откочевал на запад, в долину Иртыша. Там он принял титул «Великий сын Неба» [там же, с. 217], чем отразил претензию на равное место с жужаньским ханом, и война вспыхнула, как полымя.

В 490 г. китайские войска вступили в степь с востока и вместе с телесцами зажали Жужань в клещи. Жужаньские вельможи возложили всю ответственность на незадачливого хана и убили его (492).

Переход теле на запад был событием чрезвычайной важности: на западе эти разрозненные кочевники образовали свою державу⁹. В Азии снова начался процесс этногенеза. В это самое время в Алтайских горах сложились в народ тюрки, в долине Брахмапутры – тибетцы, а в Китае началось возрождение, давшее великолепную средневековую культуру династий Суй и Тан. Античный период истории Восточной Азии заканчивался, и уродливый пережиток его – Жужань должна была погибнуть.

Срединная Азия накануне создания тюркской державы – конец V в.

Телеутское ханство – Гаогюй

Отложение телеутов и государственный переворот 492 г. были переломным моментом в истории Жужани. Она потеряла гегемонию в Центральной Азии и принуждена была сражаться уже не за власть, а за существование. Сменивший убитого Доулуня Нагай правил всего один год. Он взял девиз своему правлению: «Весьма спокойно», т. е. отказался от воинственных замыслов своего предшественника. Сын Нагая, Футу, продолжал политику своего отца, пока это было возможно [30, т. I, с. 196].

Тем временем телеуты освоились на новоселье и уничтожили Юэбань, последний остаток хуннской эпохи. На новом месте телеуты попытались создать свое государство. Для этого они разделили народ на две половины: северный правитель Афучжило принял титул «Великий император», а южный – титул «Наследный государь» [там же, с. 217]. Как они сами называли свое государство – неизвестно, но китайцы называли его Гаогюй, что в переводе значит «высокая телега». Под этим наименованием оно и вошло в историю.

В политическом отношении Гаогюй держалось китайской ориентации, рассчитывая получить шелк на одежды, но этот шелк не пошел ему на пользу. В 494 г. эфталиты расправились с Ираном и, обеспечив себе тыл, повернули на север. Южная часть Гаогюйской

⁹ Удобным и правильным будет называть западных теле – телеутами, так как алтайские телеуты являются их потомками, а разобщенные племена восточных теле – телесцами, как принято в советской историографии.

державы была молниеносно разбита. «Наследный государь» убит, его семья взята в плен, а народ разбежался: часть подчинилась жужаням, часть ушла в китайские владения. В следующем, 496 г. так же быстро была завоевана и северная держава. Эфталиты выбрали из числа пленных князя Мивоту и поставили его над оставшимися телеутами. Итак, Гаогюй превратилось в вассала эфталитов, врага жужаней и союзника китайцев, которые заплатили ему за союз 60 кусков шелковых тканей [там же]. Видимо, в это время (497) эфталиты захватили Карашар, а правитель княжества Гаочан в Турфанском оазисе, китаец Жу, просил китайское правительство принять и перевезти на китайские земли его подданных. Вокруг Жужани замыкался стальной круг. Но гаочанцы не захотели бросать насиженного места и, убив своего правителя, присоединились к Жужани. Это несколько разрядило экономическую напряженность, так как земледельческий Гаочан мог снабжать Жужань хлебом, плодами и тканями; но это же усилило политическое напряжение, так как раздражило китайского императора Сюань-у-ди. На просьбу хана Футу о мире император заявил, что он единственно потому не имеет видов на север, что занят покорением Южного Китая, а вообще считает Футу и жужаней мятежными подданными [там же, с. 196]. Тем временем в Гаочане китаефилы восторжествовали и союз с Жужанью был расторгнут (500) [30, т. II, с. 251].

Для поддержки китайских интересов в Западном крае туда был направлен трехтысячный отряд регулярных войск под командованием Мын Вэя. Базируясь в Хами, он стеснил жужаней. Новое посольство Футу в Китай осталось без ответа. Против жужаней были подняты телеуты, которые должны были оплатить кровью свои 60 кусков шелка. При оз. Пулэй Мивоту разбил жужаней. Те бежали на юг, но в горах Бэйшаня встретили китайские отряды Мын Вэя. В панике бросившись обратно, жужани натолкнулись на телеутов и были снова разбиты (508). В резне погиб злополучный хан Футу. Мивоту отправил его скальп Мын Вэю. За это ему были присланы дары: полный набор музыкальных инструментов, 80 музыкантов, 10 кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей.

Наследник погибшего Футу, Чеуну, дважды пытался договориться с Китаем, но понял, что только сила может его спасти. В 516 г. он напал на Гаогюй, разбил Мивоту и, захватив его в плен, убил весьма своеобразным способом. Ноги пленника были связаны под животом клячи, которую гоняли до тех пор, пока Мивоту не умер от тряски. Череп Мивоту был потом покрыт лаком и превращен в чашу. Спасшиеся от жужаней телеуты примкнули к эфталитам [30, т. I, с. 218]. После этого посольство жужаньского хана принял император Вэй – Сяо мин-ди (518). Им был прочитан выговор за неточное исполнение вассальных обязанностей [там же, с. 197]. Такая формулировка допускала любой компромисс, и казалось, что Жужань вырвалась из безнадёжного положения.

Распри в Жужани

Чеуну сделал все возможное, для того чтобы спасти Жужань. Разгромив телеутов, он не продолжал войны на западе и заключил договор с эфталитами. Союз был скреплен браками жужаньских принцесс и эфталитских вельмож [там же, с. 203]¹⁰. На востоке жужани снеслись с Кореей (Гао-Гюйли), чтобы совместно разгромить одно из маньчжурских племен, дидэугань, и ослабить позиции дома Вэй в Маньчжурии [30, т. II, с. 74]. Так же благополучно разрешился турфанский вопрос. В 518 г. китайское правительство официально отказалось от мысли вывести население из Турфанского оазиса во Внутренний Китай и признало княжество Гаочан [там же, т. I, с. 252]. Надо полагать, торговля турфанцев с жужанями не пре-

¹⁰ Очевидно, заключение жужаньско-эфталитского союза оборвало дружеские отношения эфталитского царства и империи Вэй. В 516–520 и 526 гг. эфталитские посольства направляются уже в Южный Китай, в империю Лян, и в этих переговорах можно усмотреть попытку организации антиобасской коалиции [227, р. 452–453].

кратилась; жужани регулярно снабжались хлебом и тканями. Железные изделия доставляли жужаням их алтайские вассалы – тюркюты (тюрки-тукю).

Но единство в орде нарушилось. В Жужань проник буддизм. Как обычно, буддийские миссионеры первым делом сделали буддистом хана. В ставке появились «шамыни» – буддийские священники и «ни» – монахини. В новых условиях буддизм принимал фантастические формы: например, монахини имели законных мужей, но это, видимо, не смущало хана. Однако, несмотря на всю скудность сведений, можно утверждать, что далеко не всем буддизм нравился. Оппозиция возникла и в семье хана, и в войске. Жужань потеряла единство, которое ей было необходимо более чем когда-либо. В 513 г. во главе жужаньского посольства в Китай стоял шаман Хунсюань, который привез «идола, жемчугом обложенного» [30, т. I, с. 196]. Это первый случай в истории кочевников, когда духовное лицо выступало в светской роли.

Еще более показательное следующее. В жужаньской ставке жила молодая шаманка, по имени Дэу-хунь дивань. Бросается в глаза, что прозвище «дивань» было персидское: «одержимая». «Она лечила и волхвовала (т. е. шаманила силой духов), и Чеуну всегда имел веру к ней» [там же, с. 197]. Китайский летописец считает ее шарлатанкой и передает рассказ о ее мошенничестве, но нам интересно не это. «Чеуну очень уважал и любил ее и, поступая по ее советам, привел государственное управление в запутанность» [там же]. В орде возникла оппозиция фаворитке, и в 520 г., когда Чеуну был в походе, дивань удавили по приказанию ханши-матери, когда же Чеуну вернулся, мать в сговоре с вельможами убила его, а престол передала другому своему сыну – Анахуаню.

Десять дней спустя Чеуну был отомщен. Некто Шифа, родственник хана, напал на ставку и разбил ее. Анахуань успел бежать в Китай, а его мать и братья были убиты. Пока Анахуань вымаливал милость в Китае, его дядя Поломынь собрал своих сторонников и разбил Шифу. Шифа бежал в Маньчжурию к племени дидэугань [30, т. II, с. 79] и там был убит. Поломынь принял ханский титул. В 521 г. он был разбит восставшими телеутами и с остатком своих подданных откочевал в Китай. Жужань опять оказалась на пороге гибели.

Наконец-то Китай добился своего: оба жужаньских хана отдались в его руки. Приходящие с севера рассказывали, что «государство пришло в большое волнение. Каждый род отдельно живет, и попеременно грабят друг друга» [там же, т. I, с. 202].

Распрями воспользовались телеуты: младший брат замученного Мивоту, Ифу, восстановил государство Гаогюй и разбил в 521 г. жужаней Поломыня, загнав их в Китай [30, т. I, с. 219]. Осенью того же года бежал в Китай от гаогюйцев Синифа, брат Анахуаня, замещавший его. Китайское правительство решило закрепить успех. Поломыня с его приверженцами поселили внутри Китая, у оз. Кукунор, а Анахуаня, который более втерся в доверие, за границей – к северу от Дуньхуана. Поломынь сразу же попытался бежать к эфталитам, так как три его сестры были замужем за эфталитским царем. Но Поломыня задержали, и он умер в тюрьме. У Анахуаня выдержки было больше. В 522 г. он выпросил 10 тысяч мешков проса для посева, но, видимо, жужани просо съели, и в результате в следующем году у них возник голод, который привел к грабежу китайского населения. Посланного для разбора дела китайского чиновника Анахуань задержал, ограбил все что мог поблизости и со всей ордой откочевал на север. Там китайский чиновник был отпущен. Посланная за Анахуанем погоня вернулась ни с чем [там же, с. 204]. Эта головокружительная авантюра спасла жужаней.

Империя Вэй разлагалась с поразительной быстротой, и каждый год создавалась новая политическая ситуация. Уже в 496 г. была потеряна Западная Маньчжурия, где взбунтовались хи (татабы) [30, т. II, с. 73]; активизировалась империя Лян в Южном Китае, и, наконец, в 524 г. на самом севере страны вспыхнуло и быстро разрослось восстание в крепости Войе. Анахуань вызвался подавить это восстание и весной 525 г. разбил бунтовщиков. За это он получил награду «разными вещами» и полное прощение. Теперь настала очередь Гаогюя.

Оставшись один на один с телеутами, жужани разбили их наголову. Ифу был убит своим младшим братом Юегюем, который попытался продолжать войну, но в 534–537 гг. был также разбит. Сын Ифу, Биди, убил своего дядю и возглавил сопротивление. В 540 г. Биди был разбит жужанями, и держава Гаогюй перестала существовать. Тем временем в Китае империя Вэй раскололась на восточную и западную части, боровшиеся между собой. Тут Анахуань выступил как гегемон, ибо обе стороны заискивали перед ним.

Это был последний луч кровавой жужаньской славы.

Потомки волчицы

Знание родословных и специальное изучение их было издавна характерно для центральноазиатских народов [148, т. I, с. 153]. При этом весьма любопытно, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя. Так, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы – серого волка и лань, телесцы – тоже волка и дочь хуннского шаньюя, а тюрки – хуннского царевича и волчицу. Две последние легенды возникли очень давно, по-видимому еще в период обитания этих народов на южной окраине великой пустыни Гоби, так как мифология в некоторой степени корректируется фактами политической истории и этногенеза.

Среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими Северного Китая, находились «пятьсот семейств Ашина»¹¹. Эти «пятьсот семейств» возникли «из смешения разных родов» [30, т. I, с. 221], обитавших в западной части Шэньси, отвоеванной в IV в. у китайцев хуннами и сяньбийцами¹². Ашина подчинялись хуннскому князю Муганю, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то князь «Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев» [30, т. I, с. 221].

Текст повествует о происхождении не всего народа древних тюрков, а только их правящего клана. В этой версии происхождения древних тюрков ничего легендарного нет. По-видимому, Ашина был вождем небольшой дружины, состоявшей из удальцов, почему-либо не ужившихся в многочисленных сяньбийских и хуннских княжествах. Такие мелкие военные единицы, которые нельзя назвать государствами, постоянно возникали в мятежную эпоху III – V вв. и исчезали, не оставив следа.

Китайцы называли подданных ханов Ашина – Ту-кю. Это слово удачно расшифровано П. Пелльо как «тюрк + ют», т. е. «тюрки», но с суффиксом множественного числа не тюркским, а монгольским. В древнетюркском языке все политические термины оформляются монгольским множественным числом. Это дает основание думать, что они привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Само слово «тюрк» значит «сильный, крепкий». Согласно А. Н. Кононову, это – собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, к V в., когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени – сяньбийский, т. е. древнемонгольский. Это был язык команды, базара, дипломатии. С этим языком Ашина в 439 г. перешли на северную окраину Гоби. Слово «Ашина» значило «волк». По-тюркски волк – *бури*, или *касқыр*, а по-монгольски *шоно/чино*. «А» – префикс уважения в китайском языке. Следовательно, «Ашина» значит «благородный волк» [62,

¹¹ «Пятьсот семейств» – фигуральное выражение, означающее «немного» [62, с. 105].

¹² В китайской историографии эта эпоха носит название У-ху, т. е. «пять варварских племен». Перечень государств, образованных кочевниками на территории Китая [см.: 52, с. 658–662].

с. 104–105. Приведена литература]. Не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени Шанэ [241, р. 289].

Вопрос о том, насколько правомерно называть ханов Ашина тотемистами, при современном состоянии наших знаний не может быть разрешен [206, р. 1–22 (отдельный оттиск)], но ясно, что название «волк» имело для тюрков VI в. огромное значение. Китайские авторы считают понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, видимо опираясь на воззрения самих тюркских ханов. Не случайно сяньбийская царица говорит про своего мужа, хана Шаболио: «Хан по его свойствам есть волк» [30, т. I, с. 237]; и в инструкции при нападении на тюрков сказано: «Таковую должно употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков» [там же, с. 290; 198, р. 61]. Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах [30, т. I, с. 229], и, наконец, в двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице [там же, с. 220 и сл.; 234, р. 327–328; 240, S. 5]. Для обеих несколько разнящихся легенд характерно то, что в них нет никакого намека на историческое событие – переход орды Ашина из Ганьсу. Поэтому, надо думать, легенды возникли на Алтае и, может быть, были созданы специально для того, чтобы обосновать права пришельцев на исключительное положение.

Первая легенда любопытна тем, что она знает об «отрасли дома Хунну от Западного края на запад», т. е. о державе Аттилы. Эта отрасль была начисто истреблена соседями; уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей. Род размножился, и «по прошествии нескольких колен некто Асянь-ше со всем аймаком вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана». Итак, согласно этой легенде, алтайские тюрки-тукю (тюркют) происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, через посредство волчицы, причем если учесть, что западные гунны были уничтожены около 468 г., а тюрки выступают как народ уже в 545 г., то можно было бы только подивиться быстроте размножения их и смене поколений!

Вторая легенда выводит тюрков от местного рода Со и опять-таки от волчицы. Все представители рода Со, по легенде, погибли «из-за собственной глупости» (в чем она проявлялась, не объяснено), только четыре внука волчицы уцелели. Первый превратился в лебедя, второй поселился между реками Абу и Гянь под именем Цигу, а третий и четвертый – на р. Чуси (Чуе) в южном Алтае. Эта легенда объяснена Н. А. Аристовым, который сопоставил Со легенды с родом Со у кумандинцев – североалтайского племени на р. Бие, первого внука увязал с племенем лебединцев – ку-кижи, а второго – с кыргызами, жившими между Абаканом (Абу) и Енисеем (Гянь-Кем). Внук старшего сына – Асянь-ше первой легенды. Здесь они обе смыкаются [4, с. 5].

Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем «тюрк», или «тюркют».

Судьба этого слова настолько примечательна и важна для нашей темы, что следует уделить этому сюжету особое внимание. Слово «тюрк» за 1500 лет несколько раз меняло значение. В V в. тюрками, как мы видели, называлась орда, сплотившаяся вокруг князя Ашина и составившая в VI – VIII вв. небольшой народ, говоривший уже по-тюркски. Но соседние народы, говорившие на том же языке, тюрками отнюдь не назывались. Арабы называли тюрками всех кочевников Средней и Центральной Азии без учета языка. Рашид-ад-Дин начал различать тюрков и монголов, очевидно, по языковому признаку, а в настоящее время «тюрк» – это исключительно лингвистическое понятие, без учета этнографии и даже происхождения, так как некоторые тюркоязычные народы усвоили тюркский язык при общении с соседями. При таком разном употреблении термина необходимо внести уточнение. Тот народ,

история которого описывается в нашей книге, во избежание путаницы мы будем называть тюркютами, так, как называли их жужани и китайцы VI в.¹³

Какого бы происхождения ни были те «пятьсот семейств», которые объединились под именем Ашина, между собою они объяснялись по-монгольски до тех пор, пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что «пятьсот семейств» монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI в. и члены рода Ашина, и их спутники были совершенно отюречены и сохранили следы монголоязычия лишь в титулатуре, которую принесли с собой.

На основании вышеизложенного видно, что происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя «тюрк»/«тюркют», – явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности [19, с. 30], а народ «тюркютов» возник в конце V в. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий. Слияние пришельцев с местным населением оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью или тюркютами.

А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая, в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны.

¹³ Этот условный термин предложен нами в 1959 г. [см.: 48, с. 105; 7, с. 104].

Глава третья

Создание великой державы рода Ашина (545–581)

Начало истории древних тюрков (тюркютов)

Хотя история каждого народа уходит своими корнями в глубокую древность, у историков всех эпох есть стремление начать описание с даты, определяющей (по их мнению) возникновение народа. Так, римляне имели крайне условную дату – основание Рима, арабы вполне реальную – бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, русские летописцы выбрали 862 г. и приурочили к нему «начало» русской истории, французские хронисты вели «начало» от Хлодвиг Меровинга, а историки по почину Огюстена Тьерри отнесли его к 843 г. – разделу империи Карла Великого и т. д. Для тюркютов такой датой оказался 545 г.

В Северном Китае разразилась новая война [207, р. 356]. Правитель Восточной империи Вэй, Гао Хуань, заключив союз с жужаньским ханом Анахуанем и тогонским царем Куалюем [76, с. 85], напал на Западную империю Вэй и сильно стеснил своего соперника Юйвынь Тая; однако решающая победа союзникам в руки не далась. В поисках сторонников император Западной Вэй, Вэнь-ди, послал некоего Ань Нопаньто¹⁴ к тюркскому князю Бумыну¹⁵ для установления дружественных отношений.

Посланник, прибывший к тюркютам в 545 г. [234, р. 329]¹⁶, был принят радушно. «В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне к нам прибыл посланник от великой державы, скоро и наше государство возвысится». Этот, казалось бы, незначительный факт указывает, что господство жужаней было тягостно для тюркютов и неизбежность войны за свободу их не пугала.

Сообразуясь с настроениями своего народа, Бумын проявил нелояльность по отношению к своему сюзерену – жужаньскому хану, отправив в столицу Западной Вэй, Чанъань, ответное посольство с дарами и тем закрепив союз с врагом своего господина. Однако это не вызвало разрыва с жужанями: по-видимому, переговоры велись в строгой тайне. Эти посольства на четверть века определили восточную политику тюркютской державы как союзницы Западной Вэй и ее наследницы Бэй-Чжоу, направленную против Северо-Восточного Китая, где с 550 г. укрепились династия Бэй-Ци. Однако, включаясь в мировую политику, Бумын сознавал, что он слишком слаб, чтобы бороться с жужанями, данником которых он был. Бумын решил добросовестно выполнять долг союзника и вассала. Случай к тому представился в том же году.

Западные телеские племена тяжело переносили жужаньское иго. Наконец, их терпение лопнуло: они восстали и из западной Джунгарии двинулись в Халху, чтобы нанести жужаням удар в сердце. Поход был так плохо организован и время так плохо рассчитано, что здесь можно предположить скорее стихийный взрыв народного негодования, чем планомерно организованную войну. История не сохранила даже имен вождей восстания. Когда

¹⁴ Ань Нопаньто назван «кочевым иноземцем из Цзю-Цюань» [30, т. I, с. 228], т. е. из Хэси, откуда 100 лет назад вышла орда Ашина. Источник подчеркивает его происхождение не случайно: был послан человек, знавший язык тюркютов, и это указывает, что связи орды Ашина со своей прародиной утеряны не были.

¹⁵ В орхонских надписях он назван Бумын-каган. В. Бартольд (13а, с. 358) и П. М. Мелиоранский [111, с. 64, 94–95] пытались объединить его в одно лицо с Истеми-ханом. Однако Томсен [281, р. 95], Маркварт [243, S. 185], Аристов [4, с. 9] и Г. Е. Грумм-Гржимайло [44, т. II, с. 219] блестяще доказали, что это два брата, соответствующие китайским Ильхану Бумыну и Истеми.

¹⁶ У Н. Я. Бичурина стоит 535 г., но эта дата менее вероятна, так как империя только что распалась и расстановка сил была еще неясна. Дату 545 г. дает Лю Мао-цзай [240, S. 6].

телесцы были на середине пути, из ущелий Гобийского Алтая выехали стройные ряды тюркютов в пластинчатых панцирях с длинными копьями, на откормленных боевых конях. Телесцы не ожидали флангового удара, а кроме того, они собрались воевать не с тюркютами, от которых они никогда не видели ничего плохого, а с ненавистными жужанями. Поэтому они немедленно изъявили полную покорность Бумыну, а он, приняв ее, совершил второй неловкий поступок по отношению к Жужани.

Покорность в степи – понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток [30, т. I, с. 228]¹⁷ можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы. Телесцы хотели одного – уничтожить жужаней, и Бумын, очевидно, это знал, когда принимал их в свою орду. Но так как этого хотели и его соплеменники, то война была неизбежна. Стремление своих подданных разделял хан, и поэтому события потекли быстро.

Разгром Жужани

Стремясь вызвать конфликт с жужанями и вместе с тем не желая оказаться в роли обидчика, Бумын пошел на провокацию. Он обратился к жужаньскому хану Анахуаню с просьбой дать ему в жены царевну. Это сразу поставило бы его, по степным обычаям, на равную ногу с ханом, на что тот не мог согласиться, не роняя своего авторитета. Разгневанный хан ответил грубо: «Ты мой плави́льщик [тюркюты плавили для жужаней железо], как ты осмелился сделать мне такое предложение» [30, т. I, с. 228]. Отказ ставил Бумына в положение обиженного, а он этого и добивался. Чтобы отрезать пути к примирению, он велел казнить жужаньского посла, и теперь союз с Западным домом Вэй ему весьма пригодился. Немедленно он возобновил переговоры с Вэнь-ди и летом 551 г. получил в жены китайскую царевну Чанле, что окончательно закрепило его авторитет среди кочевников. Стремясь использовать внезапность нападения, Бумын выступил в поход зимой 552 г. и одержал полную победу над жужанями. Анахуань кончил жизнь самоубийством, а сын его Яньлочен бежал к своим союзникам цисцам [8]¹⁸.

Бумын принял титул Ильхан, но в конце 552 г. умер. На престол вступил его сын, принявший титул Кара Иссык-хан (т. е. Черный Горячий хан)¹⁹.

Жужани, внезапно [234, vol. III, p. 350] разбитые тюркютами, выбрали вождем дядю своего погибшего хана, Дыншуцзы, и продолжали борьбу. Но в сражении около горы Лайшань они снова потерпели полное поражение. На их счастье, впрочем весьма недолгое, Кара Иссык-хан умер при загадочных обстоятельствах, сын его Шету [см. с. 64 этой книги] был отстранен, и на престол вступил младший брат Кара Иссык-хана, Кушу, с титулом Мугань-хан²⁰.

Новый хан был тверд, жесток, храбр, умен и ничем не интересовался, кроме войн [30, т. I, с. 229]. Поздней осенью 553 г. он снова разбил жужаней. Цисский император принял своих несчастливых союзников и отразил преследовавших их тюркютов [77]. Но жужани не могли ужиться в Китае. Лишенные своих стад и имущества, не привыкшие к труду, они принялись

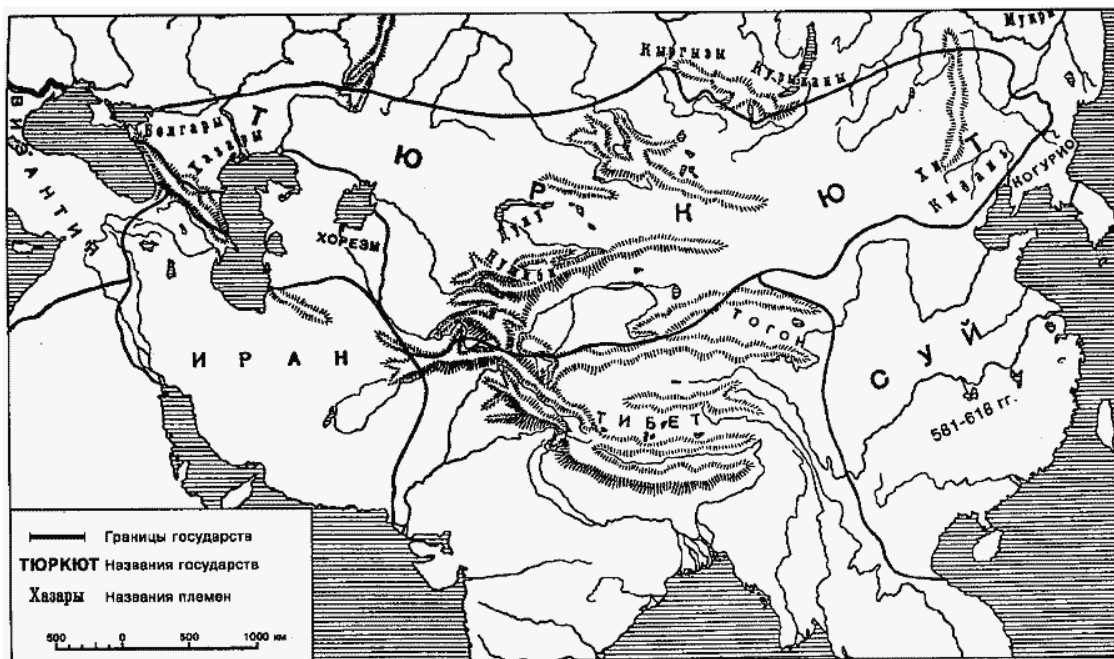
¹⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло предполагает, что против жужаней выступали «парпурумы» [44, с. 220], но число кибиток совпадает с численностью всех телеских племен Центральной Азии, приводимой Д. Позднеевым [128, с. 38–39]. Поэтому надо думать, что Бумын покорил всю конфедерацию телеских племен, до тех пор населявших Джунгарию и после гибели жужаней распространившихся на восток до Байкала и Керулена.

¹⁸ С. Жюльен переводит иначе: Анахуань сам убил своего сына Янь-лочена и бежал в Пи [234, vol. III, p. 330], но Гань-му (в переводе Иа-кинфа [см.: 76]) сообщает о самоубийстве Анахуаня.

¹⁹ Коло Исиги-хан.

²⁰ Этот хан имел имена: «звериное» – Цзушу (кушу – птица); родовое – Сыгинь (йегин – внук, племянник); прозвище – Янды – победитель; титульное – Муюй, или Мугань-хан. Мы сохраняем за ним последнее имя, ставшее привычным в научной литературе [см.: 234, p. 331].

разбойничать, и цисское правительство было вынуждено уже весной 554 г. направить против них войска. Жужани потерпели поражение. Но это не изменило их поведения, и летом 555 г. цисский император изгнал жужаней со своей территории в степь, где их немедленно разгромили тюркюты и кидани [240, S. 35]. Дыншуцзы с остатками орды бросился искать убежища в Западной Вэй, но там нуждались в тюркютах как союзниках против империи Ци и выдали тюркютскому послу три тысячи связанных жужаней. Посол велел обезглавить всех взрослых, но пощадил детей и «следовавших за князьями» слуг [30, т. I, с. 208]. С жужанями было покончено, и тюркюты стали хозяевами всей восточной половины Великой степи. За оказанные услуги по истреблению жужаней тюркюты расплатились с Западной империей Вэй в том же 556 г. В то время когда жужаньские головы катились перед восточными воротами Чанъани, соединенные тюркско-китайские войска ворвались в Тогон, население которого должно было искать спасения в горах Наньшаня [76, с. 85]. Победители взяли резиденцию хана Куалюя – городок Шудунь, находившийся возле Кукунора, и другой городок – Хэмчен. На следующий год тогонцы попытались отплатить за набег набегом на китайские земли, но, не умея брать крепостей, вынуждены были отступить. Империя Ци ничем не могла помочь своим гибнущим союзникам, так как еще ранее истратила силы на отражение киданей с севера (553 [207, р. 359]) и царства Лян с юга (555 [77]). Окрыленный успехами, сын Юйвынь Тая, Юйвынь Цзю, осмелился отбросить ширму легитимизма и, заставив отречься последнего императора династии Вэй, в 557 г. вступил на престол и назвал свою династию Бэй-Чжоу.

Тюркютская держава в конце VI в.

Война на востоке

Расправившись с жужанями, тюркюты перешли к решительным действиям против своих кочевых соседей. 554 год был годом, когда из княжества создалась империя. На севере было завоено государство Цигу. Что понимали китайцы под наименованием Цигу – кыргызов или чиков – неясно [44, с. 222, 311], так или иначе с этого времени Мугань-хан обес-

печил свою северную границу, хотя форсировать Саяны тюркютам не удалось [см.: 189, р. 146]²¹.

На востоке в это время обитали три народа: татабы, которых китайцы называли хи, кидани и тридцать татарских племен, носивших у китайских географов имя Шивэй [34]. Все три народа говорили на диалектах монгольского языка, были близки по быту и культуре, но всегда враждовали между собой. Татабы жили по западным склонам Хингана и поддерживали союз с Бэй-Ци [30, т. II, с. 73]. Кидани занимали степную часть Маньчжурии, к северу от р. Ляохэ. Они постоянно воевали с татабами и, следовательно, вступали в конфликты с Бэй-Ци. В 553 г. император Бэй-Ци, Вэнь-ди, разгромил и подчинил себе значительную часть киданьского народа. Остальные или бежали в Когурио (Корею) [там же, с. 75], или подчинились тюркютам, которые вышли к бассейну Желтого моря.

В результате победы над киданями государство Бэй-Ци не усилило, а, наоборот, ухудшило свое внешнеполитическое положение, так как теперь тюркютские владения охватили его с севера. Жестокая расправа над остатками сяньбийцев и открытое покровительство буддизму, поглощавшему огромные средства, ослабляли сопротивляемость внешним врагам. А в это же время Бэй-Чжоу росло и крепло – как благодаря союзу с тюркютами, так и потому, что его правители опирались на служилое сословие и не тратили средств на буддийских и даосских монахов. Император У-ди в 579 г. издал указ о запрещении буддизма и даосизма; этот китайский Генрих VIII принял имя «Небесное начало», приказал поставить статуи Будды и Лао-цзы по бокам своего трона и, сев между ними, принял публичное поклонение [240, S. 36; 207, р. 380], стремясь тем самым скомпрометировать религию. Чжоуская империя начала приобретать известность даже в Западной Азии, где различные владельцы стремились установить с ней связи. Так, в 553 г. пришло посольство от эфталитов [30, т. II, с. 269], в 555 г. – из Ирана [там же, с. 263]. После же нового разгрома тогонцев, на этот раз силами только чжоусцев, послов прислали: в 559 г. – Гаочан (Турфан) [30, т. II, с. 252–253], в 561 г. – Куча [там же, с. 257] и в 564 г. – Карашар [там же, с. 256].

Главной задачей империи Бэй-Чжоу было уничтожение восточной империи – Бэй-Ци, но последняя имела внутренние ресурсы, при умелом использовании достаточные для сохранения самостоятельности. Все решал вопрос, на чью сторону встанет тюркютский хан.

В 561 г. оба императора направили к Мугань-хану послов с просьбой выдать замуж царевну. Подарки, представленные из богатого Бэй-Ци, чуть было не решили дела, однако дипломатическая ловкость чжоуских послов вынудила Мугань-хана сохранить верность союзному договору [30, т. I, с. 232; 234, р. 337; 240, S. 20]. Он решил наверстать потерю подарков приобретением военной добычи.

В 563 г. союзники осадили г. Цзиньянь, но успеха не имели, и тюркюты, ограбив страну, вернулись в родные степи. На следующий год поход был повторен, но полное поражение одной из чжоуских армий, нанесенное цисцами под Лояном [77], заставило Мугань-хана отвести войска. И все же, несмотря на эту неудачу, он отверг снова ему предложенный союз с Ци. Это объясняется тем, что согласно союзному договору империя Чжоу выплачивала тюркютам ежегодно по 100 тыс. кусков шелковых тканей.

В 572 г. Мугань-хан умер. Его брат и наследник Тобо-хан заключил мир с империей Ци, не порывая с империей Чжоу. Когда же последняя осмелилась отказаться от взноса дани, одной военной демонстрации тюркютов оказалось достаточно для восстановления исходного положения. Империя Ци, страшая тюркютских набегов, истощала свою казну, выпла-

²¹ Названный в тибетском тексте Зама-каган, или Зама-могань, по остроумной догадке Пелльо, – Мугань-хан [см.: 189, р. 151]. Имя «Зама» не может быть «Озмыш», так как Озмыш-хан, последний государь голубых тюрков (см. ниже), за два года своего царствования (742–744) походов на север не совершал [ср.: 204, р. 13]. Надо думать, что слово «Зама» следует читать «Азма» – «не сбивающийся с пути» (негативная форма глагола «аз»). Подобные эпитеты часто встречаются в титулатуре тюркских ханов.

чивая дань за мир. Тобо-хан говорил: «Только бы на юге два мальчика [Чжоу и Ци] были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности» [30, т. I, с. 233].

Союз с империей Ци привел к культурному общению тюркютов с Китаем. В ставке хана появились буддийские монахи и обратили в свою веру Тобо-хана. Буддийский миссионер весьма наивно доказывал хану преимущество буддизма перед прочими вероисповеданиями богатством и силой империи Ци, соблюдающей закон Будды. Последовавший разгром Ци разочаровал тюркютов в буддизме, и в 581 г., после воцарения династии Суй, буддисты должны были вернуться в Китай [240, S. 36–37].

В 576 г. чжоусцам удалось разбить цисцев и овладеть г. Пхинъянь. Попытка цисцев отвоевать город не имела успеха, и цисский император, осажденный в г. Ечен, перед его сдачей отрекся от престола в пользу князя Гао Юань-цзуна, который также попал в плен в 577 г.

Несмотря на разгром, низвергнутая династия обрела энергичного защитника в лице горожанина из г. Тайюань – Гао Бао-нина [240, S. 31–32]. Еще до поражения, в 576 г., он был назначен комендантом пограничной крепости Инчжоу в современном Чахаре. За короткое время Гао Бао-нин приобрел уважение не только китайцев, но и кочевников. После падения династии это обстоятельство обеспечило ему независимое положение. Гао Бао-нин не был беспринципным политическим честолюбцем; в нем появились те моральные силы, которые способствовали возрождению Северного Китая: верность долгу, патриотизм и непреклонное упорство в борьбе. Он отверг предложение победителя о почетной капитуляции и объявил себя сторонником последнего представителя династии Ци – князя Гао Шао-и, убежавшего к тюркютам. За этот поступок Гао Бао-нину было пожаловано звание канцлера (конечно, без возможности занять должность).

Тюркютский хан, очевидно опасаясь чрезмерного, с его точки зрения, усиления Бэй-Чжоу, также принял сторону побежденной династии. К союзу примкнул и полководец Люй Чжан-цзы, восставший против своего императора и укрепившийся в Фаньяне [31, с. 17] (около Пекина).

Гао Бао-нин немедленно мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении силы и выступил на стороне Гао Шао-и. Но он опоздал. Его войска успели только достичь берегов Ляохэ, когда до них дошла весть, что Фаньян разрушен и восстание подавлено. Гао Шао-и вернулся к тюркютам, а Гао Бао-нин укрепился в своей области.

Гораздо более страшным врагом для Бэй-Чжоу оказались тюркюты. В 578 г. Тобо-хан вторгся в Китай и наголову разбил чжоускую армию. Переговоры, начатые в 579 г., были прерваны, и военные действия продолжились с полным успехом для тюркютов. Однако китайскому послу удалось соблазнить Тобо-хана подарками, и в 580 г. был заключен мир, по которому Гао Шао-и был выдан и препровожден в столицу Чжоуского государства – Чанъянь. Умер он в ссылке в Сычуани [30, т. I, с. 234; 240, S. 33].

580 год был апогеем тюркютского могущества. В 581 г. Тобо-хан умер, а в Китае Чжоуская династия была свергнута злейшим врагом тюркютов – боевым генералом Ян Цзянем, основателем династии Суй, что полностью изменило политическую обстановку. Гао Бао-нин пережил своих противников и остался в Чахаре самостоятельным князьком, союзником тюркютских ханов [240, S. 44].

Война на западе

Проявляя активность на восточной границе, тюркюты одновременно совершили поход на запад. К сожалению, подробности этого чрезвычайно важного события освещены источниками недостаточно полно, но наметить общий ход событий все-таки можно.

Западный поход возглавил Истеми-каган, младший брат Бумына. Истеми-каган еще раньше сопровождал Бумыну и командовал десятью вождями, очевидно племенными [198, р. 38]; скорее всего, они были предводителями североалтайских племен угорского происхождения. Их потомками, ныне отюреченными, являются шорцы, кумандинцы, лебединцы и др. Не случайно имя хана Истеми не тюркское, а угорское и является названием духа-предка [225, р. 950 sq.]. Китайцы определяли численность его войск в 100 тыс. человек, но эта цифра отражает не действительное количество воинов, а ранг полководца, в данном случае наивысший, что соответствует его титулу: «багадур-джабгу»²².

Свой поход Истеми начал позже 552 г., так как абары в этот год еще были самостоятельным племенем, приславшим дары на похороны Бумына²³, и, по-видимому, после решительного разгрома жужаней, происшедшего осенью 553 г. Самая вероятная дата выступления в поход – весна 554 г., когда с жужанями было покончено, а степи покрылись травой, что имело решающее значение для конницы.

Судя по скорости передвижения, тюркюты не встретили сильного сопротивления. В 555 г. их войско достигло «Западного моря» [234, vol. III, р. 331], под которым надо понимать не Каспийское, а Аральское море, так как Фирдоуси указывает следующие границы владений Истеми: «от Чина [Китая] до берега Джейхуна [Амударьи] и до Гульзариуна [Сырдарьи] по ту сторону Чача [Ташкента]» [210, VI, р. 310].

На основании этой цитаты мы можем довольно точно провести границу 555 г.: она шла севернее Ташкента, затем пересекала Сырдарью на повороте к северу и в широтном направлении шла до низовьев Амударьи и южного берега Аральского моря. Согдиана и Бухара в это время подчинялись эфталитам, с которыми и столкнулись завоеватели²⁴. Таким образом, тюркюты за полтора года подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье²⁵ и Хорезм²⁶.

Но дальше пошло труднее. На северных берегах Аральского моря тюркюты натолкнулись на сопротивление племен хуни (хионитов)²⁷, вар²⁸ и огоров²⁹. Только к 558 г. эти племена были разгромлены и тюркюты вышли к Волге, гоня перед собой тех, кто отказывался покориться. Это были осколки племен вар и хуни – около 20 тыс. человек [66, с. 374; 5, с. 24], слившиеся затем в единый народ – аваров³⁰.

²² Багадур – слово монгольское, вошедшее в тюркский еще в VI в. *Ябгу* – заместитель хагана [см.: 50, с. 24].

²³ Шаванн ошибочно считает, что Истеми в походе на запад сопровождал своего старшего брата [198, р. 219], но во времена Шаванна этноним «араг» не был еще раскрыт и читался совместно со вторым этнонимом «аругим» как «араг-аругим» или парпурумы [111, с. 65; 267, S. 429], причем Радлов эту этническую группу сопоставлял с телеским племенем фуфоло. Вопрос решила статья турецкого ученого Bahaeddin Ögel «Kötürç yasitlarinen „Apurim lari ve „Fulin“ problem“. Bellten IX. № 33 (журнал Турецкого исторического общества), где он доказал, что апурим – не что иное, как Рум, т. е. Византия. Благодаря этим и другим исследованиям стало возможным уточнить время западного похода, что в свою очередь снимает гипотезу Шаванна о параллельном существовании двух ветвей тюркского народа – западной и восточной. Истеми отправился на покорение запада как джабгу (ябгу) своего племянника Мугань-хана, и упоминание в „большой надписи Кюль-тегина“ обоих братьев как предков восточных тюрков исключает наличие в древности двух ветвей этого народа. Разделение же произошло лишь в VII в. при обстоятельствах, которые будут нами рассмотрены ниже.

²⁴ Этот факт отмечен только в «Ганму» [см.: 77].

²⁵ Обитавшие там племена чуйской группы, дулу и нушиби, имели те же обычаи, что и тюркюты, и мало отличались по языку [198, р. 47].

²⁶ Среди подчиненных тюркютскому хану племен упомянуты холиаты [112, с. 381], которых отождествляют с хвалис-сами русских летописей и тем самым с хорезмийцами [161, с. 95].

²⁷ Хиониты – потомки сармато-аланских племен, обитатели открытых С. П. Толстовым «болотных городищ» в низовьях Сырдарьи [см.: 51, с. 134].

²⁸ Вар, или уар, – соседи хионитов, племя угорской группы [см.: 169, с. 160].

²⁹ Огоры, или угры, – предки венгров; они обитали в VI в. на территории Башкирии и в степях между Волгой и Уралом [см.: 115, с. 96–97]. Рубрук сообщает, что население Башкирии еще в XIII в. сохраняло свой язык, который был понятен венграм [138, с. 122 и 211].

³⁰ Феофилакт Симокатта специально предупреждает читателя, что этих «псевдо-аваров» ни в коем случае нельзя сме-

Тюркюты не перешли Волгу и ограничились подчинением Приуральских степей. На этом западный поход Истеми был закончен. То, что было достигнуто за четыре года, поставило перед каганатом ряд новых политических задач.

Появление единой державы, охватившей всю азиатскую степь, оказалось фактором огромного значения для дипломатии Китая, Византии и Ирана.

Политическая ситуация в Причерноморье в конце 50-х годов VI в. была весьма сложной и напряженной, главным образом вследствие тонкой и дальновидной политики Византии. Область низовьев Днепра и Дона занимал болгарский народ кутургуры. Родственные им утургуры жили на Кубани. Византия, страдая от набегов кутургуров на Фракию, дарами и посольствами побуждала утургуров к военным действиям против кутургуров. Ловкая политика Юстиниана довела оба эти родственные племена почти до взаимного истребления [5, с. 22].

К востоку от утургуров, в районе р. Кумы и в Дагестане, обитало крайне воинственное племя сабиров. Сабирь принимали активное участие в византийско-персидской войне сначала на стороне Ирана, потом против него. В 552 г. они завоевали Агванию, но уже в 554 г. были разбиты персами [239, т. 9, р. 328].

На берегу Кубани жили аланы, верные союзники Византии. Через них греки впервые получили известие о появлении нового варварского народа – аваров.

Авары в Причерноморье

Положение аваров, бежавших от тюркютского нашествия, на первый взгляд казалось безнадежным: за ними стоял намного сильнейший враг, перед ними были сильные, многочисленные и богатые народы, привыкшие к войнам и умевшие побеждать. Авары были нищими беглецами, лишенными и стад, и родной страны. Как и почему они не только уцелели, но и победили, можно ответить, только внимательно рассмотрев политическую обстановку того времени.

Первой задачей аваров было оторваться от противника. Им это удалось лишь потому, что в это время в Средней Азии активизировались эфталиты и отвлекли Истеми, заявившего: «Авары не птицы, чтоб, летая по воздуху, избежать мечей тюркских, они не рыбы, чтоб нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают по поверхности земли. Когда покончу с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил» [112, с. 328].

Активные действия против эфталитов Истеми начал лишь в 561 г., когда Хосрой Ануширван заключил мир с Юстинианом и смог обратить внимание на восток. Окончательный мир в Средней Азии был заключен в 571 г., и лишь тогда тюркюты смогли снова обратиться на запад, но авары воспользовались передышкой столь успешно, что стали недостижимы для Истеми-хана.

Оторвавшись от тюркютов, авары стали искать союзников. Они попросили аланского вождя Саросия³¹ содействовать их сближению с Византией. Саросий принял участие в аварах и помог их послу пробраться в Лазику, откуда он был переправлен в Константинополь, где его приняли недоверчиво и неблагоприятно. Однако Юстиниан отправил ответное посольство с мечником Валентином во главе. Валентин привез аварам подарки и предложил начать действия против врагов империи, главным из которых в то время был Иран. Союз был заключен (558). Но, вместо того чтобы нападать на врагов Византии, авары обрушились на ее союзников.

шивать с «истинными аварами», т. е. абарами, живущими в Срединной Азии. Эта проблема вызвала продолжительную полемику [см.: 7, с. 64–65].

³¹ Г. В. Вернадский предполагает, что это не имя, а титул «Сар-и-ос», т. е. «глава осов» (перс.) [284, р. 194].

Первой жертвой их оказались сабиры, которые приняли новый народ «вар» за истинных азиатских аваров (абар), нанесших в середине V в. им сильное поражение. Это недоразумение вызвало среди сабиров панику и решило победу аваров. Так оказалась фатальной небольшая лингвистическая ошибка. Вслед за сабирами пострадали утургуры, тоже верные союзники империи, а также залы, обитавшие на левом берегу нижнего Дона. Затем авары, переправившись через Дон, обрушились на антов и подвергли этот народ полному разграблению.

Подобно тому как на Кавказе аваров некоторое время поддерживали аланы, в Причерноморье эта роль выпала на долю кутургуров. Хотя источники не содержат прямых указаний на заключение союза между аварами и кутургурами, но весь ход событий и косвенные данные позволяют полагать, что такой союз имел место.

С 551 по 558 г. кутургуры не решаются подступать к границам Византийской империи. Причина этого известна: восточная граница кутургуров благодаря тонкой византийской дипломатии находилась под угрозой со стороны утургуров, а западной – угрожали многочисленные антские племена, обитавшие по всей лесостепной полосе к северу от Причерноморских степей. Менандр писал, что авары «завели войну с утургурами», а вслед за тем набегами опустошили земли антов. «Владетели антские были приведены в бедственное положение и утратили свои надежды» [112, с. 324]. К сожалению, Менандр не сообщает, какие именно надежды утратили анты, и вообще в его рассказе столь много умолчаний, что появляется необходимость критического пересмотра его сообщения о результатах аваро-византийских переговоров. После посольства Валентина авары громят именно сторонников Византии – сабиров, утургуров и антов. Так как эти действия шли вразрез с интересами Византии, то, естественно, в выигрыше оказался Иран.

В самом деле, совершенно невозможно допустить, что авары обратились только в Константинополь и, даже при удаче переговоров, игнорировали Ктезифон. Если принять предположение о заключении союза между аварами и персами, то становится понятным, почему авары принуждены были покинуть Кавказ. Верный союзник Византии, аланский князь Саросий в этих условиях не мог оказывать аварам поддержку, а лишенные ее авары, несмотря на одержанные победы, не могли задержаться в Предкавказье, тем более что у них в тылу стояла грозная сила тюркютов.

Но Заберган кутургурский, враг греков, естественно, рад был получить в лице аваров новых союзников, необходимых ему для борьбы с Византией и ее друзьями – утургурами и антами. Действительно, как только авары, разгромив утургуров, обезопасили кутургуров с тыла, Заберган предпринял новый поход на Балканы и дошел до стен Константинополя. Одновременно, сразу же после аварского посольства, в Константинополь явилось тюркютское (июль 558 г.) и встретило хороший прием. Вероятно, оно тоже сыграло роль в охлаждении греко-аварских отношений.

Таким образом, в 558 г. персидская дипломатия одержала победу, создав для Византии нового сильного врага и переправив опасных соседей со своих границ на Балканы. Как будет видно из дальнейшего, персидско-аварский союз просуществовал до 628 г. и чуть было не расправился с Византийской империей.

Анты попытались договориться с аварами, отправив к ним посла Мезамира, ближайшей целью которого был выкуп пленных. Мезамир, явившись к аварам, вел себя так надменно и дерзко, что был убит аварами, несмотря на его положение посла. Расправившись с послом, авары продолжали грабить и порабощать антов.

Заручившись поддержкой такого энергичного союзника, кутургурский князь Заберган решил, что с востока ему больше никто не угрожает, и, заключив союз со склавинами, вторгся в Византию. В марте 559 г. он перешел Дунай по льду и разделил свое войско на три отряда: один двинулся через Македонию в Элладу и проник к Фермопилам, второй угрожал

укреплениям, защищавшим Херсонес Фракийский, а третий, во главе которого стоял он сам, прорвался через пролом в Длинной стене, пострадавшей от землетрясения и по преступной небрежности не восстановленной.

В Константинополе началась паника: из мрака забвения был извлечен престарелый военачальник Велизарий, который отогнал варваров от столицы. Прочие отряды были также отбиты. Но тем не менее Заберган разбил лагерь во Фракии и продолжал грабежи до тех пор, пока ему не была выплачена солидная сумма и обещаны такие же «дары», как и утургурам. Только тогда кутургуры покинули Фракию.

Юстиниан немедленно снесся с вождем утургуров Сандилхом, после чего утургуры напали на один из отрядов Забергана, возвращавшийся из Фракии, уничтожили его, и отбитую добычу Сандилх вернул грекам. Война, последовавшая вслед за этим, настолько же ослабила оба народа, насколько послужила на пользу аварам.

В 565 г. Юстин II прекратил выплату аварам даров, считая империю достаточно могущественной. Но силы аваров росли. В 565 г. они уже громили Тюрингию и удачно воевали с франкским королем Сигезбертом. В 567 г. авары в союзе с лангобардами уничтожили гепидов, которым оказывала помощь Византия, и овладели долиной Тиссы.

Год спустя, после ухода лангобардов в Италию, авары стали хозяевами всей Паннонии и грозой Центральной Европы. Их силу составляли вспомогательные войска из антов, западных славян и кутургуров, полностью подчинившихся аварскому хану. Первый аварский хан Баян, угрожая Византии, в 568 г. цинично заявил: «Я таких людей пошлю на Римскую землю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли» – и послал на набег 10 тыс. кутургуров [112, с. 391].

Описанные события обнажают пружины международной политики 60-х годов VI в. Иран и Византия были непримиримыми врагами. Для аваров, как противников Византии, был необходим союз с Ираном, тогда как тюркюты, враги аваров, могли находиться с Византией в самых дружеских отношениях.

Но эту расстановку сил осложняло наличие государства эфталитов, враждебного и тюркютам и Ирану. Поэтому Истеми-хану союз с Хосроем Ануширваном был более привлекателен, нежели переговоры с Юстином [210, VI, р. 310]. Около 560 г. персы и тюркюты заключили наступательный союз: первые для того, чтобы «отомстить смерть шаха Пероза» [277, р. 161–162], вторые – чтобы овладеть цветущими городами Согдианы.

Эфталиты были вынуждены воевать на два фронта, и даже на три, так как эфталитский царь Михиракула, владея Кашмиром и Пенджабом, упорно сражался с индийцами [154, с. 94–95].

Разгром эфталитов

Восточная политика сасанидского Ирана изучена недостаточно, но даже отрывочные сведения, сохранившиеся в источниках, убеждают исследователя в том, что она была гибкой и прозорливой. Так, например, усиление Северо-Западного Китая было сразу отмечено в Иране, и уже в 555 г. в Чанъань прибыло персидское посольство. Одновременно было отправлено посольство и к тюркютам (прибыло оно, естественно, раньше), установившее союз, скрепленный браком шаха и дочери хана Истеми³².

³² Фирдоуси считает, что этот брак был заключен после разгрома эфталитов, т. е. после 569 г., но сын турчанки – Хормизд IV наследовал престол в 579 г., а был низложен 6 февраля 590 г., имея уже отрока сына [153, с. 34; 123, с. 88]. Уже Шаванн отверг столь позднюю дату [198, р. 229], но, по версии Табари, брак и союз были заключены за год до войны против эфталитов, которая началась, по китайским сведениям, в 555 г. По-видимому, китайцы получили информацию от персидского посольства. Эта дата совпадает с началом западного похода Истеми, и возраст Хормизда перестает вызывать сомнения: в момент гибели ему было 36 лет, а сыну его – 16–18 [см.: 251, S. 187; 278, р. 161–162]. Посольство упоминается также Белазури и Ибн-Хордадбегом, но их изложение крайне искажено и неправдоподобно [см.: 203, р. 380].

Эфталиты, потеряв своих союзников – жужаней, забеспокоились и также пытались в 553 г. завязать отношения с Китаем, но Юйвынь Тай, правитель империи Западная Вэй, был в союзе с тюркютами, и эфталитские намерения, видимо, не встретили сочувствия. В среде самих эфталитов не было единомыслия. Вельможа Катулф удерживал царя Гатфара от войны, но, будучи оскорблен царем, предал своих единоплеменников и бежал к персидскому шаху [112, с. 328, 372].

Активные военные действия начались в 560 г., после того как их спровоцировал Гатфар. Обеспокоенный сношениями кагана с шахиншахом, он решил сделать все, чтобы воспрепятствовать такому сближению. Тюркютское посольство, двигавшееся через Согд, было вырезано, за исключением одного всадника, которому удалось спастись и принести грустное известие Истеми-хану [210, VI, р. 310]. Война стала неизбежной. Истеми мобилизовал все наличные войска, причем среди них оказались хотанцы [ibid., р. 312], бывшие до этого подданными эфталитов. Хосрой Ануширван опередил своего союзника и нанес первое поражение эфталитам в 562 г. [112, с. 377]³³, но война этим не закончилась.

Первой жертвой тюркютского авангарда оказался Чач (Ташкент), где тюркюты устроили резню [210, VI, р. 312]. Затем главные тюркютские силы, перейдя р. Чирчик [237, с. 302], соединились в Маймурге³⁴ со своим авангардом. Эфталиты сосредоточивались у Бухары [210, р. 312], но Гатфар, не решившись принять бой на равнине, где превосходная тюркютская конница имела преимущества, отступил в горы и принял бой у Несефа (Карши) [239, t. X, р. 63].

По словам Фирдоуси, согдийцы при наступлении тюркютов много плакали, но воевать за эфталитов не хотели. Битва у Несефа продолжалась восемь дней и кончилась полным разгромом эфталитов (565). Уцелевшие, поняв, что время самостоятельности для эфталитской державы прошло, низложили Гатфара и выбрали царем чаганианского князя Фагониша, обязав его подчиниться Хосрою Ануширвану, который, по их мнению, мог противостоять тюркютам.

Хосрой, получив одновременно письмо кагана и предложение покорности от Фагониша, не ответил ни тому, ни другому. Вопреки мнению вельмож, опасавшихся оголять западную границу, он во главе всех своих войск двинулся в Хорасан [210, VI, р. 316 sq.].

Когда общий враг был сломлен, союзники оказались врагами. Разногласия между каганатом и Ираном, которые до сих пор приглушала необходимость расправиться с общим врагом, теперь вскрылись и оказались весьма глубокими и даже непримиримыми. Но их разбору мы посвятим следующую главу, а пока вернемся к эфталитам.

Добившись гегемонии в Средней Азии силой оружия и жестокостью, эфталиты не завоевали популярности в странах, ими покоренных.

VI век для Средней Азии был временем экономического и культурного подъема. Росли и богатели города, процветали земледелие, ремесла и торговля. Согдийцы выступали в это время как опытные и умелые купцы-посредники. Они установили регулярную связь между Китаем и Средиземноморьем, используя для этого древние караванные пути. Но торговле мешал разбой жужаней и постоянные войны, которые эфталиты вели со своими соседями. Тюркюты, объединившие степь и Согдиану, открыли для торговли великолепные возможности, и согдийские купцы стали верноподданными тюркютских ханов. Тюркютам было выгодно иметь таких лояльных подданных. Так Средняя Азия сделалась неотъемлемой частью каганата. Создавшееся положение отрезало эфталитам пути к реваншу и заставило их замкнуться в своих горах, где остатки их уцелели вплоть до нашего времени [51, с. 129–140].

³³ Vivien de Saint Martin (Les Huns blancs... р. 77) дает близкую дату – 563 г.

³⁴ Маймург – княжество в Самаркандской области, к югу от Заревшана [14, с. 95].

Глава четвертая

Шелк и караванный путь

Караванная торговля

Разгромив эфталитов и северокитайские царства, тюркюты достигли не только политического, но и экономического могущества, так как в их руках оказался великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток.

Путь этот начинался в Чанъани и шел вдоль склонов Наньшаня через многочисленные долины, орошаемые стекающими с хребта ручейками. Этот участок пути был легкий, но затем следовал крайне тяжелый переход через пустыню до оазиса Хами, а оттуда в Люкчунскую впадину к Турфану. Оба эти оазиса и еще несколько соседних составляли самостоятельное княжество Гаочан, населенное потомками китайских военно-поселенцев, совершенно освоившихся на новой родине.

От Гаочана караванный путь раздваивался. Одна его ветвь пролегла по южным склонам Тянь-Шаня через Карашар, Кучу и Аксу, затем мимо Иссык-Куля в долину р. Чу и оттуда через Таласскую долину в Исфару. Другая ветвь, северная, начиналась также в Гаочане и шла по южной Джунгарии через Урумчи, Манас, Куркараусу и горы Ирэнъ-Шабирган в долину р. Или и оттуда на юг, в Среднюю Азию. Кроме того, была еще одна трудная дорога через перевалы в Тянь-Шане из Карашара через долину Юлдуза в долину Или, но ею пользовались редко [198, р. 5]³⁵.

В Средней Азии караваны отдыхали. Одним из крупнейших перевалочных пунктов был г. Пайкенд. Оттуда путь шел через Хорасан на Рей и Хамадан и через византийскую крепость Несевию (Низиб) в Сирию и Константинополь. От Китайского моря до границ Персии считалось 150 дней пути, а отсюда до Низиба на римской границе еще 80 дней [68, с. 542].

Торговля была весьма оживленной и доходной, но обслуживала не народные массы, жившие в условиях натурального хозяйства, а социальную верхушку, нуждавшуюся в предметах роскоши. Китайцы получали из Ирана исключительно для своих императриц знаменитую краску для бровей, стоившую очень дорого. Вавилонские ковры были также редкостным товаром. Наконец, в Китай ввозились подлинные и искусственные сирийские драгоценные камни, кораллы и жемчуга с Красного моря, ткани из Сирии и Египта, наркотики из Малой Азии [203, р. 129]. Но наиболее важным предметом торговли был шелк, который начал поступать в Европу со времен Августа. Потребность Византии в шелке была огромна, так как помимо нужд двора и аристократии шелк использовался как валюта при сношениях с варварами, в частности при найме вспомогательных войск.

Притязания Юстиниана на мировое владычество вынудили византийское правительство поддерживать дипломатические связи со всеми государствами Европы до англосаксонских королевств включительно. На подарки, подкупы, наем воинов требовалось огромное количество шелка. За шелк Византия получала из Европы и союзников, и наемников, и любые товары, и рабов. Благодаря торговле Юстиниан мог вести мировую политику, которая подчинила его власти почти все Средиземноморье. Шелк в Византии ценился наравне с золотом и драгоценными камнями [37, с. 99].

³⁵ Первым европейцем, прошедшим по третьей дороге из Киргизии в Карашар, был В. И. Роборовский в 1893 г. [см.: 149].

Но артерия, снабжавшая Византию этим драгоценнейшим товаром, проходила через Северный Иран, и сасанидское правительство отнюдь не выпускало из рук контроль над караванной торговлей. Оставляя себе очень большую часть шелка-сырца для его обработки, иранцы всегда имели возможность продавать свои изделия западным странам по ценам, которые они сами назначали [203, р. 128; 124, с. 187].

Добиваясь ослабления Византийской империи, персы, естественно, стремились не к увеличению ее товарооборота, а к повышению цен на шелк, с тем чтобы выкачать из Византии возможно больше денег и ослабить ее в политическом и военном отношении. Увеличение товарооборота не было выгодно Ирану, так как Византия при любых ценах компенсировала себя при перепродаже шелка на европейском рынке, что помогало ей наращивать военный потенциал. Поэтому персы тщательно регламентировали торговлю шелком, не только установив высокие цены, но и ограничив также количество шелка, вывозимого на запад [68, с. 543].

Естественно, что Византия не могла мириться с создавшимся положением, так как, переплачивая за шелк, она тем самым способствовала усилению враждебного ей Ирана. В промежутках между войнами константинопольский двор с огорчением видел, сколько золота уходит из страны в руки врагов государства [там же, с. 544]. Но попытки освободиться от экономической зависимости были безуспешны. Около 531 г. Юстиниан пытался договориться с Эфиопией, чтобы африканские купцы взяли на себя роль посредников и наладили перевозку шелка через Индийский океан [124, с. 198], но персы в индийских портах пользовались таким влиянием, что эфиопам не удалось отнять у них монополию закупки шелка, а мир, заключенный в 532 г., восстановил обычный порядок торговли [68, с. 546].

Новая война с Ираном, возникшая в 540 г., вынудила Юстиниана особым эдиктом понизить цены на шелк, но заставить персидских купцов продавать шелк по этим ценам не было никакой возможности. В результате в Сирии из-за отсутствия сырья разорились шелкоткацкие мануфактуры [68, с. 548; 125, с. 90–94]. В 570 г. Хосрой Ануширван, овладев Йеменом, окончательно закрыл византийцам доступ на восток через Красное море и Индийский океан. В это же время в историческую игру вступил новый партнер – тюркютский каганат. Выше было отмечено, что тюркюты выкачивали из Китая огромное количество шелка в виде дани. Несмотря на то, что ханы обвешивали шелком свои юрты, использовать весь получаемый ими шелк они не могли.

После разгрома эфталитов согдийцы стали подданными тюркютского хана. Они издавна славились и на Востоке и на Западе как ловкие посредники и купцы. От замены эфталитских хозяев на тюркютских они только выиграли, так как им открылся беспрепятственный и безопасный доступ во внутренние области Азии. В интересах согдийцев было максимальное расширение шелковой торговли, так же как и в интересах тюркютов, стремившихся найти сбыт для излишков шелка.

Согдиец Маниах

Итак, согдийские купцы совершенно справедливо сочли разгром эфталитов началом своего процветания. В самом деле, дорога в Китай была открыта и безопасна, сами тюркюты не знали, куда девать награбленный или полученный в виде дани шелк, и посредник мог нажиться как никогда до сих пор. Задача была лишь в том, чтобы доставить шелк в Византию, но об этом следовало договориться с персидским шахом. Истеми-хан со своей стороны шел навстречу желаниям своих новых подданных, тем более что это совпадало с интересами его приближенных. Поэтому хан охотно согласился на предложение согдийца-Маниаха послать его к Хосрою Ануширвану в качестве полномочного посла с поручением добиться разрешения на провоз через Иран запасов шелка, скопившегося у предприимчивых согдий-

цев. Посол даже предложил персидскому царю принять участие в торговле, т. е. покупать шелк самому и перепродавать его на Запад [112, с. 371–372]. Согдийцы при такой операции, несколько теряя на цене товара, значительно больше выгадывали бы на увеличении оборота.

Разумеется, персидское правительство не могло пойти на сделку, так как если бы оно переправило весь шелк в Византию, то через несколько лет на Евфрате стояла бы столь многочисленная наемная армия, что всех сил Ирана не хватило бы для ее отражения. Исползовать же шелк внутри страны не позволяла низкая покупательная способность населения Ирана. Покупая шелк, персидский шах только терял золото, так же необходимое ему для проведения восточной политики, как шелк был нужен византийскому императору для политики западной.

Хосрой нашел выход из затруднительного положения, в которое его поставил союзный хан. По совету эфталита Катулфа привезенный шелк был оплачен и в присутствии послов сожжен. Это показало согдийцам, что персы не потерпят изменения существующего положения [124, с. 209]. Согдийцы немедленно пожаловались хану, и тот решил уладить конфликт. Он послал в Иран новое посольство, состоявшее из тюркютов. Но и это посольство тоже ничего не добилося. В довершение беды большая часть тюркютских послов умерла от какой-то болезни; вернулись лишь трое или четверо.

Тем временем Маниах успел уговорить хана разорвать союз с Ираном и войти в сношения с Византией. Однако возить шелк вокруг Каспийского моря через Кавказ было дорого и небезопасно: угры, бежавшие перед тюркютскими копьями, могли легко разграбить и вырезать купеческий караван. Дорога же через Иран была короче и легче. Поэтому Истемихан пошел на то, чтобы решить спор оружием. Он заявил, что послы были отравлены, и выступил как мститель³⁶.

Вполне понимая серьезность затеянной войны, хан поспешил обзавестись союзником. Он отправил в Константинополь посольство во главе с тем же Маниахом, которому было поручено заключить с императором Юстином не только торговый договор, но и военный союз против Ирана. Маниах добрался до Константинополя через Кавказ. Прибыл он как нельзя более вовремя. В 568 г. лангобарды вторглись в Италию, и император Юстин II благоразумно отказался от активной западной политики, столь истощившей финансы империи при Юстиниане. К тому же возобновление войны против Персии было неизбежно и пренебрегать мощным союзником не следовало. Поэтому император принял тюркютское посольство чрезвычайно благосклонно и для подтверждения союза направил в августе 568 г. вместе с возвращавшимся Маниахом полководца восточных городов Земарха Киликийца [112,

³⁶ Н. В. Пигулевская [125, с. 202–204] трактует эти события иначе, но, на мой взгляд, неубедительно. Она считает, что «тюрки, не вышедшие еще из полукочевого (? – Л. Г.) состояния, не были склонны к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных – согдийцев – они согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили посольство в Иран». Однако именно кочевые тюркюты умели извлечь шелк из Китая и снабдить им согдийцев, так как без войны китайцы шелка в нужном количестве не отдавали. Да если бы они и согласились продать шелк, то по тем ценам ни согдийцы, ни персы не смогли бы его оплатить и еще получить барыш. Именно потому, что тюркюты получали шелк в виде дани и добычи, они сбывали его согдийцам за бесценок, и тогда торговля становилась прибыльной. Затем, наличие давления покоренных на своих завоевателей допустить более чем трудно; наконец, Маниах был приближенным хана, и естественно думать, что он получил дипломатические полномочия именно от него, а не поехал объясняться с шахиншахом Ирана на свой риск. Фраза Менандра, что хан Истеми разрешил согдийцам «послать посольство самим», говорит лишь о том, что они приняли на себя ведение переговоров, надеясь лучше справиться с делом, чем не искушенные в дипломатии тюркютские беги. Н. В. Пигулевская считает, что согдийцы просили разрешения «беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве», но Менандр прямо указывает, что их просьба была о пропуске шелка на запад, в Византию, пусть даже при посредстве персидской казны. Ниже Н. В. Пигулевская предполагает, что отказ шаха в пропуске шелка объясняется боязнью конкуренции, но ведь свободной торговли шелком в VI в. не было, – значит, не могло быть и конкуренции. Нельзя согласиться и с выводом: «Для Ирана тюрки не представляли желанных союзников». Как может страна, ведущая напряженную войну на одной границе, не хотеть, чтобы был мир на другой. Но логика событий толкала тюркютов и персов к войне, одинаково нежелательной для тех и других.

с. 375]. Истеми-хан ласково принял византийского посла и в подтверждение искренности своих намерений пригласил его сопутствовать войску, двинутому на Иран.

Хосрой не хотел войны. В долине р. Талас тюркютское войско встретило персидское посольство, но хан демонстративно посадил на пиру Земарха на более почетное место, чем персидских послов, и в его присутствии обратился к последним с упреками. Персидские послы вернулись в Иран с вестью о войне. После этого хан отпустил Земарха и тот вернулся в Константинополь в сопровождении сына Маниаха и полномочного посла – тюркюта Тагма-Тархана³⁷. Сам Маннах в это время умер, но союз Византии и каганата пережил своего создателя и перешел по наследству к хазарским каганам, равно как и вражда с Ираном, которая продолжалась даже тогда, когда персидских царей сменили арабские халифы.

Дележ эфталитского наследства

Официальным предлогом возникшей войны было требование Истеми-хана, чтобы персы платили ему ту дань, которая раньше шла эфталитам [251, S. 158]. Отказ был неизбежен, и хан бил наверняка. Тюркютская конница быстро перешла Амударью и в Джурджане захватила «торговые города и порты сиров³⁸, прежде обладаемые персами» [168, с. 493]³⁹. Но линии пограничных укреплений, воздвигнутых персами еще в V в. против эфталитов, оказались для тюркютов непроходимыми. Наступление остановилось, а уже в 569 г. тюркюты вернулись в Согдиану [203, р. 373].

На этом военные действия и закончились, так как Истеми-хан вовсе не стремился разбивать лоб о регулярную и хорошо обученную армию шахиншаха. Зная, что Византия вот-вот начнет войну в Месопотамии и отвлечет туда персидские войска, он решил пока договориться о дележе эфталитского наследства. По договору 571 г. Хосрой Ануширван получил Синд, Бост, ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан и Кабулистан. Кроме того, персам подчинился наследственный удел эфталитского князя Фагониша – Чаганиан [251, р. 156–169]. Тюркютам досталась Согдиана.

Заключение мира было для Хосроя Ануширвана большой удачей. Во-первых, он продвинул границы своего царства на восток так далеко, как ни один из его предшественников; во-вторых, он освободил свои силы для войны на западе, где восстали армяне, передались византийцам грузины, активизировались в Аравии эфиопы и, наконец, в 572 г. выступили византийские войска и осадили Низиб. Перекинув на запад свои обученные войска, Хосрой быстро добился перелома в военных действиях и уже в 573 г. взял Дару [168, с. 493–495]. Собственно говоря, этими успехами он был обязан вынужденному бездействию тюркютского хана: авары, непримиримые враги тюркютов, завоевали степи от Савы до Дона, и Истеми-хану пришлось перенести свое наступление с юга на запад. Между 567 и 571 гг. тюркюты овладели всем Северным Кавказом⁴⁰ и сомкнулись с владениями Византийской империи около Боспора. Возможно, что они стремились там продолжить новый караванный путь для своих друзей и советчиков – согдийских купцов.

Византия, зажата в клещи персами и аварами, ухватилась за союз с ханом. В ближайшие годы к тюркютам были направлены посольства Евтихия, Иродиона, Павла Киликийского и Анангаста [239, t. X, р. 169]. Казалось, что союз упрочится и мост между Востоком и Западом будет сооружен, но события потекли по иному руслу.

³⁷ Тархан – титул, присваиваемый лицу, освобожденному от уплаты налогов.

³⁸ Сирами назывались купцы-посредники в шелковой торговле с Китаем [49, с. 23].

³⁹ М. Е. Массой полагает, что эти порты были в Джурджане, утраченном персами в 484 г. и захваченном тюркютами около 568 г. [110, с. 50].

⁴⁰ Тюркюты подчинили б-н-дж-р (болгар), беленджер и хазар, дошли до Дербента и, осмотрев укрепления, вернулись в степи [Табари 1, 2, с. 895–896; Ибн-аль-Асир, с. 9–10 – цит. по: 7, с. 137–138].

Война с Византией

В 553 г. Византия завела собственную шелковую промышленность [168, с. 493; новейшая литература в кн.: 124, с. 204; 110, с. 47–51]. Личинки шелковичных червей были доставлены в Константинополь, по словам Прокопия Кесарийского, двумя христианскими монахами, а по словам Феофана Византийского, – неким персом, в выдолбленном посохе. Н. В. Пигулевская полагает, что личинки были принесены из согдийских городов [124, с. 205–206], а по мнению М. Е. Массона, ссылающегося на рассказ Феофана, они были доставлены из Джурджана [110, с. 50]. Шелководство развилось в Константинополе, Бейруте, Тире и Антиохии. К концу VI в. вопрос об импорте шелка уже не имел для Византии прежнего значения [там же, с. 49] и надежды тюркютов на овладение шелковой монополией оказались тщетными. Наличие конкуренции не могло не заставить их понизить цены на шелковые изделия, что значительно уменьшало выгоды от торговли.

Кроме соперничества в торговле шелком охлаждению византийско-тюркютских отношений способствовал аварский вопрос. Согласно договору 568 г. Византия обязалась не заключать мира и союза с аварами, поэтому, когда аварское посольство явилось к Юстину с просьбой о мире и позволении занять Паннонию, ему было отказано [168, с. 493]. Несмотря на это, авары утвердились в Паннонии и нанесли византийцам поражение, заставившее последних в 570 г. заключить мир [112, с. 400].

Этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы произошла политическая перегруппировка. Тюркюты на Волге находились в среде только что покоренных племен, покорных лишь потому, что до сих пор тюркютская тяжелая кавалерия не имела равного себе противника. Внезапное усиление аваров создавало центр притяжения для всех врагов тюркютского каганата, в первую очередь для кутургуров, и являлось угрозой для самих тюркютов. Но пока авары были заняты войной с гепидами и греками и исход войны был неясен, тюркюты могли пренебречь слабым противником. Когда же авары создали мощное государство, обезопасившее себя миром с Византией, тюркюты не могли не обеспокоиться. И действительно, посольство Валентина 576 г. встречает совершенно иной прием, нежели предыдущее.

Посла принял Турксанф, один из восьми удельных князей (в это время тюркютская держава состояла из восьми уделов, подчиненных великому хану). На приветствия Валентина он ответил: «Не вы ли те самые римляне, употребляющие десять языков и один обман?» Выговорив эти слова, он заткнул себе рот десятью пальцами, потом продолжал: «Как у меня теперь во рту десять пальцев, так и у вас, у римлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим – моих рабов вархонитов... Ваш царь в надлежащее время получит наказание за то, что он со мной ведет речи дружественные, а с вархонитами (он разумел аваров. – Л.Г.), рабами моими, бежавшими от господ своих, заключил договор. Но вархониты как подданные тюрков (тюркютов. – Л. Г.) придут ко мне, когда я захочу... Зачем вы, римляне, отправляющихся в Византию посланников моих ведете через Кавказ, уверяя меня, что нет другой дороги, по которой бы им ехать? Вы для того это делаете, чтоб я по трудности этой дороги отказался от нападения на римские области. Однако мне в точности известно, где река Данапр, куда впадает Истр, где течет Эвр и какими путями мои рабы вархониты прошли в Римскую империю. Небезызвестна мне и сила ваша. Мне же преклоняется вся земля, начинаясь от первых лучей солнца и оканчиваясь пределами запада. Посмотрите, несчастные, на аланские народы да еще на племена утигуров, которые были одушевлены безмерной бодростью, полагались на свои силы и осмелились противостать непобедимому народу тюркскому, но они были обмануты в своих надеждах. Зато они в подданстве у нас, стали нашими рабами» [112, с. 418–420].

Этот текст объясняет нам поворот тюркютской внешней политики, но мотивировка Турксанфа в изложении Менандра явно неполна. Турксанф при его осведомленности не мог не знать, что мир, который Византия заключила с аварами, был вынужден тяжелыми поражениями, понесенными греками на Дунае. Валентину было бы очень легко найти оправдание, но вместо этого он только ссылается на свое положение посла, гарантирующее ему безопасность, на старую дружбу с отцом Турксанфа и т. п. Короче говоря, он ведет себя как виноватый. Причину этого объясняют арабские историки Табари и Саалиби. В описании войн Хосроя Ануширвана они сообщают, что, вернувшись из похода против византийцев, Хосрой обратился против хазар (т. е. западных тюркютов. — Л. Г.) и рассчитался с ними [279, р. 614; 278, II, р. 161]⁴¹. Это сообщение у Саалиби не датировано, но поставлено после взятия Антиохии; Табари же излагает здесь события вне хронологической последовательности. Действительно, до 575 г. византийские посольства находили у тюркютов самый теплый прием, но в 575 г. между Ираном и Византией было заключено перемирие и Хосрой с освободившимися войсками смог рассчитаться с союзниками своих врагов. Тюркюты же в период с 570 по 576 г. были заняты покорением Северного Кавказа. С их помощью византийский ставленник Гуарам Багратид получил престол в Картли (575) [196, р. 216]⁴². Надеясь на Византию, они не ожидали удара в спину.

В такой ситуации раздражение Турксанфа становится понятным. Последствия разрыва сказались немедленно. В 576 г. тюркюты, поддержанные утургурами, взяли Боспор, «и этим обнаружилось, что тюрки [тюркюты] ведут борьбу против римлян» [112, с. 423]. На этом наступление тюркютов не остановилось. Они вторглись в Крым, но, по-видимому, были вытеснены оттуда. Затем тюркюты попытались достичь Византии через Западный Кавказ [169, с. 160–161; 56, с. 72], но натолкнулись на сопротивление царства Эгриси, северная граница которого проходила по Кавказскому хребту. Проникнуть в Закавказье им не удалось, и в начале 80-х годов тюркюты должны были отступить, перебив при этом множество пленников. Прочно закрепиться они смогли лишь на равнинах Северного Кавказа и в предгорьях Дагестана вплоть до Дербента. Тюркская угроза для Византии миновала.

Китай и караванный путь

Теперь посмотрим, что извлекал источник шелка – Китай – из торговли, столь выгодной для тюркютов, согдийцев, персов и греков. Трудолюбивые китайские крестьяне производили этот ценный товар, но сами им почти не пользовались, ибо налоги были велики и собирались неуклонно. Получавшиеся за шелк предметы роскоши шли главным образом на удовлетворение прихотей двора и не играли заметной роли на внутреннем рынке. Более того, они стоили значительно меньше, чем вывозимый шелк, и для Китая в целом эта торговля была убыточна. Но правительство Бэй-Чжоу не могло, вернее, не смело изменить положение, так как его политические успехи целиком зависели от поведения тюркютских ханов; Бэй-Ци и Тогон были разбиты лишь благодаря помощи тюркютов, а кроме того, предстояло покорить Южный Китай, что было невозможно без обеспеченного тыла. Вместе с этим необходимо помнить, что династия Бэй-Чжоу была все-таки не китайского, а сяньбийского происхождения и опиралась на окитаенную сяньбийскую знать, превратившуюся в крупных землевладельцев Северного Китая. Нет нужды в том, что потомки тобасских «косоплетов» забыли свой язык и нравы, для коренных китайцев они оставались ненавистными варварами, потом-

⁴¹ Вероятно, Хосрой отнял у тюркютов города и порты в Джурджане, так как в дальнейшем эта область принадлежит Ирану.

⁴² М. Броссе подвергает эту дату сомнению, так как описанная ситуация похожа на ситуацию 589 г. Мне кажется, что тут ошибка не в хронологии, а в описании события. Больше и позднее заслонило меньшее, более раннее. Иными словами, я верю летописцу, что Гуарам стал царем в 575 г.

ками поработителей. Не менее одиозной для китайского населения была и внешнеполитическая линия бэй-чжоуского правительства. Союз с тюркютами, который так высоко оплачивался, показывал, что династия не порвала со степными традициями. Кроме того, гонение на даосизм и буддизм толкнуло эти влиятельные организации в ряды оппозиции. Наконец, присоединение многолюдного царства Бэй-Ци усилило китайский элемент в империи. Но решающую роль в назревавших событиях сыграла так называемая «группировка Гуаньлун».

В жестокое время падения династии Вэй много богатых китайских семей из Шаньдуня переселилось к Юйвынь Таю в Шэньси и обосновалось в областях Гуаньчжун и Лунси. Здесь они объединились с местными китайскими чиновниками и помещиками и на основе соседства, этнического единства и родственных связей составили группировку, получившую название по месту обитания – Гуань (чжун) и Лун (си) – Гуаньлун. При последних бэй-чжоуских монархах вождем «гуаньлунцев» был полководец Ян Цзянь, дед малолетнего императора (по линии матери) [175, с. 178].

Ян Цзянь был «гневен, недоверчив и, не любя книг, действовал хитростью; он умел заставить бояться себя, и его приказы исполнялись быстро и точно, государственными делами он занимался с утра до вечера без признаков усталости» [207, р. 25]. Его политические симпатии и антипатии определились средой, на которую он опирался. Внутри страны им проводились мероприятия, направленные на смягчение социальных противоречий, а по отношению к соседям он предпочитал обострение отношений.

В 563 г. Ян Цзянь попытался изменить направление политики, вызвав конфликт с тюркютами. Обосновал он это следующим образом: «Тюркютские воины пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают начальников и, по большей части, не соблюдают порядка. Управиться с ними нетрудно. Отсюда видно, что напрасно много говорят об их могуществе. Сим желают только побудить правительство щедро награждать посланников их, в надежде самим, отправившись туда, получить сугубое возмездие. Двор получает ложные донесения, а военные начальники при первом слухе о них предаются страху. Неприятеля по наружности показываются мужественными, в самом же деле легко управиться с ними. Ныне, по моему мнению, и прежним и последним посланникам надлежит всем отрубить головы» [30, т. I, с. 232].

Однако эти слова отражают не реальную действительность, а программу «группировки Гуаньлун». Тюркютская тяжелая конница была не только более маневренна, чем китайская пехота, но в отличие от ранних кочевников приобрела умение действовать лобовым ударом. Столкновения 578–579 гг. доказывают военное преимущество тюркютов со всей очевидностью. Полемизируя со сторонниками ориентации на степь, Ян Цзянь пытается представить их продажными взяточниками, что вряд ли соответствует истине. Но самым важным его положением является предложение не давать тюркютам подарков, т. е. шелковых тканей. Это мероприятие действительно подорвало бы экономическую мощь тюркютских ханов и одновременно позволило бы снизить налог в самом Китае.

Итак, «группировка Гуаньлун» предлагала установить экономическую и политическую изоляцию страны. Предложенная программа была императором отвергнута, но Ян Цзянь умел ждать, а время работало на него. Требования тюркютов и силы китайцев возрастали пропорционально ослаблению сяньбийского элемента, лояльного династии Бэй-Чжоу. Весной 581 г. китайские вельможи подняли знамя мятежа против правительства, и к ним примкнули народные массы. Этот момент Ян Цзянь использовал для того, чтобы заставить последнего императора, мальчика девяти лет, отречься от престола в свою пользу. Несчастный ребенок был вскоре убит, а все члены рода Юйвынь казнены, после чего мятежи утихли. Новая династия получила название Суй.

Несмотря на то что «китайская» партия легко одержала полную победу, Ян Цзянь не решился доводить до отчаяния многочисленную сяньбийскую знать. Специальным эдиктом

он подтвердил, что «все ранги и титулы предыдущей династии по-прежнему остаются в силе» [175, с. 180]. Окитаенная сяньбийская знать уцелела, и это определило дальнейшую историю как самого Китая, так и Срединной Азии. Ян Цзянь не мог идти на гражданскую войну, которая, несомненно, возникла бы без этого эдикта, так как перед ним стояли две важные политические задачи: покорение южного Китая, которое было легко завершено в 589 г., и разгром тюркютов. Последнее оказалось гораздо более тяжелым, чем предполагали вожди «группировки Гуаньлун».

Глава пятая

Внутри Каганата

Власть и народ

По китайским сведениям, провозглашение хана было обставлено сложным церемониалом: сановники сажали его на войлок и девять раз проносили кругом, по солнцу, под приветственные крики присутствующих. Затем его сажали на лошадь, стягивали шелковой тканью горло и, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает быть ханом. В истории тюркютов незаметно, чтобы ответы на эти вопросы играли хоть какую-нибудь роль в определении срока правления; скорее всего, этот обычай сохранился как рудимент от того времени, когда хан был выборным племенным вождем. Наследование престола шло по сложной системе, о которой будет сказано особо.

Первым лицом в государстве после хана был ябгу. Собственно говоря, ябгу был вице-королем, и на эту должность чаще всего назначались члены царствующего рода. Например, при Ильхане Бумыне чин ябгу имел его родной брат Истеми. Но вместе с тем ябгу не был наследником престола; наследник назывался «тегин» вне зависимости от занимаемой должности. Титул «шад» принадлежал принцам крови, имеющим в своем управлении уделы, например, Сымо, впоследствии хан, не мог стать гладом из-за подозрения, что он незаконнорожденный [30, т. I, с. 260].

Чины меньшего значения получали лица, не принадлежавшие роду Ашина, но все должности были наследственными [там же, с. 299; 234, vol. III, p. 333; 240, S. 9, 498]. Можно на основании этого предположить, что тюркютское общество было аристократическим. Однако воздержимся от преждевременных выводов. Наряду со свободными и знатью тюркютское общество знало и рабов из числа военнопленных. Это были главным образом женщины. Истеми-хан подарил Земарху в 569 г. пленницу из народа кыргызы [112, с. 379]; пленницы из Китая вывозились при удачных походах тысячами; так, в 619 г. Чуло-хан, взяв Бинчжоу, «забрал в городе всех женщин и девиц», а ловля людей в Атрпатакане (628) запомнилась на Ближнем Востоке [30, т. I, с. 246; 77а, с. 128]. Наконец, из-за ссоры при дележе пленных Юйгу-шад лишился трона [30, т. I, с. 287–288]. Таким образом, следует признать, что тюркютам было известно рабство. Но тут встает вопрос: каким образом рабы могли быть использованы в кочевом хозяйстве? Раб, если он не калека, всегда может убежать на лошади хозяина, и затраты на него не окупятся. Очевидно, что положение раба не было тяжелым, и действительно, существует текст, свидетельствующий об этом. В 486 г. Шаболио-хану предложено было признать себя вассалом дома Суй. Шаболио спросил: что значит слово «вассал»? Ему ответили: «В царстве Суй вассал значит то же, что у нас слово „раб“». Хан ответил: «Я имею счастье сделаться рабом сына Неба» – и выразил свою радость подарком послу. Приведенная цитата заставляет призадуматься: что за радость быть чьим-то рабом? Очевидно, Шаболио-хан имел в виду что-то другое, когда узнал, что отныне он «qui» китайского императора. Адекватно ли мы переводим слово «qui» как раб, хотя оно, несомненно, отражает определенную зависимость? Не случайно, что китайцы эквивалентом слова «qui» считали не «pu», а «tch'in», что Н. Я. Бичурин переводит «вассал», а Ст. Жюльен — «sujet» [234, vol. III, p. 497] — подданный. К счастью, некоторые тексты орхонских надписей дают возможность уточнить значение слова «qui» и внести в проблему ясность. В «Большой надписи» Кюль-тегину говорится: «...табгач будунка баглик уры оглын кул болты, силик кыз

оглын кюнг болты...» [104, с. 29], т. е. «...народу табгач стали они [тюрки] „кулами“⁴³ своим крепким мужским потомством и «кулынями» своим чистым женским потомством». Но в это время тюрки жили в степях южнее Гоби своим бытом, пользовались многими привилегиями сравнительно с китайским населением империи Тан; участвуя в походах, делали блестящие служебные карьеры и привозили в свои юрты полные торока добычи. Налицо был лишь факт подчинения иноплеменному государю без какого бы то ни было социального угнетения.

Возьмем другой текст:

«[Эльтерес-каган]... привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль [см. ниже] и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами, упразднивший тюркские установления; он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков» [104, с. 37–38]. Опять подчеркивается лишь подчинение иноземцу, но отнюдь не лишение личной свободы.

В третьем случае, когда описывается гибель Барсбега и указывается, что «народ его стал рабынями и рабами» [там же, с. 39], имело место простое завоевание, а не распродажа пленных на невольничьем базаре⁴⁴.

Итак, основное содержание понятия «qui» – подчинение чужому. Этот оттенок сохранился до XIX в., но поскольку поздние тюрки включились в систему мусульманской культуры с характерной для нее работорговлей, то термин «qui» стал применяться и к проданным рабам, чего в раннее время не было. Использование кулов в VI – VIII вв. было совсем иным: тюркюты приводили их на свои земли, селили в определенных местах и взимали с них налоги⁴⁵. Кроме того, женщин использовали в качестве домашней прислуги и наложниц [118, т. III, гл. V, Общественный строй]. Можно сказать, что кулы походили на римских колонов, но понятие «раб» в нашем смысле к ним совершенно неприменимо. С. П. Толстов указывал на существование поселков, заселенных исключительно пленными, платившими тюркютам дань продуктами земледелия и ремесла [162, с. 261]⁴⁶. По сути дела, это были новые подданные, данники, а с данниками тюркюты умели управляться. «Суйшу» упоминает о податях глухо: «Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве» [30, т. I, с. 229]. Но Моисей Каганкатваци дал великолепное описание системы обложения подданных в тюркютском каганате. «Князь севера навел страх и ужас по всей земле. Он отправил смотрителей за всякого рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и в выделке меди. Он требовал также пошлин с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского» [77а, с. 131].

Из этой цитаты видно, что тюркютские ханы взимали гораздо больше, чем шахи Ирана, и, следовательно, богатство тюркютских ханов и вельмож при каждом завоевании быстро росло. Такому систематическому ограблению подвергались телеские племена Халхи и Джунгарии, кидани и хи Южной Маньчжурии, города-государства Согдианы, тохаристанские княжества, житница Азии – Турфан, приуральские угры, прикубанские утургуры и лесные племена южных склонов Саяно-Алтая. В дополнение к этому Китай или выплачивал ежегодную дань, или подвергался опустошительным набегам, а от Ирана и Византии поступали дары в виде компенсации за мир или союз. Конечно, часть этих богатств перепадала рядовым воинам, преданность которых только и давала возможность осуществлять столь

⁴³ У С. Е. Малова: «рабами» и «рабынями» [104, с. 37].

⁴⁴ С. П. Толстов, трактуя слово «qui» как «раб», делает вывод, что «идеология рабовладельца встает здесь во весь рост» [160, с. 45]. На основании разобранных текстов с этим согласиться нельзя. Другие же тексты, на которые он опирается, С. Е. Маловым читаются иначе [106, с. 16 (текст), с. 20 (перевод)].

⁴⁵ Эта система описана С. П. Толстовым вопреки сделанному им заявлению [160, с. 46–47].

⁴⁶ Ср. чувашское слово «куланай» – дань.

жестокою эксплуатацию покоренных народов, но львиную долю доходов получала правящая верхушка, и в особенности сами ханы.

Богатства, накапливаемые таким путем, могли быть огромны. Описание роскошного приема византийских послов тюркютским ханом сохранилось у Менандра. «...Они обедали, и весь тот день провели в пировании в том самом шатре. Он был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками. Они пили вино, но не такое, какое у нас выжимается из винограда. Напиток, ими употребляемый, есть какой-то варварский⁴⁷. На другой день они [римляне] были переведены в другую кушу, обитую и испещренную также шелковыми покрывалами. Здесь стояли и кумиры, различные видом. Дизавул [Истеми-хан] сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки также золотые. Они опять пировали, поговорили за попойкой, о чем было нужно, и разошлись. В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркютского князя» [112, с. 378–379].

Все это богатство было, конечно, награбленным, однако победа тюркютов, в результате которой они стали господами полумира, была не случайной. Они создали армию и систему управления настолько выше общекочевого уровня, что можно сказать с уверенностью: они были достойны победы.

Удельно-лествичная система⁴⁸

Внутри великой тюркютской державы происходили изменения не менее радикальные, чем вокруг нее. Первое, в чем они выразились, был порядок престолонаследия. Выше говорилось, что сын и наследник Ильхана Бумына, Кара Иссык-хан, умер в начале 553 г., пережив своего отца всего на полгода. Сын его, Шету, был отстранен от престола. Власть перешла в руки второго сына Бумына – Кушу, принявшего титул Мугань-хана⁴⁹. При нем не только было положено начало внешнеполитическому могуществу тюркютского каганата, но и установлена удельно-лествичная система [см.: 50], благодаря которой тюркютская держава могла больше ста лет удерживать первенствующее положение в Азии и соперничать с великими державами VI – VII вв.

Смысл системы заключался в следующем. Тюркютская держава была создана «длинным копьём и острой саблей». За десять лет (550–560) тюркюты подчинили себе все кочевые племена от Желтого моря до Волги и еще двадцать лет продолжали экспансию. Но эту огромную территорию недостаточно было покорить, надо было ее удержать. Жестокая эксплуататорская власть тюркютов не могла привлечь симпатии новых подданных, и сепара-

⁴⁷ Китайская рисовая водка [ср.: 44, с. 216].

⁴⁸ Лёстовка – род кожаных четок; уподобление их особому порядку престолонаследия встречается в Никоновской летописи (подобно тому как в четках перебирается одно зерно за другим, так и удельные князья по очереди занимают великокняжеский престол).

⁴⁹ Для понимания внутренней истории древних тюрков необходимо отметить, что каждый из князей имел кроме собственного («звериного») имени титул, который менялся в зависимости от занимаемой им должности. Некоторые тюркютские ханы выступают в истории под двумя или тремя именами, например: Шету – имя собственное (у Бичурина он назван Нету); Эрфу-хан – титул в бытность его удельным князем на востоке державы; став каганом, он принял титул Илигюйлу Ше Мохэ Шаболо-хан. Более он известен под кличкой, данной ему китайцами, – Шаболо (грабитель). У некоторых ханов известны только титулы или только «звериные» имена [240, S. 122]. Шету – «достигший (власти)». Эрфу – тюркское Ер = муж + бег; Илигюйлу Ше Мохэ Шаболо-Иль Кюлюг-шад Бага Ышбара (тюркское) в переводе: «Державы славный шад, божественный могучий хан». Все имена и титулы расшифровать не удалось, и потому некоторые оставлены в первоначальном виде.

тистские тенденции не угасали ни на минуту. Восстания против династии Ашина вспыхивали то тут, то там вплоть до гибели державы.

Одной из наиболее острых внутривластных проблем, стоявших перед Мугань-ханом, была проблема предотвращения отложения окраин. Покоренное племя хранило верность лишь тогда, когда панцирная конница с волчьими головами на знаменах была поблизости. Только наместник, обладавший достаточной военной силой, мог предотвратить возмущение и отложение. Но что могло заставить самого наместника сохранить верность хану, если в руках первого оказывались и власть и войско, а от ханской ставки его отделяли огромные расстояния? Правда, можно было назначить наместником родственника, но это не спасало положения, так как войны между родственниками никогда редкостью не были. Тогда была принята удельно-лестничная система. Идея ее была проста: раз добрые чувства и личные качества наместника не могли служить гарантией верности, надо было создать заинтересованность, которая бы привязывала его к центральной власти. Удельно-лестничная система устанавливала очередность наследования престола. Согласно закону Мугань-хана наследовал не сын отцу, а младший брат старшему и старший племянник младшему дяде. В ожидании престола принцы крови получали в управление уделы.

В 568 г. тюркютская держава делилась на четыре удела, а в 576 г. – уже на восемь. Вряд ли правильно считать эти уделы подобием феодалов Западной Европы. Скорее, здесь было разделение военных сил с подчинением военачальнику более или менее определенного района. Верховного хана Менандр называет Арсила [112, с. 374, 418]. Легко догадаться, что это искажение тюркского имени Арслан, что значит «лев». Так как мы знаем, что Мугань-хан умер в 572 г. и на престол согласно новому закону вступил его брат Тобо-хан⁵⁰, то можно предположить, что Арслан – это собственное («звериное») имя Тобо-хана.

Тобо-хан выделил в 572 г. уделы: на востоке для своего племянника Шету и на западе для брата, который вскоре умер, оставив удел своему сыну, носившему титул Бури-хан⁵¹. Сын Мугань-хана, Торэмен⁵² имел ставку на севере⁵³, может быть в земле кыргызов и чиков. Дети только что умершего Истеми также имели уделы: Кара-Чурин⁵⁴ – в Семиречье и Турк-санф – на нижней Волге и Урале⁵⁵. Ставка великого хана находилась около Алтая в исконных тюркютских землях, а два остальных удела, по-видимому, принадлежали его сыновьям: Амраку⁵⁶ и Тегин-шаду⁵⁷.

При этой весьма сложной и запутанной системе уделов закон о лестничном престолонаследии на первых порах сыграл весьма положительную роль. Дважды было предотвращено вступление на престол несовершеннолетнего царевича, которое могло бы поставить державу в критическое положение. Власть все время оставалась в руках опытных людей. Удельные князья в надежде рано или поздно получить верховную власть не затевали смут и распрей, и держава расширялась по всем направлениям. Прототипом для системы уделов был, очевидно, порядок престолонаследия у южных хуннов II в. [63, с. 213–214], с потом-

⁵⁰ По-тюркски «Табак-хан», т. е. «хан с чашкой». Это намек на его буддийские увлечения, когда он ходил с патрой (чашкой для сбора подаяния), как буддийский монах.

⁵¹ Бури – волк. Этот князь назван Менандром Бо-ханом. Он был во главе утургуров, когда они взяли в 576 г. Боспор, так что надо полагать, что его ставка была на Кубани [112, с. 422; см.: 248, S. 150–151].

⁵² Торэмен – тюркское титульное имя, восстановленное из *kit*. Да-лобянь и греч. Турум [см.: 57, с. 88]. Кроме того, он носил титул Ала (старший), по-китайски – Або, а по-персидски – Абруй [см. там же].

⁵³ Это видно из того, что Чжан-сунь Шэн называет его удел «северным ханством».

⁵⁴ Он имел титул Тардуш-хан (*kit*. Дяньгу Датун-хан, греч. Тарду). Кара-Чурин – прозвище, означающее: «гнилой, калечный, неполноценный».

⁵⁵ Недалеко от Северного Кавказа, поскольку он осуществил вторжение во владения Византийской империи.

⁵⁶ *Kit*. «Аньло», у Бичурина ошибочное написание – «Яньло».

⁵⁷ У Бичурина ошибочное написание «Дилеча».

ками которых в V в. общались предки князей Ангина, но смысл и применение его иные. Источники не дают нам сведений о наличии «большой семьи» в VI в. и определенно говорят, что этот порядок был для тюркютов новым. Как бы то ни было, результаты его не замедлили сказаться на истории тюркского каганата как в положительном, так и в отрицательном смысле.

В самом деле, несмотря на продуманность и законченность системы, общество тюркютов не могло быть монолитным, так как выделение военной знати даже при наличии общенародных интересов не могло пройти бесследно. Это своеобразие объясняется низким уровнем производительных сил и условиями кочевого скотоводческого хозяйства, способствовавшими сохранению родового быта [135, с. 28].

Исследуя внутренние распри тюркютов, мы не можем отыскать ни одного случая восстания рядовых дружинников против ханской династии Ашина. Во главе всех восстаний стояли царевичи или князья крови.

Так как все тюркюты были воинами, то все они были в отрядах тех или иных князей из рода Ашина. Князья должны были считаться с настроением своих воинов, ибо последние были их единственной опорой и защитой. Следовательно, воины либо могли побудить своего князя поступать в соответствии с их интересами, либо покинуть его. Но столкновения внутри державы были неизбежны. Только вместо борьбы воинов против знати возникла борьба между отдельными группами, состоявшими из воинов и знати, взаимосвязанными не только общими интересами, но и родовым единством. В такой ситуации низвержение династии для тюркютов не имело смысла, так как всегда можно было найти царевича, который бы возглавил любое движение. Вместе с тем существовала внешняя опасность: с одной стороны, Китай всегда готов был перейти в наступление, с другой – телеские племена только и ждали возможности восстать. Острая ситуация заставляла тюркютов спланиваться, и поэтому не было ни одного восстания рядовых воинов против ханов и гладов.

Но каганат был обречен. Предваряя изложение событий, необходимо указать на то, что классовое образование в тюркютском обществе началось тогда, когда кругом (Китай, Гаочан, Согд, Иран) были сильные, развитые классовые государства. Против храбрости и силы выступали хитрость и деньги, а хорошо обученные и технически оснащенные наемные войска не уступали в бою степным наездникам. Учитывая обстановку, нужно удивляться не падению тюркютской державы, а ее более чем столетнему существованию.

Орда

Вокруг тюркютских царевичей группировались кроме тюркютов остатки разбитых жужаней и множество разных людей, почему-либо не ужившихся в родной юрте или на китайской службе. Происхождение их было различно, но говорили они между собой на древнетюркском языке с небольшими отличиями в произношении. Они составляли «budun» – народ, но не в смысле «этнос», а в смысле, близком к понятию «демос», так как «budun» противопоставлялись беги (bäglär). Это видно из контекста фраз: «türk baglar budun» – «тюркские беги и народ» или, может быть, «народ тюркских бегов» и «türk qara budun» – «тюркский черный народ», причем «qara budun» – масса – понятие без оскорбительного оттенка; «altı bög budun» – «народ шести бегов», т. е. шести подразделений. Отсюда видно, что «budun» – это рядовой состав орды, беги – командный, а вся система, т. е. орда в целом, – понятие не этническое, а военно-организационное. В VI в. тюркютская орда соответствовала племени, затем распространилась на державу. Орда пополнялась добровольцами, предпочитавшими военный уклад семейному.

Обычная организация орды как войска предполагает наличие правого и левого крыла. Таковыми были төлбс – восточное и тардуш – западное крыло. После детального разбора

терминов «тöлös» и «тардуш» у И. Н. Ключкина [82] полемика по поводу отождествления военно-административных терминов с какими-либо определенными племенами излишня.

Е. Прицак понимает термин «будун» как раздел улуса и сопоставляет его с древне-монгольским термином «ирген» [261, S. 56]. Однако не только вышеприведенное противопоставление бегов будуну, но и разбор А. Н. Кононовым термина «ирген» ер [муж] + кин (аффикс множественности) [89, с. 100] показывает, что «еркин-ирген» (букв., «скопище мужей») – понятие самостоятельное, а «будун» релятивное, т. е. можно быть будуну относительно хана, беков, а народ как этнос именовался kün [89, с. 81; 104, с. 397]; попытка же сопоставить слова «budun u buqun» (букв., «этот народ»), сделанная Е. Прицаком, неубедительна ни с филологической, ни с исторической точки зрения [59, с. 19–20]. Для племенной единицы был свой термин – «огуз», который Е. Прицак понимает то как вариант произношения oq (стрела), то как ответвление основного ядра племени. Разберем и этот вопрос.

Племя

Удельно-лестничная система, сначала фигурировавшая только как государственное учреждение, постепенно проникла и в частную жизнь. Она стала формировать семейные отношения – препятствовать раздроблению имущества и способствовать образованию больших семейных общин. Во время каганата степное население весьма обогатилось.

Во-первых, добыча притекала со всех сторон, во-вторых, дань из рук ханов попадала к их приближенным, и, в-третьих, замирение степи и прекращение постоянных грабежей повлияло благотворно на развитие скотоводства. Параллельно приобретению богатств шло накопление их; они не растрчивались, не делились, а сохранялись в больших семьях. Это было возможно только при наличии племенной организации. Пример такой организации показали ханы рода Ашина, управлявшие колоссальной страной сообща. Главы крупных семейств стали подражать ханам и управлять своими родственниками, как близкими, так и дальними. Семьи разрастались в племена, но сохраняли свое территориальное и организационное единство. Старейшины использовали свое влияние и норовили даже принять титул хана или идыкута.

Так впоследствии образовались на развалинах каганата уйгуры, карлуки, дулу и нушиби; по этому пути на востоке пошли кидани, а на западе – гузы и команы (они же половцы). Главным врагом племен были орды, интересы их были прямо противоположны и непримиримы. Старейшины племен хотели пасти свой скот и получать от Китая подарки за нейтралитет или поставку наемников. Хань орд хотели привлечь всю молодежь в боевые отряды, кормить их за счет подданных, не служащих в войске, и военной угрозой вырывать у китайцев в виде дани продукты земледелия и ремесла. Для компромисса не оставалось места.

Теснимые соседями малые племена, которые все-таки не следует отождествлять с родами, стали образовывать союзы, причем названием для такой общины был термин «огуз». Отсюда возникли как этнонимы токуз-огузы = 9 огузов (общин) – уйгуры и уч-огуз = 3 огуза – карлуки. Сходные по типу союзы дулу и нушиби, однако, не назывались огузами, чему причиной было то, что они возникли при иных обстоятельствах – не естественно, а по манифесту тюркютского хана. Поэтому они не перестали быть будуну и назывались «on oq budun» – десятистрельный народ. Соотношение между терминами «будун» и «огуз» вытекает из следующего: уйгуры, подчиненные тюрками, стали по отношению к ним будуну, но, сохранив свое внутреннее устройство, не перестали быть огузами. Поэтому Бильге-хан имел основание заявить: «Народ токуз-огузов был мой собственный народ» [104, с. 42], т. е. токуз-огузы были по отношению к нему – шаду тардушей – будуну; значит, они непосредственно ему подчинялись.

К аналогичному пониманию термина «огуз» пришел А. Н. Кононов, опираясь на критическое изучение всей литературы вопроса. «Исходной основой собирательного этнического имени огуз является ог – „род, племя“, которое в свою очередь находится в прямой связи со старотюркским словом „оу“ – „мать“, к этой же основе восходят слова „оуул“ – „потомство, сын“ и „оууш“ – „сородич“...»

Таким образом, слово «огуз» первоначально могло значить просто «племена», «объединение племен», которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: токуз огуз – «девять (разных) племен», уч огуз – «три (разных) племени» [90].

Впоследствии термин «огуз» потерял свое значение (как и термин «будун») и превратился в имя легендарного прародителя туркмен – Огуз-хана, введенного в число мусульманских пророков [Абуль Гази. Родословная история о татарах. См.: 90].

Основным аргументом в пользу предлагаемого истолкования хода событий является несовпадение наименований родовых подразделений у гаогюйцев – дили в IV – V вв. и племенных у телесцев VII – VIII вв. Гаогюйцы, несомненные предки телесцов [30, т. I, с. 214], разделялись на 12 патриархальных родов, а их потомки телесцы составили 15 племен: Юаньгэ (уйгуры), сеяньто (составное племя из сиров и яньто?), Киби, Дубо (тубалары), Гулигань (курыканы, предки якутов), Доланьгэ (теленгиты), Бугу, Байегу – Байырку, Тунлотонгра, Хунь, Сыгье, Хусье, Хигье, Адье (эдизы), Байси [там же, с. 301]. За исключением тубаларов, которых, может быть, можно отождествить с Дабо, все прочие несопоставимы. Такое переоформление могло произойти только в том случае, если родовая патриархальная система родства была нарушена и на месте старых родов возникли новые объединения. Повод для такого переустройства был: 100 лет тюркюты владели телесцами и «их силами геройствовали в пустынях севера» [там же]. Значит, телесцы были будунем и входили в систему орды и ее крыльев толис-тардуш. Тогда и стала, надо думать, заменяться родовая система, не отвечавшая новым условиям жизни, территориально-хозяйственными объединениями – племенами. Это изменение отмечено китайцами, которые называли гаогюйский род – сии – «фамилия», а телеское племя – бу (в переводе Бичурина – «поколение»).

Итак, основным характерным признаком социальной структуры каганата династии Ашина было совмещение военного и племенного строя. Тюркюты были первым кочевым народом Средней Азии, осуществившим такое сочетание на практике. Они сами сознавали это и называли свою державу «вечный эль», подчеркивая ее устойчивость сравнительно с племенными союзами телесцев и хозяйничаньем хищной орды жужаней.

Слово «эль/иль» переводится и понимается разными учеными по-разному (но об этом речь впереди). Главное в этом понятии – наличие завоеванных племен, принужденных уживаться в мире с ордой, которая является как бы господствующим племенем.

Созданная тюркютами социально-политическая система была для VI в. лучшим, хотя отнюдь не окончательным разрешением назревших политических задач: она обеспечила на несколько поколений преобладание тюркютов в степи, и она же (как будет видно из дальнейшего изложения) обусловила их гибель.

Стадия развития

Вопрос о стадии общественного развития кочевых племен, входивших в тюркютский каганат, весьма сложен и не может быть даже приблизительно разрешен, если мы не проведем четкого разделения между тюркютами, с одной стороны, и многочисленными племенами, им подчиненными, – с другой. Равно необходимо учитывать, что за 110 лет своего самостоятельного существования каганат проделал значительную эволюцию и отношения внутри тюркютского общества в VII в. весьма отличались от взаимоотношений VI в.

А. Н. Бернштам пришел к заключению, что общественный строй древних тюрков «является ранней формой сложения примитивных феодальных отношений» [26, с. 145]. Это утверждение противоречит как фактическим данным, так и всей теоретической антропологии, созданной немецкими, английскими и американскими (Л. Г. Морган) учеными в XIX в., которые разделили разные фазы развития на варварство – военную демократию. Высшая ступень варварства, как известно, начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов [182, с. 32]. Следует причислить тюркютов к этой ступени.

Характеризуя высшую ступень варварства, Ф. Энгельс, например, отмечает следующее: «Все культурные народы переживают свою героическую эпоху – эпоху железного меча» [там же, с. 162]. Это можно отнести и к тюркютам, применявшим плавку и обработку железа. «Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц» [там же, с. 163]. И это явление описано нами. «Рабство... становится теперь существенной составной частью общественной системы» [там же]. Рабство у тюркютов переживало именно эту стадию развития [30, т. II, с. 300; 162, с. 261]⁵⁸.

«Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям – сначала на время, потом раз и навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества» [182, с. 164]. И этот переход наблюдаем мы в тюркютском обществе.

Наконец, институт власти: «Военный вождь народа – *rex, basileus thiudans*⁵⁹ становится необходимым, постоянным должностным лицом. Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» [182, с. 164].

Именно такие причины войн и походов сообщают нам источники, именно для войны была создана грандиозная система чиновников, соединяющих в своих руках военные и гражданские функции, – ябгу, шады, тутуки и др. – с наследованием должностей, характерной особенностью, отмечаемой историками и на материале раннего периода Европы. «Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников... закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати» [там же].

Вот какова была держава рода Ашина. Она стояла на стадии военной демократии, поглотившей родовой строй, и направлена была, острием против своих соседей, служивших для нее объектом эксплуатации. Антагонистическое противоречие лежало в отношениях грабителей к ограбляемым; держава Ашина была некоторым подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше⁶⁰.

Основными силами такого государства-хищника были его армия и система управления, поэтому сосредоточим свое внимание на этих сторонах.

⁵⁸ Взгляды С. П. Толстова на рабство у древних тюрков представляются вполне убедительными.

⁵⁹ И хан (можем мы прибавить. – Л.Г.).

⁶⁰ Ср. аналогичное описание и анализ С. П. Толстова [160; 162, с. 261].

Глава шестая

Тюркюты у себя дома

Военное дело

Первой специальностью, с которой тюркюты выступили на арену всеобщей истории, было добывание железа. Их легендарный предок Ашина, бежав на север, «добывал железо для жужаньцев» [30, т. I, с. 221]. В 546 г. жужаньский хаган Анахуань называет вождя тюркютов «мой плавилиный невольник» [там же, 228], подчеркивая главное занятие тюркютов.

Археологическими разведками обнаружены памятники тюркютской металлургии VI – IX вв. На Алтае найдены следы добычи железной руды, неглубокие шурфы и забои, относящиеся к этому же периоду. Способ получения железа был сыродутным. Восстановление железа путем химического соединения его окиси с окисью углерода давало губчатую металлическую массу, так называемую крицу. Качество кричного железа даже теперь считается гораздо выше доменного [81, с. 515].

Из высококачественного железа алтайские кузнецы изготавливали однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел, а также железные котлы двух типов: круглые – подвесные и стоячие – на конической ножке [там же, с. 516–522]. Добыча и обработка металлов в эту эпоху производились также на территории современной Тувы, причем добывалось не только железо, но и золото, серебро, олово и медь [99, с. 75].

В Хакасии, составлявшей тогда ядро кыргызского каганата, железо добывалось во многих местах. Почти во всех сосновых лесах встречаются остатки древних железоплавильных. Так же как и на Алтае, здесь выделялись орудия труда и оружие – мечи и кинжалы, а также детали конской сбруи [81, с. 574–581].

Не менее примечательна культура современников тюркютов – приангарских курыканов. Первоначально, в результате археологических раскопок 1912–1914 гг., они получили название «курумчинских кузнецов» [117, с. 295], но А. П. Окладников доказал, что это были не кто иные, как курыканы. Сыродутное железо курыканов содержало до 99,45% чистого металла и потому было весьма ковким и прочным. Они выделяли ножи, наконечники стрел и копий, чинили лопнувшие котлы, накладывая на них заплатки. Вместе с тем курыканы занимались скотоводством и даже земледелием, применяя искусственное орошение полей [там же, с. 296–297].

К сожалению, горные разработки кочевников раннего средневековья еще не подверглись систематическому исследованию, но даже те данные, которыми мы располагаем, заставляют нас доверять письменным источникам, утверждающим, что тюркюты выступили на арену мировой истории как народ, впервые освоивший в Центральной Азии промышленную добычу железа и благодаря этому поставивший себя в независимое положение по отношению к Китаю и Тибету, откуда до этого времени кочевники получали железное оружие [30, т. II, с. 172], необходимое для успеха их военных предприятий. Железо и раньше было известно кочевникам, но только тюркюты ввели его в массовое употребление. Земарх, увидев тюркютов, предлагающих ему железо для продажи, был чрезвычайно удивлен и заподозрил, что это делается нарочно, чтобы дезориентировать его: «ибо обыкновенно говорят, что у них трудно доставать железо» [112, с. 376].

Развитие металлургии позволило тюркютским ханам перевооружить свою армию и создать отборные, ударные части из латной кавалерии – фули китайских источников (т. е. «волки» – бури – названные так «в память» своего мифического происхождения от волчицы).

На их вооружении были роговые луки, панцири, копья, сабли и палаши [30, т. II, с. 229]. Эти краткие сведения письменных источников, к счастью, могут быть дополнены археологическим материалом.

В Эрмитаже хранятся глиняные статуэтки, изображающие тюркютских гвардейцев [47]. Несмотря на то, что эти статуэтки датируются несколько более поздним временем (конец VII или начало VIII в.), можно думать, что изображенные на них предметы вооружения не претерпели существенного изменения с конца VI в., так как за это время не произошло смены культурной традиции. Статуэтки сохранились в погребении китайского вельможи вблизи Турфана (Туюк Мазар, склеп в ущелье Туюк). Аналогичные находки сделаны А. Стейном в деревне Астана, также возле Турфана [276, vol. II, p. 614]. Пехотинцы и всадники одеты одинаково – в платье, приспособленное для верховой езды. Это указывает на то, что у тюркютов пехоты как особого рода войск не существовало. Боевая одежда состояла из головного убора и панциря, причем первый напоминает современный казахский малахай, покрытый металлическими пластинами и снабженный коричнево-красной, по-видимому меховой, оторочкой. Воины одеты в халаты с высокими, достигающими до подбородка, воротниками. Халат доходит до половины голени и застегивается на правую сторону, так что левая пола оказывается сверху. Поверх халата надет панцирь из металлических пластин, отороченный коричнево-красной каймой. Панцирь доходит до колен, подпоясан узким поясом, рукава короткие, выше локтей. Его надевали, очевидно, через голову. Этот панцирь сходен с сарматским катафрактom и характерен для тяжелой конницы. Аналогичные панцири применялись до недавнего времени в Тибете, причем пластины соединялись между собой ремешками. Надо полагать, что в более раннее время этот тип вооружения имел широкое распространение, пока не был вытеснен более совершенной, легкой и прочной кольчужной рубашкой [см.: 188, p. 13 (опубликовано наскальное изображение)]. На ногах воинов желтые с черными пятнами шаровары (вероятно, из барсовой шкуры). Сапоги черные, мягкие, вероятно войлочные, походят на те, которые и до нашего времени носят в Тибете и Восточном Туркестане. Несмотря на близость этой одежды к тибетской, мы наблюдаем и различие – отсутствует характерный для Тибета напуск около пояса.

Изображение оружия сохранилось только на статуэтке спешенного воина. Это длинная легкая пика (камышина), годная лишь для кавалерийского боя.

Лошади у тюркютов, судя по изображениям, высокие, с широким крупом, тонконогие, с короткой шеей и тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная, подчеркивает тщательный уход. Эти лошади не имеют ничего общего с монгольскими, но весьма похожи на изображения коней Саманидской эпохи и в особенности на статуэтку из Хэнани [237, p. 313–314].

Особое внимание обращает на себя конская сбруя. Широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой, лежит на двух черных потниках, причем нижний оторочен белой каймой. Седло светло-желтое, вероятно деревянное, снабжено круглыми стремянами, подхвостником, нагрудником и пятью тороками; в отличие от современных седел от нагрудника идет дополнительная шлея через спину лошади впереди седла. Вероятное назначение ее – облегчить спуск при горной езде, к которой приспособлено седло. Сбруя украшена белыми круглыми бляхами, может быть серебряными, и сердцевидными оранжевыми или бурыми кистями, висящими на нагруднике, подхвостнике и узде. Лошади не взнузданы, что указывает на их хорошую выучку и вместе с подстриженной гривой создает впечатление хорошо тренированных и подготовленных кавалерийских коней, которых любят и на которых надеются в трудные минуты. Всадники сидят в седле, свесившись набок (казахья посадка), что обличает людей, проводящих в седле большую часть жизни. Стремяна в отличие от современной манеры кочевников опущены низко. Отсутствие аналогий заставляет предполагать, что посадка продиктована практическими соображениями: высоко подтяну-

тые стремяна удобны для стрельбы из лука и закидывания аркана, так как воин, держась коленями, амортизирует тряску мышцами ног, тогда как при длинном стремени, держась на шенкелях, он приобретает устойчивость, необходимую для рубки и колки длинной пикой. Необычно большое количество тороков заставляет предполагать, что наши всадники рассчитывали на длинные переходы и добычу, т. е. это было не гарнизонное, а полевое войско.

Итак, тюркютская гвардия была регулярной тяжелой конницей, приспособленной к действиям не только в степи, как все ее предшественники, но и в горах. Несомненно, что с ними не могли равняться степняки-уйгуры, о которых китайцы довольно презрительно отзывались: «В сражениях не строятся в ряды, отделившейся головой (головным отрядом) производят натиск. Вдруг наступают, вдруг отступают, постоянно сражаться не могут» [30, т. I, с. 215]. Тюркютские латники оказались достойным противником и для китайских пеших копейщиков, и для иранских конных стрелков. Но об этом будет сказано ниже.

Кроме турфанских статуэток, фигуры тюркютских воинов имеются в наскальных изображениях Сулека (Верхний Енисей) [188, р. 11, рис. 7]. Всадник вооружен роговым луком, что можно установить по характерным выгибам. Еще более интересно другое изображение: «...тяжеловооруженный всадник, одетый в пластинчатую броню от шеи до бедра, с рукавами до середины предплечья, с круглым щитком на груди, с мечом и колчаном у пояса и с боевой гирей в правой руке, направляет копье, украшенное небольшим флажком, на лучника, стреляющего с колена, т. е. саянского лесовика-горца» [188, р. 12; 187, S. 17]. Но кроме панцирной кавалерии у тюркютов были легковооруженные конные стрелки, набираемые среди покоренных народов. Изображение такого воина на бронзовой бляхе найдено С. В. Киселевым в 1939 г. при раскопках у села Копены. «Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает затянутая сзади узлом повязка. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук сложный, в виде буквы М. Конь степной, широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое, с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и надгрудном ремнях навешаны кисти; стремяна широкие, дугообразные; уздечка плетеная, с поводом и чумбуром. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремни (торока)» [71]. Бляха твердо датируется VII в.

Таким образом, археологический материал пополнил пробел письменных источников. Наличие у тюркютов панцирной конницы объясняет их быстрые успехи. В дотюркютский период бои решали конные стрелки из лука; появление панциря свело их значение почти на нет. В рукопашной схватке с легковооруженным противником тюркютская тяжелая конница имела все преимущества, тем более что тюркюты ввели конный строй. Однако прекрасная в полевой войне тюркютская армия совершенно не годилась для осад, так как спешенный латник мало боеспособен. Городские стены положили предел распространению тюркютской державы и спасли независимость Китая и Ирана, но в степи тюркютская конница долгое время не имела себе равных.

Мирные занятия

Главным занятием тюркютов (после военного дела) было кочевое скотоводство; большую роль играла и охота на крупных травоядных [30, т. I, с. 292; 240, S. 8], огромные стада которых в те времена бродили по степям. Ныне Гобийский Алтай – почти незаселенная полупустыня, но в те времена зверь здесь не переводился и облавы производились всем племенем [45, с. 449]. Облавная охота требует специальной выучки загонщиков и охотников, и это было очень полезно для тюркютов, потому что охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода маневрами. Удачная облава давала большое количество мяса, которое было

основной пищей тюркютов [240, S. 496], и случалось, что даже во время войны они устраивали охоту, чтобы пополнить запасы [30, т. I, с. 292]. Шкуры диких и домашних животных шли на одежду и на покрытие шатров, но наряду с этим тюркюты умели готовить войлок и шерстяные ткани.

Основным видом скота у тюркютов были овцы, кости которых часто находят при раскопках тюркютских могил. В лошадях тоже не было недостатка⁶¹, и кумыс заменял тюркютам вино [30, т. I, с. 231; 240, S. 42]. Кочевое скотоводство в условиях пересеченной местности весьма затруднительно для больших стад, и обычно кочевники перегоняют своих овец порознь, и каждая семья имеет определенные места для зимовок и летовок. То же самое положение существовало в VI – VIII вв., что подтверждается коротким, но вполне убедительным текстом источника: «Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли» [30, т. I, с. 230; 240, S. 10].

Это система айльного хозяйства, когда экономической единицей является парная семья⁶². Другая система – куренная: при ней целый ряд семей кочует совместно и на ночь огораживает ставку телегами и дозорами. Обе эти системы сменяли друг друга на протяжении веков и отнюдь не связаны с развитием или разложением родового строя. Утверждение «Чжоушу» подтверждается аналогичным указанием «Таншу», где мы читаем, что, когда тюркюты в 641 г. переселились в Алашань, там были «паствы обширны, почва наилучшая, почему тюркюты со спором делились» [30, т. I, с. 260]. Археологические разведки, проведенные мной на Алтае в 1948 г., также показали, что памятники, оставленные тюркютами, группируются по отдельным полянам и речным долинам таким способом, который исключает всякую систему землепользования, кроме айльной. Б. Я. Владимирцов отмечал, что куренная система была вызвана требованиями безопасности, поэтому понятно, что айльная система существовала в степи в те периоды, когда твердая и сильная власть прекращала грабежи и межплеменные войны, а власть тюркютских ханов была именно такой. С этой точки зрения наличие айльного кочевания и индивидуального землепользования не представляет ничего невозможного.

И в наше время перекочевки семей строго ограничены определенными территориями. Например, каждая горная долина в Тянь-Шане принадлежит определенной семье, глава которой может не пустить любого пришельца подняться в горы по «своей» долине. Эта система землепользования диктуется самой природой кочевого скотоводства: ограниченность пастбищных угодий и, главное, воды заставляет кочевников дробить стада, а следовательно, дробятся и семьи, ведущие кочевое хозяйство. Раздел угодий и строгое соблюдение границ – это единственное средство удержать кочевников от жестоких братоубийственных стычек за водопой, пастбища и охотничьи угодья. Но, разумеется, описанная система землепользования не имеет никакого отношения к частной собственности, так как землю не продают и не покупают.

Жилище

Историку следует избегать очень опасной методологической aberrации, заключающейся в стремлении отыскивать в культуре другого народа те черты, которые нам представляются значительными, и при отсутствии их считать данный народ примитивным. Так, народы Европы и Передней Азии, переходя на ступень цивилизации, строили города, архитектура которых достойна изумления и восхищения. Тюркюты домов не строили и садов не

⁶¹ Захоронения с конем характерны для VI – VIII вв. [99, с. 53–57].

⁶² У нас нет никаких оснований предполагать, что семья у тюркютов чем-либо отличалась от семьи казахов XIX в., за исключением большего уважения к женщине.

разводили, так как холодный климат заставил бы их покинуть эти города, как только будет сожжен весь сухой лес поблизости. Однако никем не доказано, что каменная лачуга или глиняная мазанка есть высшая форма жилища по сравнению с войлочным шатром, теплым, просторным и легко переносимым с места на место. Для кочевников, тесно связанных с природой, жизнь в таком шатре была не прихотью, а необходимостью. Летом степь выгорает и скот должен пастись на джейляу – альпийских лугах, которые располагаются на склонах Тянь-Шаня, Алтая, Хангая, Хэнтея. Зимой же на горах выпадает много снега и стада возвращаются в равнины, где снеговой покров тонок и скот добывает из-под него сухую, весьма питательную траву.

При подобном быте переносное жилище является наилучшим.

Что же касается удобств юрты, то я передаю слово великому китайскому поэту Во Цзюй-и, посвятившему юрте прекрасное стихотворное описание. Этот источник опубликован Лю Мао-цзаем [240, S. 471–472] (приводится ниже в стихотворном переводе, выполненном с немецкого подстрочника).

Голубая юрта

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив.
В северной прозрачной синеве
Воин юрту ставил на траве,
А теперь, как голубая мгла,
Вместе с ним она на юг пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердеет грудь.
Нет в ней ни застенок, ни углов,
Но внутри уютно и тепло.
Удалившись от степей и гор,
Юрта прибрела ко мне на двор.
Тень ее прекрасна под луной,
А зимой она всегда со мной.
Войлок против инея – стена,
Не страшна и снега пелена,
Там меха атласные лежат,
Прикрывая струн певучих ряд.
Там певец садится в стороне,
Там плясунья пляшет при огне.
В юрту мне милей войти, чем в дом,
Пьяный – сплю на войлоке сухом.
Очага багряные огни
Весело сплетаются в тени,
Угольки таят в себе жару,
Точно орхидеи поутру;
Медленно над сумраком пустым
Тянется ночной священный дым,
Таеи тушь замерзшая, и вот

Стих, как водопад весной, течет.
 Даже к пологу из орхидей
 Не увлечь из этих юрт людей.
 Тем, кто в шалашах из тростника,
 Мягкая зима и то горька.
 Юрте позавидует монах
 И школяр, запутанный в долгах.
 В юрте я приму моих гостей,
 Юрту сберегу я для детей.
 Князь свои дворцы покрыл резьбой, —
 Что они пред юртой голубой!⁶³
 Я вельможным княжеским родам
 Юрту за дворцы их не отдам.

Китайский поэт описывает обыкновенное жилище, в каком мог жить кочевник среднего достатка. Ханская же юрта поразила воображение даже Менандра Протектора, придворного византийского императора, выдавшего покои Влахернского дворца. Он описывает шатер с золотым тронем, который был так легок, что его могла тащить одна лошадь; другой шатер – «испещренный шелковыми покровами», третий – где стояли позолоченные столбы и золотые павлины поддерживали ложе хана [112, с. 377–379]. Вся эта роскошь не могла до нас дойти; дерево и меха истлели, золото и серебро перелиты, оружие заржавело и превратилось в пыль. Но письменные источники пронесли сквозь века сведения о богатой и неповторимой культуре, и они заслуживают большего доверия, чем немногочисленные археологические находки.

Положение женщин

Пастушеское хозяйство, ведомое отдельной семьей, обычно предполагает патриархальные отношения [182, с. 156 и сл.], и, видимо, тюркюты не представляли исключения. Инициатива сватовства принадлежала мужчинам, и «по смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках» [30, т. I, с. 230; 234, vol. II, p. 334–335; 240, S. 42]. И это свидетельство подтверждается, так как после смерти Нили-хана его брат Поши-тегин унаследовал вместе с тронем жену покойного – китайскую царевну Сяньши. Наследование жен у кочевых народов имело двойной смысл. Во-первых, в дом, точнее в юрту, приходила новая работница, а в тех условиях это было всегда полезно. Во-вторых, обычай предусматривал охрану прав вдовы, так как новый муж должен был заботиться о ней и защищать ее как свою жену. Весьма возможно, что брак не всегда был фактическим, но тем не менее вдова не оказывалась покинутой на произвол судьбы.

Отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу [286, p. 1673]. В орхонской надписи с наибольшим пафосом описан бой, в котором Кюль-тегин отстоял орду, где оставались родственницы, которым грозила смерть [104, с. 42–43]. У тех народов, где женщины бесправны, как, например, у патанов Гиндукуша, враги их не убивают.

Наследование жен и приведенный текст надписи предполагают полигамию, но даже это не делало тюркютскую женщину бесправной. Если даже положение женщины можно считать зависимым, то влияние ее на мужа подчеркивает Табари, который пишет, что «у турок всего можно добиться через женщин» [278, II, p. 302]. Происхождению по линии

⁶³ Кёк-Кюйме [см.: 109, с. 9].

матери придавалось большое значение. Так мотивом отстранения от престола царевича Торэмена было «низкое происхождение» его матери. Это был, конечно, только предлог, уловка его политических противников, но любопытна аргументация. Право, вообще очень строгое и жестокое, охраняло женщину: изнасилование замужней женщины каралось смертью, соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней [234, vol. III, p. 333]. Любопытно, что изнасилование поставлено рядом с самыми тяжелыми преступлениями: восстанием, изменой, убийством и похищением спутанной лошади, что в условиях степи часто влечет смерть обокраденного, тогда как простая кража наказывалась лишь десятикратным штрафом в пользу потерпевшего, а за членовредительство в драке полагалась пеня.

Наконец, весьма достопримечателен обычай, сведения о котором дошли до нас лишь потому, что он в эпоху Тан был перенят у тюркютов студентками музыкального училища в Чанъани. Девушки со сходными вкусами торжественно заключали между собой братский союз, причем число членов достигало 14–15, но не меньше 8–9 девушек. Эти девушки называли друг друга братьями, а если юноша женился на какой-либо из них, то он получал женское имя и подруги ходили к новобрачным «отведать невесту», т. е. мужа. Молодая жена не ревновала к своим «братцам», но с членами других женских «братств» такая связь не допускалась [240, S. 468].

Я не берусь в данном исследовании решать вопрос о происхождении группового брака у тюркютов, но полагаю, что само наличие его исключает вопрос о приниженном положении женщины в VI – VIII вв.⁶⁴ Думается, что ограничение прав женщины в кочевом мире – явление позднее и, возможно, связанное с тем общим упадком, который постиг Срединную Азию в послемонгольский период.

⁶⁴ Высокое положение женщины у тюрков в доисламское время отмечалось неоднократно [см.: 90, с. 104; приведена литература вопроса по более поздней эпохе – X – XV вв.].

Глава седьмая

Религия тюркютов

Основные сведения о древней религии тюркютов, дошедшие до нас, содержатся в китайских летописях «Вэйшу» и «Суйшу». Сведения эти весьма противоречивы и по краткости своей на первый взгляд малопонятны.

«Вэйшу» отмечает следующие обряды тюркютской религии: «1) вход в ставку [хана] с востока из благоговения к стране солнечного восхождения; 2) ежегодно со всеми вельможами приносит жертву в пещере предков; 3) в средней декаде пятой луны собирает прочих и при реке приносит жертву „Духу неба“; 4) в 500 ли от Дугинь на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни деревьев, ни растений, называется она Бодын-инли, что в переводе значит: дух – покровитель страны» [30, т. I, с. 230–231; 234, р. 335].

«Суйшу», составленная на 50 лет позднее (в 30-х годах VII в.), не приводит вышеперечисленных сведений, вместо этого там сказано: «Почитают чертей и духов и верят колдунам» [234, vol. III, р. 353; 30, т. I, с. 230–231].

Как примирить эти совершенно противоположные версии, из которых первая полна внутренних противоречий? В ней причудливо сочетаются культ солнца (1), культ предков (2), культ «Духа неба», который в отличие от культа предков – достояние народа, а не вельмож (3), и культ горы (4). Надо признать, что китайский источник отнюдь не разрешает вопроса.

Сведения «Суйшу» несколько не яснее: китайское слово «ху» означает лекарь, волхв и колдун [30, т. I, с. 270–271]. С кем мы имеем дело в данном случае, из текста непонятно, равно непонятно и то, что представляют собой те духи, которым поклонялись тюркюты: духи ли это предков (кормос) или духи природы (тос). Разбору этих загадочных текстов и будет посвящена настоящая глава.

Основная проблема формулируется нами так: во что веровали древние тюркюты и представляет ли их религия стройную концепцию или является смещением разных верований, а если так, то каких?

Говоря о древних верованиях тюркютов, я далек от мысли считать их первобытными. Сами тюркюты сложились из разных племен лишь в V – VI вв., и верования их, относящиеся к этой эпохе, были столь же развившимися, как и прочие религиозные системы, современные им.

В Риме последний патриций Цетег читал Боэциеву «Утешение мудростью». В Константинополе иссохшие сирийские отшельники спорили с важными греческими прелатами о халкедонском добавлении к никейскому символу. В Ктезифоне персидские вельможи, уже не веря ни в Ормузда, ни в Аримана, держали на длинных копьях союз трона и алтаря. По замкам согдийских дехканов ходили бледные проповедники религии света, умерщвления плоти и славили имя замученного магами пророка Мани. В Китае бритоголовые буддийские монахи толковали императрице о бренности и иллюзорности мира, не обращая внимания на негодование конфуцианских мудрецов и на выписанные черной тушью на блестящем шелку изречения о правилах благопристойного поведения и управления. Караванный путь проходил от Средиземного моря до Желтого, и по нему через пустыни и горы вместе с шелками и благоговениями текли идеи, системы, концепции. Могли ли тюрки – хозяева этих земель – не видеть и не слышать того, что говорили проповедники всех стран? Могли ли предки их, вышедшие с берегов Желтой реки, не знать о спорах, раздиравших образованный Китай, цветущий Согд, благословенный Турфан? А с другой стороны, на севере лежала Сибирь, мудрая и спокойная, также влиявшая на впечатлительных и горячих пастухов-воинов. Без

учета всех этих факторов нам не будет понятно мировоззрение древних тюркютов и те изменения, которые оно претерпело в своем развитии.

Отдельные племена, складываясь в народы, приносили свои религиозные системы, хотя элементы верований сходны, но сочетания их весьма разнообразны. Религия тюркютов не была исключением. По поводу ее возникают следующие вопросы: почему вельможи и народ молились раздельно? кому молился народ? кому молились вельможи? кто такие колдуны, если сам хан является верховным священником? На первый вопрос ответить легко, так как нам известна структура общества тюркютов и их этногенез. Тюркюты были сложносоставной народностью. «500 семейств» Ашина, будущие «вельможи», пришли в V в. из Ордоса и поселились на южных склонах Алтая, где уже обитало тюркоязычное население. Оба этнических компонента слились воедино, но разница между ними в известной мере прослеживается до VII в. как деление на черную и белую кость, о чем говорят наследственность должностей в среде аристократии и запрещение «благородным» девушкам выходить замуж за юношей из народа. Текст «Вэйшу» относится к VI в., когда это деление было достаточно четко, и поэтому источник отмечает различие в религиозных культах знати и простолюдинов, различие, затем упущенное в «Суйшу». «Суйшу» отражает эпоху, в которую китайцы имели дело исключительно с тюркютской знатью, господствовавшей в степи до рокового 630 г. Поэтому надо думать, что указание «Суйшу» относится именно к знати, и этим вопросом мы займемся в свое время.

Теперь обратимся к религиозным воззрениям тюркютского народа.

Култ неба – Тенгри – зафиксирован также орхонскими надписями: «Вначале было вверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие»; Кок-Тенгри (Голубое небо) – это небо не материальное, противопоставленное обычному, видимому небу [10]. Надо думать, что под «Духом неба» китайцы понимали именно Кок-Тенгри. Обряд принесения жертвы небу был зафиксирован даже в конце XIX в. у качинцев. Он носил имя Тыгыр Таих и заключался в общественном молении, сопровождавшемся принесением в жертву барана и возлияниями кумыса, молока, айрана и мясного отвара. На праздник съезжались мужчины из ближайших айлов; женщины и шаманы не допускались. Объектом поклонения были «небо и солнышко» [184, с. 101–102]. По всей видимости, это тот самый обряд, который описан в «Вэйшу». Особенно следует отметить два момента: первый – шаман на этот праздник не допускался и второй – цель жертвоприношения заключалась в том, чтобы добиться благоволения «света». Оба эти обстоятельства весьма важны. Недопущение шамана свидетельствует о том, что этот култ относится не к духам умерших или хтоническим «исконным духам», а к божеству иного порядка: «по уверению инородцев, шаман, очутившийся на таихе, безумеет и падает в корчах» [там же, с. 103].

Что же это за божество? Из описания ясно лишь, что атрибутом его является свет; это указание подчеркивает специфику догмы, выделяя данный култ из числа известных нам солярных культов, где солнце почитается как небесное тело (Ра-Гелиос) или как вдохновитель и источник творчества (Аполлон). И все-таки култ был бы для нас неясным, если бы не нашлась еще одна этнографическая параллель – праздник «чистого чума» у нганасанов [131, с. 48 и сл.]. Еще Кастрен высказал предположение, что нганасаны – ближайшие родственники древних саянских угров, ныне полностью отюреченных [130, с. 11]. Будучи оттеснены на Крайний Север, нганасаны сохранили древний култ, несмотря на то что и они подверглись влиянию шаманской демонологии. Они дважды в год приносили жертву солнцу-свету: осенью, перед началом полярной ночи, и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор. Разумеется, обрядовая сторона культа весьма отлична от описанной выше, так как праздник «чистого чума» проводит шаман; случилось то обстоятельство, что нганасаны не менее полутора тысяч лет прожили в новой обстановке, с новыми соседями и, главное, на новой территории, а как мы увидим ниже, территория в изучаемом культе

играла первостепенную роль. Но, несмотря на внешние различия, мы можем с уверенностью констатировать, что объект поклонения у тюркютского народа, минусинских отюреченных угров и нганасанов один и тот же – солнечный свет. Основываясь на этом, мы имеем право обратиться к рассмотрению тео-космических представлений нганасанов как ближайших к интересующим нас тюркютам. Доктрина нганасанской религии – плюралистический анимизм: все доброе, т. е. благожелательное людям, обозначается термином *нуо*; этим же термином обозначается видимое небо, не имеющее определенного образа, но весьма почитаемое (ср. тюркское Тэнгри). Создатель вселенной – *Nəlatə nuo* (ср. вышеупомянутый «Дух неба»); работник его Кои (солнце) руководит созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем [131, с. 48-49].

Такой вариант солярного культа в достаточной степени оригинален, чтобы исключить смешение его с другими разновидностями сибирского шаманства, на что, впрочем, уже указывал Л. Я. Штернберг [179, с. 533]. Единственная аналогичная доктрина наблюдается в манихействе, но тут имеет место несомненная конвергенция, а не генетическая связь.

Эта религия может быть охарактеризована как анимистический генотеизм, ибо, как показывает исследование С. А. Токарева, каждый род наряду с общенародным верховным божеством – божеством света и неба – имеет своего заступника, своего племенного маленького божка из числа духов разряда «тос», т. е. искони существовавших духов, которые ничего общего не имеют с «кормосами», душами умерших людей [см.: 159, с. 154]⁶⁵.

Даже поклонение «Духу неба» (ср. *Nəlatə nuo*) сохранилось до начала XX в., хотя претерпело значительную метаморфозу. «Дух неба» получил персидское название Кудай (бог) и впоследствии отождествился с христианским богом, отличным от самого высшего из шаманских духов Ульгения [2, с. 18]. В этой связи необходимо коснуться культа земных божеств – тосей, «хозяев природы» – «Алтаев» у коренных алтайцев и «Йер-су» – у пришлых ыркытов и сойонов [159, с. 158].

Йер-су (букв., «земля-вода») числится в разряде земных тосей и находит аналогию в культе «хозяев» земли, воды, растительности и т. п. У нганасанов хозяин земли Фаннида – злой недоброжелатель, обитающий под дерном и с раскрытой пастью ожидающий умирающих людей. Ему приносят в жертву черного оленя [131, с. 51]. Йер-су также жестокое божество. В жертву ему приносят серую или рыжую лошадь.

На полную несвязанность шаманского почитания Ульгения и культа Йер-су указывает то обстоятельство, что ыркыты и сойоны не молятся Ульгению и прочим духам шаманского пантеона [159, с. 149, 157]; оба эти рода – недавние выходцы из Саян, и, по-видимому, их культ – связующее звено между древнеалтайской и нганасанской религиозными системами.

Вопрос о смысле почитания горы Бодын-инли проясняется благодаря работе Л. П. Потапова [133], где автор показал связь почитания урочищ с родовой собственностью, переплетение родового культа с промысловым. Каждый род имеет свой «Алтай», который кормит членов рода. Это почитание не духов гор, рек, озер, а самих гор, рек и озер, т. е. мы здесь наблюдаем не олицетворение, а оживотворение природы [159, с. 151]. Это наиболее примитивная форма анимистического мировоззрения, называемая аниматизмом [179, с. 268].

Таковы главные черты древней религии алтайского народа, подчиненного ордой Ашина. Как мы видели выше, основным культом «вельмож» был культ предков, абсолютно чуждый народной религии. Потомки тюркютов, пришедшие на Алтай в VII в., телесы и чуйские теленгиты стоят в стороне от родового анимистического культа [159, с. 157].

⁶⁵ Современные алтайские шаманисты делят духов на два разряда: тос – духи извечного существования и яадан неме (букв., «нечто созданное») – души умерших. Религиозное почитание воздается лишь то-сям, покойник считается чертом, «а разве можно поклоняться черту»? (алтаец Кулязин).

Для того чтобы выяснить, кто были те предки, которым «вельможи» приносили жертву в пещере, обратимся к анализу легендарного материала о происхождении тюркютов. В «Суйшу» рядом с исторической справкой о происхождении орды Ашина [30, т. I, с. 221] приводится легенда, имеющая в основе миф (см. с. 29). Ашины жили «в пещере» до начала VI в., когда они вышли в степь и признали себя вассалами жужаней.

Чрезвычайно любопытно описание пещеры, в которую скрылась волчица. Пещера находится в горах от «Гаочана на северо-запад», т. е. в центре Алтайских гор. «В горах есть пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травой на несколько сот ли окруженностью. Со всех четырех сторон пещеры лежат горы» [там же]. Любопытно, что типичная горная долина в «Суйшу» названа пещерой. Такая неточность более чем удивительна и вызывает предположение, что здесь мы имеем скрепление в одной легенде двух сюжетов: мифологического (происхождение от волчицы) и исторического (бегство предков части тюркютов в алтайские горные долины).

Действительно, исторический сюжет полностью воспроизведен в сочинениях мусульманских авторов Рашид-ад-Дина, Хондемира и Абуль Гази, причем горная долина получает определенное название – Эркене кун, т. е. крутой скат. Весьма возможно, что тут мы имеем отражение древнего события – ухода северных хуннов после поражения 93 г. через Тарбагатайские проходы и оседания части их в пределах Алтая, но в данном случае для нас более важен сюжет мифологический – откуда появилась волчица? Прежде всего необходимо отметить сходную легенду о происхождении племен теле. По этой легенде, одна из дочерей хуннского шаньюя, посвященная отцом небу, родила от волка сына, который стал прародителем телеских племен [там же, с. 214–215]. Эти племена, подобно орде Ашина, пришли в Халху с берегов Желтой реки. Как мы видим, и тюркюты и телесцы имеют одну и ту же мифологию. А раз так, то естественно предположить, что указанный элемент тотемистического отношения к волку-предку имеет один источник. Было бы слишком рискованно утверждать, что уйгуры и орда Ашина были тотемистами в чистом виде, так как источники не говорят об их специфическом отношении к волкам, но здесь мы имеем след древнего тотемного поклонения этому животному, превратившегося в исследуемое нами время в почитание предков. Итак, можно констатировать на Алтае в VII в. сосуществование двух религиозных систем: анимизма, связанного с сибирскими народами, и культа предков с тотемистической окраской, привнесенного тюркоязычными и монголоязычными кочевниками с южной окраины великой пустыни.

Следует также признать, что тюркютский культ предков имеет специфику, позволяющую уточнить его происхождение. Аналогичные, до мелочей совпадающие верования наблюдались у эхирит-булагатов, т. е. прибайкальских бурят.

Прибайкальские буряты – последовательные политеисты. Они почитают 99 тенгриев, правящих, по их мнению, миром. Каждый род чтит своего тенгриа. Но самое важное, что бурятский «шаман» (по принятой крайне неточной терминологии) лечит и призывает дождь силою не духа-помощника, а молитвой к тенгрию и обращением за заступничеством к духам предков. Предки отнюдь не рассматриваются как духи-помощники, но как заступники и представители перед божеством-тенгрием. Равным образом «бутлы» (святости, которыми могут быть крупные камни или случайно найденные древние предметы) действуют не сами по себе (как магические амулеты) и не душой, в них заключенной (анимизм), а божественным произволением тенгриев – небесных индивидуализированных божеств. С такой развитой системой политеизма сопрягается реминисценция тотемизма: священнослужитель (которого назвать шаманом нельзя) носит на одежде бляху с изображением зверя (например, волка, лебедя, гуся и т. д.). Это изображение указывает лишь на принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому прародителю – зверю [10, с. 37 и сл.; 8].

Указанная аналогия тем более интересна и значительна, что здесь мы имеем не конвергенцию, а генетическую связь. Эхирит-булагаты – наиболее древний раздел бурят, описанные традиции восходят к началу нашей эры и к той этнической стихии, из которой вышла орда Ашина в V в. Ашина были родом «волка». Таким образом, несомненно очень древняя связь, ибо в то время, когда буряты проникли в Прибайкалье, орды Ашина там уже не было. Значит, мы имеем две параллельные линии, вышедшие из одной культурной стихии – древнемонгольской сяньбийской культуры.

Но уже в конце VI – начале VII в. тотемистический культ предков в чистом виде не наблюдается. Тесное общение между пришельцами Ашина и населением горного Алтая повело к образованию синкретических исповеданий. На это указывают имена тюркютских ханов, до сих пор не поддававшиеся расшифровке. Эти имена сохранились в китайских, персидских и греческих транскрипциях и путем сопоставления различных чтений поддаются истолкованию. Личное имя Тобо-хана – Арсила (*греч.*) переводится как тюркско-монгольское слово Арслан (лев). Китайское «Були» означает «Бури» (волк по-тюркски). Впрочем, имеется и монгольский вариант этого имени: «Шэни/Шоно». Часто встречающиеся имена западных ханов – «Иби» переводится как «Ирбис» (снежный барс), а «Юйгу» как «Юкук» (сова).

Все это не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это, скорее, прозвища. Напомним также, что хан был первосвященником и для народа и для вельмож, т. е. в системе каганата оба культа великолепно уживались и постепенно сливались в единое мировоззрение, чему, однако, не суждено было полностью осуществиться, так как каганат пал, а вместе с ним пала и вся система родовых верований.

Реминисценции родового культа, описанные Л. П. Потаповым и С. А. Токаревым, относятся к анимизму лесных племен Алтая, сохранивших за горными хребтами значительную часть древних традиций. Традиции же тюркютов Ашина на широких степных просторах весьма изменились, и поэтому следов тотемистического культа предков сохранилось у них несравненно меньше. Тем не менее тотемистический культ предков имеет большое значение для культуры степных народов, и поэтому следует уточнить его смысл и детали.

Все-таки неясно, кому поклонялись тюркюты: предку-зверю или предкам-людям? И если людям, то каким: всем без исключения или героям? Первый вариант отпадает, если мы учтем текст «Суйшу» («поклоняются духам»), потому что в VII в., как уже было сказано, китайцы сталкивались именно с тюркютской знатью, и ясно, что духи эти – те самые духи предков, которым совершались жертвоприношения в VI в. Но окончательно выясняют дело сведения более позднего времени, не относящиеся к тому же культу и сохранившиеся в рисале Абу-Дулафа, арабской компиляции начала X в. Источник сообщает, что у карлуков, еще не принявших ислам, «храм есть, на стенах которого изображены их прежние государи» [41, с. 243]. Равным образом и древние дунху почитали «покойных старейшин, которые прославились своими подвигами» [30, т. I, с. 144]. Связь карлуков с западными тюркютами устанавливается прямым показанием «Таншу», где «гэлолу», т. е. карлуки, названы тюркютским поколением. Итак, можно констатировать, на этот раз определенно, что тюркютская знать имела культ предков-героев, выросший из тотемного мировоззрения, в противоположность анимистическому обожанию природы у тюркютского народа.

В этой связи необходимо отметить наличие у тюркютов представлений о бессмертии души и загробном существовании. При похоронах Истеми-хана в 576 г. были казнены «четыре военнопленных гунна» [112, с. 422], чтобы сопровождать покойного в загробный мир. В 649 г., на похоронах императора Тайцзуна, Ашина Шэни хотел заколоться, дабы не покинуть своего царственного друга [198, vol. III, p. 178]. Оба эти факта показывают, что тюркюты считали загробное существование продолжением земной жизни; такое представ-

ление распространено весьма широко, но относится к довольно ранней стадии развития религиозного сознания, отличаясь, однако, от анимизма тем, что предполагает в человеке не множественную, а индивидуальную душу.

Но где же тогда шаманизм – общение с духами – тосями, искони существовавшими и не связанными с природой, общение без почитания, с поклонением, носящим характер исключительно практический, и достигающееся путем психологической и сексуальной экзальтации? [178] Где шаманы, вызывающие ударами бубна духов извечных для борьбы с душами покойников? В обеих описанных системах нет места для духов-помощников, без которых не может быть шамана и нет камланий, составляющих основу шаманского культа. Правда, в разобранных нами текстах еще осталось упоминание о колдунах или волхвах, но, прежде чем приписывать им функции кама, нужно посмотреть, чем они занимались.

В «Шахнаме» Фирдоуси содержится рассказ о битве при Герате между тюркютами, которых автор называет «тюрками Китая», и персидским полководцем Бахрамом Чубином. Повествование Фирдоуси сверено со многими другими источниками: Табари, Саалиби, Валями, Мирхондом, Себеосом, сирийским анонимом VII в. и персидским анонимом X в., благодаря чему установлено, что Фирдоуси воспроизводит те же первоисточники, что и названные авторы, и даже более точно, чем они. В рассказе Фирдоуси есть детали, упущенные другими авторами, но весьма для нас важные. Фирдоуси описывает тюркютское колдовство и колдуна. Начинается с того, что накануне решительной битвы Бахрам Чубин видит страшный сон. Ему снится, что тюрки превратились в льва, что войско его разбито и дорога на Ктезифон занята врагом, а он сам, прося пощады, идет пешим. Несмотря на дурное предзнаменование, Бахрам начал битву [210, VI, р. 610]. Тюрки, чтобы напугать персов, прибегли к колдовству. Колдуны бросали в небо огонь, чем вызвали ветер и черную тучу, осыпавшую персов стрелами. Но Бахрам закричал, что это только обман, что стрел на самом деле нет, и колдовство не достигло цели. После битвы, в которой персы остались победителями, им попался в плен колдун. Он признал, что сон на Бахрама был наслан им [210, VI, р. 614, 622; 60, с. 34–35]. Рассказ Фирдоуси можно было бы истолковать как персидскую легенду, если бы тюркское происхождение этого рассказа не было удостоверено этнографическими параллелями.

В повествовании о Юебани говорится о колдунах, умевших вызывать холод и дождь. Во время войны с жужанями юебанские колдуны вызвали снежную бурю и направили ее на жужаней; в среде последних оказалось так много обмороженных, что поход им пришлось прекратить и вернуться восвояси [30, т. II, с. 260]. Подобную легенду сообщает Григорий Турский. Во время войны аваров с франками аварские колдуны вызвали грозовую бурю, причем молния ударяла во франкский лагерь, благодаря чему франки были побеждены [239, т. X, р. 15]. Наконец, такие волшебные способности приписывались и нэпманам. Рашид-ад-Дин сообщает, что во время похода конфедерации племен с Чжамухой во главе против Чингисхана (1201) найманские колдуны вызвали бурю, но плохо рассчитали ее действие, и она обратилась против них же самих, что весьма способствовало победе Чингиса [147, с. 127, 293].

Все эти легенды восходят к верованию в возможность управления погодой путем магических манипуляций. Из всех авторов только один Фирдоуси пытается отыскать в легенде рациональное зерно, предполагая наличие массового гипноза. Каково бы ни было происхождение этого верования у тюрков и монголов VI – XII вв., все дело сводится к симпатической магии, а отнюдь не к вызыванию духов-помощников, т. е., употребляя тюркютскую терминологию, мы здесь видим не кама (шамана), а ядачи (колдуна).

«Яда» (колдовство) практиковалось до XX в. для вызывания дождя посредством чтения заклинаний над камнем, извлеченным из желудка коровы, лошади или кабана. Действия «яда» не связаны с вызыванием духов, и в помощи их ядачи не нуждаются. Тут мы наблюда-

даем типичный пример симпатической магии, не имеющей генетической связи со спиритуализмом шаманства.

Древнейшие сведения о «яда» содержатся в хронике неизвестного сирийского монаха VII в., описывающего события, происходившие при патриархе Элиасе из Мерва [103, с. 151–154], т. е. в эпоху, интересующую нас. Само слово «яда» заимствовано из персидского (колдун, ворожей). Фирдоуси называет тюркского колдуна именно так, хотя слово «шаман» было известно в Иране. Но мало того, Фирдоуси сообщает, что колдовство производилось путем бросания огня в небо, и эта особенность подтверждается параллельными сведениями. Менандр включил в повествование о посольстве Земарха к тюркютскому хану (568) заслуживающее нашего внимания описание очистительного превентивного колдовства. «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Земарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажей. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня, между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали.

Лишь после огненного очищения Земарх был допущен к хану» [112, с. 376]. На первый взгляд здесь мы наблюдаем элементы камлания: исступление, удары в бубен (тимпан), но при пристальном рассмотрении эта мысль отпадает. В самом деле, тут не призывание, но изгнание враждебных духов священной силой огня, т. е. магия, а не спиритуализм. Представление о том, что огонь отгоняет злых духов, распространено чрезвычайно широко, от Австралии до Баварии, и не является чем-либо исключительным и оригинальным [179, с. 371–372]. Подобные верования мы находим и у монголов XIII в., заставлявших русских князей подвергаться огненному очищению, и у современных бурят, которые не бросают в огонь мусор, а только хорошо наколотые дрова, и т. д. Короче говоря, почитание огня противоположно вызыванию духов и по форме и по смыслу.

Невероятно и предположение Ф. Ратцеля [145, т. II, с. 758–759] о связи центрально-азиатского культа огня с зороастризмом, ибо и тут сходство чисто внешнее. В Персии модердан-мобед, приближаясь к священному огню, надевал вуаль, чтобы не оскорбить огонь дыханием, а тут огнем отпугивают злых духов, т. е. самое нечистое на свете. Дело в том, что в Иране огонь был объектом религиозного поклонения, а у тюркских племен магическим инструментом, т. е. по существу никакого сходства между ними не наблюдалось. Теперь мы подошли вплотную к последнему вопросу: где же шаманская «черная вера», культ духов-помощников?

Разбор вышеприведенных сведений показывает, что этой системы в VI – VII вв. у тюркютов не было, а так как в XII в. зафиксированы и термин «кам», и само камлание, то необходимо допустить, что камлания у тюрков Джунгарии и Алтая возникли в промежутке между VII и XII вв., и действительно, эпоха VI – IX вв. характеризуется огромными сдвигами в культуре народов Центральной и Средней Азии.

Глава восьмая

Мнения и сомнения

Оправдание книги

После того как читатель ознакомился с историей возникновения каганата, с обстановкой, в которой он был вынужден бороться за существование, и теми возможностями, которыми он располагал, уместно обратиться к разбору методики исследования и точек зрения, высказывавшихся различными учеными как по общим, так и по частным вопросам нашей темы.

В первую очередь автор обязан ответить на вопрос: для чего и для кого он написал свою книгу? Отвечаю.

Несмотря на обилие источников и специальной литературы, прочесть историю кочевников Срединной Азии так, как можно прочесть историю Греции, Рима, Византии, Франции, Англии, России или государств Ближнего Востока, невозможно, так как она не написана. Это бьет прежде всего по широкому читателю, затем по специалистам-историкам смежных областей и, наконец, по специалистам-кочевниковедам, тонущим в непомерно разросшейся библиографии.

Чтение источников без применения к ним методов исторической критики бессмысленно, а многочисленные статьи по частным вопросам противоречивы. Для того чтобы двигаться вперед, необходимо подводить время от времени итог. Вот первая задача, поставленная перед автором книги самим ходом развития науки.

Затем аспект. Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая или Ирана. Надо наконец сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно. Только так можно понять, как они жили, чувствовали, торжествовали и погибали. Истоки настоящего и даже будущего таятся в недрах прошлого, а ведь древние тюрки – предки многих народов Советского Союза.

И наконец, общие закономерности истории человечества не могут быть изучены без учета вариантов.

Мы знаем, что развитие идет по спирали, но в ней имеются витки и зигзаги. Наряду с плавным, эволюционным развитием наблюдаются скачки и обрывы традиций. Общий в основном направлении исторический процесс в разных странах своеобразен, и, не учитывая разницы, а базируясь только на сходстве, мы обрекаем себя на непонимание наблюдаемых явлений.

Периодизация, т. е. квантование исторического процесса возможна только при большом приближении, потому что иначе разрывы между эпохами становятся незаметны и история кажется калейдоскопом событий. Именно на этой недостаточной точности (или слишком большом допуске) построена европоцентристская концепция застойности Азии, и ее не опровергают короткие, а потому и невразумительные главы «Всемирной истории», посвященные нашей теме.

Предлагаемая работа является средним необходимым звеном между простым сбором фактов и философским осмыслением их. Это история в прямом смысле слова, т. е. изучение событий в их связи и последовательности.

Техника сбора материала

Составление истории народов бесписьменных или с письменностью, не дошедшей до нас, всегда содержит специфические трудности, незнакомые историкам народов, имеющих собственное летописание. Исторические записи, которые были у тюрков, не сохранились, а надгробные надписи их не заменяют. Поэтому приходится базироваться на иноязычных нарративных источниках, используя их в переводах, введенных в научный оборот.

Однако сведения, сообщаемые различными источниками, неравноценны и часто не могут снискать доверия. Причины этого разнообразны: иногда малая осведомленность древнего автора, иногда манера, в которой он подает материал, иногда тенденциозность, так как современник почти всегда является заинтересованной стороной, а иногда склонность к гипотезам, стоящим на уровне науки VII в. Поэтому более надежны сведения, проверенные исторической критикой и анализом ученых XIX—XX вв. и потому исключаящие аберрацию близости. Только эти сведения могут лечь в основу исторического синтеза.

История событий принципиально отличается от истории культуры. Если во втором случае нам дороги даже оттенки стиля подлинных документов, то в первом – самое интересное чтение – это хронологические таблицы и надписи на исторических картах.

К сожалению, свод событий, выверенных и датированных, являющийся костяком истории стран Европы, для стран Азии не составлен.

Способ исследования источников

Сложность и многосторонность темы заставляют отнестись с сугубой внимательностью к принципам исторической критики и анализа. Поскольку наиболее полным источником являются китайские династические хроники, Н. Я. Бичурин, Ст. Жюльен, Э. Шаванн и Лю Мао-цзай основывались на них, изредка дополняя греческими и арабо-персидскими данными. Такой подход совершенно неизбежно вел к тому, что в трудах этих исследователей, независимо от их желания, красной нитью проходила тенденция средневековой китайской исторической традиции. Однако, будучи подвергнута исторической критике, эта тенденция оказывается ложной, да и вообще не следует изучать историю народа исключительно с точки зрения его противника.

Для того чтобы написать историю древних тюрков, исходя из реального хода событий, потребовалось критическое переосмысление всех приведенных в китайских хрониках фактов. Дело осложняется, кроме того, манерой выражаться, принятой китайскими хронистами: когда в хронике сказано: «не имел успеха», это почти всегда означает полный разгром китайской армии; слова «ограбил границу» означают либо длительный кавалерийский рейд противника, либо диверсию для поддержки какого-либо мятежника, причем о последнем нет ни слова, и сведения о нем приходится искать в других текстах (к счастью, события китайской истории всегда точно датированы) и устанавливать ход событий путем сопоставлений. Эта запутанность, а подчас и фальсификация, не случайна: она вызвана тенденциозностью, заставлявшей хрониста подыскивать для описания поражения форму, наиболее приемлемую для самолюбия господствующих социальных слоев Китая.

Но еще более опасным является исторический метод китайских летописцев – элементарный волюнтаризм. С их точки зрения, победы над тюрками нечего было и объяснять: естественно, что китайцы должны всегда и везде побеждать. А как быть с поражениями? Тут виноватыми оказывались иногда морозы и дожди, а чаще всего полководцы и императоры, о каждом из которых всегда можно было сказать что-либо компрометирующее. Споры нет, бездарность руководителя на пользу делу не идет, но классовые противоречия китай-

ского общества средневековыми источниками подаются всегда в отрыве от внешних событий, чем нарушается связь явлений. Эта, пожалуй, наибольшая трудность может быть преодолена только путем значительно более углубленного изучения китайской истории, чем это было нужно непосредственно для нашей темы. Почти непреодолимую трудность представляла проблема исторической географии, ибо китайцы нередко меняли названия многих, даже уездных, городов. Но, к счастью, удалось обнаружить сводку переименований в китайской географии Да Цин И-тун-чжи в переводе Н. Я. Бичурина. Этот капитальный источник был издан как работа, предваряющая историю древних тюрков и других кочевников, а также самого Китая [31].

Вторая по значению группа источников – тюркские надгробные надписи – требует к себе совершенно иного подхода. Подавляющее большинство их относится к одной эпохе – второй четверти VIII в. – и представляет полемику двух течений политической и исторической мысли – Йоллыг-тегина и Тоньюкука. Надписи композиционно почти копируют друг друга, но комментируют события с диаметрально противоположной направленностью. Тут широкое поле для исторической критики, которая облегчается тем, что оба автора нам известны. Благодаря этому есть возможность в каждом случае внести коррективы и отсложить истину от полемических выпадов.

Из числа малых надписей, до сих пор не подвергавшихся интерпретации, особенно важна одна из Хойто-тамирских: это стихи на тюркском языке, наиболее ранние из всех известных.

Несмотря на то что надписи неоднократно привлекали внимание историков, в аспекте, предлагаемом в настоящей работе, они еще не рассматривались. Однако только он позволяет вскрыть в древнетюркском обществе наличие политических течений и установить их характер. Иными словами, мы старались, чтобы монологи превратились в диалог и до читателя дошли не только слова древних тюрков, но и интонации их политической полемики.

Сведения о тюрках у византийских, армянских и арабо-персидских историков либо крайне отрывочны, либо похожи на криптограммы. Тюркские имена в их передаче звучат неузнаваемо, причем часто титул выдается за собственное имя и наоборот. Но греко-армянские и арабо-персидские источники, будучи вмонтированы в общую канву, заполнили некоторые купюры и объяснили сомнительные места китайских источников.

В этой связи уместно привлечь проблему древнетюркской ономастики, трудности и возможности которой ранее недооценивались. Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если это был хан – то титул менялся согласно удельно-лестничной системе.

Кроме того, его имя звучало в устах китайца не так, как в устах грека, перса или араба. Нам удалось установить, кто и почему в разное время именовался по-разному. Но тут начинается наиболее интересная часть проблемы: китайцы подбирали иероглифы не случайно, и только часть их изображает тюркскую фонему. Многие иероглифы подобраны специально, чтобы отразить хорошее или дурное отношение к тюрку – носителю имени, и подчас здесь только можно уловить некоторые нюансы китайской политики.

Работа по восстановлению имен проводилась мной совместно с китаистом М. Ф. Хваном, который устанавливал истинное звучание иероглифа для VI – VII вв. и его значение. Сопоставление этих данных с тюркскими словами и деталями биографий носителей имен позволило с большой степенью вероятности восстановить некоторые тюркские имена. Например, ранее принятое «Иби Шаболо Шеху кэхань» должно читаться как «Ирбис Ышбара Джабгу-хаган», что в переводе означает «Снежный барс, жестокий/могучий старейшина-хан». Некоторые прежние чтения исправлены, например «Бугя-кэхань», переведенный Э. Шаванном как «Бильге», т. е. «мудрый», следует читать: «Боке» – «могучий».

Многие из наших восстановлений гипотетичны, но я предпочел включить их в текст, нежели оставить заведомо неправильные иноязычные китайские звучания, которые для ориентировки читателя сохранены в примечаниях. Там же даны арабские, персидские и греческие начертания тюркских имен, потому что алфавитное письмо прекрасно корректирует иероглифическую запись.

Но мне не удалось одно, казалось бы легкое, дело – унифицировать транскрипцию имен. Для тюркских, китайских и тибетских имен международной транскрипции нет. Орфография на разных европейских языках разная, потому что фонетика за 1200 лет изменилась, а кроме того, она зависела от диалектов. При сносах приходилось воспроизводить имя так, как оно написано у цитируемого автора, и поэтому выдержать единую систему не представлялось возможным. По сути дела, принятая в книге система отражает не лингвистическую сторону, а историю науки.

Чтение китайских имен соответствует тому, которое стало общепринятым в классических трудах русских авторов: Н. Я. Бичурина, В. В. Григорьева, В. В. Бартольда, Г. Е. Грумм-Гржимайло. Очень близко к русскому стоит французское чтение у Э. Шаванна, П. Пелльо, Р. Груссе и немецкое в переводах Лю Мао-цзя. Эти авторы при передаче иероглифов алфавитным письмом воспроизводят фонетику VI – VIII вв., тогда как в современной советской китаеведческой литературе за основу берется фонетика XX в., в результате чего тюркские имена приобретают фантастические звучания и не поддаются интерпретации, например ту-цзюе вместо ту-гю – тюрки.

В написании тюркских имен из надгробных надписей за эталон взяты чтения С. Е. Малова. Особенно сложны тибетские имена, которые каждый переводчик передает по-своему. Эти имена выверены Б. И. Кузнецовым, которому я приношу благодарность. Иранские имена даются с таджикскими огласовками, наиболее близкими к диалекту использованных в работе источников.

Хотя предполагаемое решение нельзя считать окончательным, но для работы исторического содержания, рассчитанной на широкого читателя-историка, а не только востоковеда, оно, пожалуй, единственно приемлемое, потому что дает возможность читателю проверить сноски и цитаты из пособий на европейских языках и избавляют от путаницы, связанной с той или иной орфографией, каждая из коих не является общепринятой. *Feci quod potui, faciant meliora potentes.*

Способ использования литературы

История тюрков привлекала внимание многих ученых, и на протяжении 200 лет интерес к ней возникал несколько раз. В середине XVIII в. французские миссионеры перевели много китайских исторических сочинений, из которых для нашей темы наибольшее значение имеют публикации переводов Майя и Гобиля [242, 213]. Эти труды сыграли для нас важную роль, так как в них история Китая VI – VIII вв. изложена наиболее подробно; мелкие детали событий, приведенные там и опускавшиеся позднейшими учеными, часто давали возможность разобраться в поставленной нами проблеме. На базе этих переводов профессор Сорбонны Дегинь в середине XVIII в. написал многотомную «Историю хуннов, тюрков и монголов» [208].

В начале XIX в. Вивьен де Сен-Мартен переиздал «Историю Византии» аббата Лебо со своими комментариями, представляющими и по сей день большую ценность, чем сам текст [239].

В отличие от этих исследований, касающихся лишь периферийных областей тюркского каганата, переводы Станислава Жюльена [234] посвящены непосредственно тюркам. Эта публикация долгое время была исходным пунктом изучения истории древних тюрков.

В начале XX в. сюда добавился монументальный труд Э. Шаванна [198], посвященный исключительно Западному каганату. За ним последовали ювелирные по своей тщательности работы П. Пелльо [256, 258, 259] и великолепные сводки Анри Кордые и Рене Груссе [207, 219, 220].

По стилю и методу работы к французской школе примыкает ныне работающий в ФРГ Лю Мао-цзай. Его двухтомная работа [240], посвященная Восточному каганату и снабженная чрезвычайно интересным детальным комментарием, перекрывает аналогичную работу Жюльена и дополняет книгу Шаванна.

Нельзя пройти мимо одной особенности французской школы, являющейся, пожалуй, крупным ее недостатком. Тюрки для французов – явление столь экзотическое, что им удобнее рассматривать историю каганата глазами средневековых китайцев, т. е. извне. Поэтому связь событий от них иногда ускользает, а иногда события интерпретируются с китайской точки зрения. Это обстоятельство ограничивает возможности французской школы фактографией, но в этой области она занимает первое место.

Немецкая школа значительно уступает французской. Сочинения И. Маркварта, Ф. Хирта и в наше время монография Х. В. Хауссига [229, 231, 246, 243, 247, 248] представляют причудливое сочетание научных прозрений и заблуждений, филологических догадок, часто недоказуемых, и просто ошибок. Скрупулезность проявляется в частности и чередуется с беспепелляционными гипотезами вроде отождествлений сеяньто с мифическими «сиртар-душами», Ашидэ Юань-чжэня с Тоньюкуком (Хирт) или Абура с «эфталитским царем» (Маркварт). Такие гипотезы входили в науку как «переходящие ошибки» и нанесли ей немало вреда.

По этим причинам я сознательно отказался от использования книги Рихарда Хеннига «*Terrae incognitae*» [171]. Не могу судить, насколько верны его комментарии по поводу путешествий норманнов и мавров, но его представления о Центральной Азии VI–VIII вв., откровенно говоря, фантастичны. Так, восточную границу тюркского каганата он видит «в районе современного Владивостока», а северную относит «за северные границы Байкала, до реки Витим» (с. 88). Именем основателя державы он считает слово «дизавул», что является греческим искажением титула «ябгу», который носил помощник хана (там же). Ни на секунду не задумавшись, Р. Хенниг помещает аваров сначала в Центральной Азии, а потом «между Волгой и Доном» (там же), игнорируя как разъяснение Феофилакта Симокатты о псевдоаварах, так и полную невозможность вклинить аваров в места, населенные местными народами: аланами и болгарами. Без каких-либо ссылок он сообщает, что при императоре Вэнь-ди (581–604) граница Китая «простиралась до самого Каспийского моря» (с. 92), хотя в действительности она ограничивалась Великой стеной и Ордосом. С потрясающей развязностью Р. Хенниг называет «сущим вздором» установленный факт, что китайцы расплачивались с тюркютами за военную помощь шелком, воспринимая тюркютов как наемников, вербуемых в китайские войска (с. 90). И на основании этих беспочвенных домыслов он объявляет обилие шелка в Согдиане «только собственным производством» (с. 89). В предисловии (с. 18) автор признает, что вне поля его зрения остались важные труды, недоступные во время войны, но указанные погрешности произошли просто от невнимания к обязательной фактической основе всеобщей истории и географии, а главное, из-за несерьезного отношения к принятой на себя задаче. Общее количество грубых ошибок значительно больше, нежели приведено здесь как примеры.

Спорить с автором, игнорирующим общеизвестные и точно установленные факты, – бессмысленно, и потому я оставил его книгу без внимания.

Полагаю, что ближе всех к решению задач кочевниковедения подошла научная традиция, которую можно назвать русской школой. Ее представители – Н. Я. Бичурин, В. В. Григорьев, Н. А. Аристов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. А. Иностранцев, С. И. Руденко, М. И. Арта-

монов и ряд других ученых. Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю «раскосыми и жадными» глазами степняков. Благодаря этому наши ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира.

Основоположником изучения истории и палеоэтнографии Срединной Азии в России был Н. Я. Бичурин (Иакинф) [30, 31, 76, 77]. Сделанные им переводы китайских хроник до сих пор остаются надежным фундаментом для исследований. Ошибки и неточности перевода редки, несущественны и не искажают основного повествования, как показали текстологические работы Н. В. Кюнера [100], специально сличавшего труды Бичурина с подлинными текстами.

Базируясь на вкладе Бичурина, В. В. Григорьев [41] создал монументальную работу по исторической географии Восточного Туркестана. Путем сравнения греко-римских и арабо-персидских сведений с китайскими ему удалось установить преемственность культур и народов в этой области.

В небольшой, но исключительно сжатой и насыщенной фактами и мыслями книге Н. А. Аристов [4] дал сводку сведений о всех тюркских существующих племенах и подошел вплотную к исследованию племен исчезнувших. Эта тема получила свое развитие в работе К. А. Иностранцева, исследовавшего вопрос о соотношении восточных «хунну» и европейских «гуннов» [74]. Предложенное им решение нашло подтверждение в новых открытиях.

Русская наука первая поставила вопрос о корнях кочевой культуры. Особенности социальных институтов последней, стиль произведений искусства и характерные черты военного дела, изученные с достаточной глубиной, показывают, что кочевая культура имеет самостоятельный путь становления, а не является периферийной, варварской, неполноценной. Действительно, археологические работы С. И. Руденко на Алтае [151, 152], С. В. Киселева в Минусинской котловине [81], А. П. Окладникова на Дальнем Востоке [117, 119] дали такие результаты, что ныне вопрос может быть поставлен лишь о взаимных влияниях между оседлыми и кочевыми народами, а никак не о заимствовании кочевниками культуры у китайцев, согдийцев или греков.

Большой удачей в смысле метода является книга М. И. Артамонова «История хазар» [7]. В этой работе история народов Прикаспия и Причерноморья освещена изнутри; хазары и другие обитатели Южно-Русских степей впервые изучаются не как враги Византийской империи или соперники Киевской Руси, а как самостоятельная этнокультурная целостность, судьбы которой обусловлены исторической закономерностью, определившей величие и гибель Хазарии.

В перечисление не попали многие, в том числе В. В. Бартольд, крупнейший специалист по истории мусульманского Востока. Работы В. В. Бартольда по истории тюрков [12, 14, 191, 192] хотя и сыграли положительную роль в истории вопроса, но не внесли той ясности, которая смогла бы стать перспективой исследования. Очень уж разнились между собой в VI – VIII вв. кочевые тюрки и персы, в историю которых В. В. Бартольд вжился.

Мало принесли пользы науке статьи и книги А. Н. Бернштама [26] из-за слишком вольного обращения с фактами и датами.

Методика общих работ

Особое место в истории кочевниковедения занял Г. Е. Грумм-Гржимайло, работавший в начале XX в., когда открытие и прочтение орхонских надписей значительно повысили научный интерес к тюркологии. Уже к концу XIX в. возникла огромная противоречивая литература на четырех языках, недоступная для начинающего исследователя. Нерешенные проблемы бросались, так как из-за притока новых материалов возникали новые вопросы и

обширная библиография грозила подменить собой науку, предлагая вместо ответов на волнующие вопросы ссылки на разноречивые мнения многочисленных авторов. Так как начинающий историк, естественно, не мог прочесть всех написанных о тюрках книг, то для него был только один путь – сужение темы, а отсутствие общей перспективы давало, как правило, неблагоприятные результаты.

Г. Е. Грумм-Гржимайло, отчетливо сознавая, что его любимый предмет вот-вот будет похоронен под грудой названий книг, номеров журналов, ссылок и сносок, взялся за «кропотливый и неблагодарный труд» сведения всех существующих точек зрения и выяснения частных проблем этнологии, хронологии, исторической географии и истории Срединной Азии с древнейших времен до XX в. К счастью, было еще не поздно, и благодаря удивительной самоотверженности и таланту он за 25 лет создал сводную работу «Западная Монголия и Урянхайский край» (т. е. исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Это сочинение стало настольной книгой для всех историков Азии, причем необходимо отметить оригинальный подход автора к материалу. До тех пор историей Востока занимались филологи-ориенталисты, переводившие восточных авторов. Заслуга их перед наукой велика, но это только один аспект изучения, и им не исчерпывается все многообразие наблюдаемых явлений. Г. Е. Грумм-Гржимайло взглянул на историю глазами географа. Используя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между сведениями, почерпнутыми из летописей, и природой Тянь-Шаня, Хангая, Гоби.

Трудности, пережитые Грумм-Гржимайло в горах и пустынях, дали ему возможность представить себе, как вписывались исторические события в ландшафт, и потому ему удалось сделать много блестящих историко-географических открытий, как, например, установить место крепости Бишбалык. Сам Г. Е. Грумм-Гржимайло по поводу этого открытия писал: «Открытие правильного местоположения Бишбалыка равносильно возвращению Парижа на берега Сены, скажем из Марселя, куда его в течение многих лет перемещали ученые всего света. Сколько темных мест в истории и географии разъяснилось» [46, с. 45].

Казалось бы, современники должны были приветствовать столь грандиозный и жертвенный труд, но на самом деле он натолкнулся на нарочито недоброжелательное непонимание. В 1898 г. Грумм-Гржимайло опубликовал как предварительное исследование небольшую книгу: «Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии». В этой работе уже проявился тот своеобразный метод, который дал столь положительные результаты. Однако в ответ последовала резкая рецензия В. В. Бартольда, который отказал автору книги в «настоящей исторической и филологической подготовке» и заявил, что «от путешественников мы прежде всего ждем подробных географических и этнографических, по возможности также археологических сведений... и мы не можем не пожалеть о том, что изучение исторической литературы Азии на время отвлекло нашего автора от гораздо более благодарной задачи», т. е. простого отчета об экспедиции.

Этот резкий и несправедливый отзыв был смягчен В. В. Бартольдом после ответной статьи Г. Е. Грумм-Гржимайло, но и тут за книгой последнего была признана лишь «некоторая польза».

Вместе с тем В. В. Бартольд перенес острие критики на филологическую подготовку Г. Е. Грумм-Гржимайло, который решал проблемы ономастики как историк. Спор возник по поводу двух имен, встреченных в орхонских надписях, которые П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов и сам В. В. Бартольд рассматривали как имя легендарного прародителя тюрков, а Н. А. Аристов и Г. Е. Грумм-Гржимайло – как имена двух братьев – ханов Первого каганата.

Спор был окончательно решен в пользу последнего предположения, и тем самым был реабилитирован метод интерпретирования источников, против которого высказывался В. В. Бартольд, считавший в то время, что грамматически верно прочтенный текст страшает иссле-

дователя от ошибок. Слов нет, тексты нужно читать точно, но история одного этого диспута показывает, что грамматика и фонетика не могут заменить исторической критики.

Еще более опасна была рекомендация В. В. Бартольда ограничиться разработкой частных вопросов и отмечать отдельные промахи специалистов. К счастью, Г. Е. Грумм-Гржимайло не принял ее во внимание. Если бы он поступил иначе, то к существовавшему тогда морю библиографии прибавилось бы 200–300 названий полемических заметок, разбросанных по разным периодическим изданиям без следов системы. Тогда просто не хватило бы времени ни у одного ученого разобраться ни в одном вопросе, так как он тратил бы силы не на продумывание предмета, а на поиски тех или иных статей. Кроме того, за полвека, прошедшие со времени этой полемики, не нашлось специалиста, который взял бы на себя труд сводки мнений по широкой теме.

Книга Г. Е. Грумм-Гржимайло открывает в историографии Центральной Азии новый период, оказавшийся плодотворным именно благодаря ей. Это вынужден был позднее признать сам В. В. Бартольд в личном письме к Г. Е. Грумм-Гржимайло, где он отказался от прежнего предвзятого мнения [там же, с. 64].

Однако отрицательное отношение к труду Г. Е. Грумм-Гржимайло сохранило инерцию до наших дней. А. Ю. Якубовский повторяет ранние оценки В. В. Бартольда и ставит в вину Г. Е. Грумм-Гржимайло «незнание восточных языков» и «отсутствие специального исторического образования» [185, с. 78].

Не останавливаясь на полемике по частным вопросам и оценкам, я позволю себе сопоставить с книгой Г. Е. Грумм-Гржимайло работу профессионального востоковеда Лю Мао-цзя «Тюрки и Китай» [240, S. 392–472], приложенную к его солидному переводу китайских источников, о котором говорилось выше. При этом я считаю необходимым оговорить, что филологическая сторона работы Лю Мао-цзя выполнена безупречно, а фактический комментарий показывает великолепную эрудицию и добросовестность автора. Но как только наступает очередь анализа, а тем более синтеза, становится очевидно, что история требует специальных способностей, охвата явлений, особого видения и интуиции, к чему знание языков не имеет прямого отношения. Работа историка, устанавливающего связь между событиями, начинается там, где кончается работа филолога-востоковеда, задача которого – установить наличие самих событий. Совмещение того и другого было уместно на ранних ступенях науки, но теперь это шаг назад. Но это ни в коей мере не снижает заслуги Лю Мао-цзя перед наукой. Он собрал и прокомментировал факты, а интерпретация их должна быть произведена на основе научного анализа и синтеза, причем прежде всего следует установить локальные черты развития кочевых народов, а также особенности, свойственные всем странам в VI – VIII вв., т. е. ритмы самодвижения, характеризующие эпоху.

Попытки осмысления

И по этому вопросу между историками не было единомыслия. Наиболее ожесточенные споры возникли после дешифровки орхонских надписей, содержание которых дало богатый материал для социологических построений.

В 1896 г. высказали свои точки зрения Л. Казн и Н. А. Аристов. Казн утверждал, что тюрки представляли собой «общество личностей и родов, число которых не ограничивалось этнической принадлежностью» [197, р. 79].

Тюрки, по его мнению, были связаны между собой лишь политическим объединением и военной дисциплиной. Государственную систему каганата он называет «бюрократической», противопоставляя ее как аристократии, так и демократии [ibid, р. 75, 82]. Поскольку взгляды Л. Казна исчерпывающе разобраны В. В. Бартольдом в рецензии на его книгу [см. ЖМНП, 1896, вып. 5–6, с. 373 и сл.], останавливаться на них нецелесообразно.

Н. А. Аристов высказал обратную точку зрения, согласно которой создание государств у кочевников происходит «вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена». Падение же он относит за счет междоусобиц «под преобладающим влиянием стремлений родов и племен к самостоятельности...» [4, с. 10]. Взгляд Н. А. Аристова в целом соответствует действительности, но нуждается в развитии, аргументации и некоторых коррективах.

В. В. Радлов стоял на точке зрения элементарного волюнтаризма. Он полагал, что только влияние вождей племен могло способствовать образованию в кратчайшее время мощных племенных комплексов. Вожди захватывали ханскую власть, и только крепкая рука хана могла удержать от гибели кочевое государство. Как только эта рука слабела – оно разваливалось [266, S. 310]. По этому поводу можно заметить, что настроения народа и преданность дружины делают руку хана крепкой или слабой в значительно большей степени, чем его личные качества.

Весьма оригинальный взгляд высказал В. В. Бартольд, заявив, что «беги противопоставлялись „черному народу“, причем верховная власть не всегда становилась на сторону первых» [192, S. 4–5; 11, с. 237, 276]. Эту точку зрения он развивал в полемике с В. Бангом, заметившим ему, что «стоявшие вокруг хана люди – это его родственники или дворянство, способствовавшие возвышению тюркского народа» [190, S. 121]. В. В. Бартольд объяснил, что «в надписи высказываются некоторые демократические мысли», и сравнил тюркских ханов с обоими Наполеонами, которые, окружив престол военной аристократией, придерживались идеи демократической империи [192]. И много позднее Бартольд отмечал, что факт сословной борьбы не отмечен ни Радловым, наблюдавшим жизнь кочевников тогда, когда у них не было резкой социальной дифференциации, ни Томсеном, который, признавая борьбу между знатью и простым народом, не отметил значения этого факта [16, с. 11–12]. Взгляды В. В. Бартольда, по нашему мнению, несмотря на кажущееся правдоподобие, не подтверждаются анализом истории тюркютов и голубых тюрков в целом.

Специальную работу этой теме посвятил А. Н. Бернштам [26]. Критика его взглядов приводится ниже. Наконец, новое освещение вопроса дано в работе Е. Прицака, который попытался в общем виде нарисовать картину создания «кочевых империй» [261, S. 49–104]. Несмотря на огромное количество учтенных фактов и детальную разработку источников, его выводы вызывают возражения, мешающие принять их полностью. Причин к тому две: общие соображения Е. Прицака включают некоторые предвзятые мнения, не преодоленные исследователем, а частные замечания содержат «переходящие ошибки», т. е. гипотетические предположения, впоследствии опровергнутые, но удержавшиеся, потому что опровержение потонуло в море мелких статей, разлившихся в библиографический океан. К счастью, в качестве корректива к труду Прицака мы имеем теперь значительно более точную и надежную сводку тюркологических сведений в труде А. Н. Кононова [90 (примечание)] и можем сосредоточить внимание только на общих положениях Е. Прицака, сформулированных им в начале статьи «Как возникла степная империя?». «Когда в степи появлялся талантливый организатор, он собирал вокруг себя толпу сильных и преданных людей, чтобы подчинить с их помощью свой род, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о котором идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Если они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой – размещение гарнизонов в степных укреплениях, сначала на Орхон-Ононе, потом на Чу.

Обладание священными местами в степи приобщило основателя новой федерации к благодати, придававшей его власти силу законности. Так как только принадлежащие к господствующему роду могли рассматриваться как господа, то созываемый на священном

месте, вблизи от укрепления, курултай, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал по старому обычаю кандидата в степные цари. Выбранный принимал обычно по предложению шамана царский титул. Этот титул выражал притязание на мировое господство. Кроме титула правителя устанавливалось название для нового государства или федерации» [261, S. 51].

Основное наше несогласие с Е. Прицаком принципиально. По нашему мнению, степные объединения возникали не одним способом, а несколькими. Отмеченная Е. Прицаком выборность хана встречается реже, чем наследование власти. Уничтожение знатных родов было проведено только Чингисханом, но оно не характерно для тюрков, уйгуров и хуннов. Весьма преувеличена роль религии и «шаманов». (Очевидно, так Е. Прицак называет вообще всех колдунов и жрецов, что делает термин слишком широким и для пользования непригодным.) Понятие «благодать» несовместимо с генотеистическими культами, так как помощь племенного божества «тосья» распространялась лишь на членов данного племени, а именно этот культ господствовал в раннетюркскую эпоху [89]. Собственно говоря, Е. Прицак описал процесс установления военной демократии, но отмеченное им сочетание дружины и племени, живущего родовым строем, характерно для оседлых племен Европы, а у кочевников тот же процесс протекал иначе.

Спор об эль

Из частных вопросов, без разрешения которых понимание истории древних тюрков невозможно, следует отметить перевод термина «эль/иль», как называли свою державу тюрки.

По поводу значения этого термина нет единого мнения. С. Е. Малов переводит эль как «племенной союз», но дает также значение: «государство, народ» [104, словарь]. Этого понимания придерживались Радлов, Мелиоранский, Бартольд, Томсен и Хирт.

Другое понимание термина выдвинул Бернштам. Он считал, что эль – «это объединение аристократии различных племен в организационно сплоченный заимствованными у того же родового строя традициями аристократический строй. „A1“ – выражение государственной организации. Турецкий „äl“ – олицетворение народа, известного нам в истории под самоназванием „türk“ [23]. Обе точки зрения при проверке оказались несостоятельными. Разберем их.

Первый тюркский хан Бумын принял титул Ильхан. Он это сделал не раньше чем покорил жужаней, т. е. к своему племени присоединил другие племена. Однако называть группу завоеванных племен союзом – более чем неточно, скорее просто неправильно. Буквальное значение титула Ильхан — «правитель народов» [30, т. I, с. 277]. Это толкование подтверждается возникновением в персидском языке Рашид-ад-Дина нового глагола: иль кардан – завоевать, покорить. Глагол является варваризмом, но точно передает смысл термина. Для другого понятия – соглашения племен – есть другой термин: «кур/гур», однозначный на тюркском и монгольском языках. Соответственно этому есть термин «гурхан», т. е. хан конфедерации племен. Такой титул носил хан киданей, так как их держава была союзом из восьми равноправных племен. Наоборот, иль предполагает насильственное подчинение других племен. Поэтому наиболее адекватным переводом термина «il» будет латинское «imperium» или русское «держава». Самоуправляющееся племя им быть не могло.

Вторая точка зрения опровергается текстами, на которые она должна опираться, например: «türk budunälin törüsin», т. е. тюркский народ и эль (неверно, надо: «эля») узаконивая... Тут очевидно, что эль включает в себя будун, т. е. ограничивается господствующим классом [24, с. 565; 81, с. 503].

Таков же второй текст: *Kāmka ālig kas ʔan ʔgmān* – для кого я буду добывать или – эли. Но «выражение государственной организации» или «господствующие классы» добывать нельзя, поэтому перевод, предложенный Бернштамом, обесмысливает текст.

Иное значение термина «эль» предложил С. П. Толстов: «государство, в античном понимании этого слова, политическом, а отнюдь не территориальном значении» [160, с. 52]. Но даже при таком понимании необходимо учитывать наличие в эле покоренных племен. Установив это, мы не встретим никаких противоречий с данными источников.

Итак, эль был формой сосуществования орды и племен, хотя в идее эта взаимосвязь должна была осуществляться мирно, но практически она была так тяжела для обеих сторон, что эль сразу же стал очень нестойкой формой. То, что страдали покоренные и что они старались при любом удобном случае отложиться, – понятно; но и в самой орде было немногим лучше. Необходимость сохранять державу лишала бегов и будун покоя, потому что только постоянная готовность к бою поддерживала существование эля. Военное поражение, дипломатический просчет, единичный случай измены и даже простое нерадение ставили существование эля под угрозу. Именно по этой причине были так недолговечны политические образования Срединной Азии в раннем средневековье.

Глава девятая Великая распря (581–593)

Участники

Несмотря на увлечения буддийской мистикой и обрядностью, Арслан Тобо-хан продолжал укреплять свою власть. Князья, управлявшие восемью уделами от Хингана до Кубани, подчинялись его приказаниям. Но эти храбрые и честлюбивые воины, великолепно умевшие держать в подчинении покоренные ими племена, оказались не в состоянии наладить отношения между собой. Равным образом каждый из них был вынужден считаться с чаяниями своих бегов и даже рядовых воинов, от преданности которых зависела его судьба, а подчас и жизнь; каждый из них должен был иметь в виду настроения народа и дипломатию соседних государств, стремившихся использовать тюркютов в своих целях. В результате создалась чрезвычайно сложная ситуация, в которой индивидуальные черты характера ханов и шадов играли не последнюю роль.

Старший сын Тобо-хана, Амрак⁶⁶, был человеком тихим, безобидным и совершенно не подходил для той деятельности, к которой он был предназначен своим царственным происхождением по линии отца и благородным – по линии матери. Его любили и уважали, но он не мог возглавить никакую группировку в орде, предпочитая спокойную жизнь превратностям судьбы властителя. Этими качествами он обескураживал своих сторонников и развязывал руки своим двоюродным братьям, ничуть не походящим на него.

Менее счастливым характером обладал Торэмен, сын Мугань-хана. Судя по его поведению и характеристике, данной ему китайским лазутчиком Чжан-сунь Шэном, этот царевич был властолюбивым, но нерешительным; храбрым в бою, но недалёковидным в политике; уступчивым перед сильными и наглым по отношению к слабым [234, р. 359; 198, р. 49]. Именно эти качества сделали Торэмена игрушкой в руках китайской разведки и воинственных бегов, сподвижников его отца. Фатальную роль в судьбе этого принца сыграла его мать, наложница Мугань-хана, не принадлежавшая к высшим слоям тюркютской знати. Оставаясь вдовой, она продолжала влиять на государственные дела и, по-видимому, возглавила партию, стоявшую за признание Ян Цзяня императором династии Суй. Поэтому тюркюты, высланные суйским правительством в 581 г. из Китая, где они были очень неплохо устроены, обратили свой гнев на вдовствующую хатун [198, р. 347]⁶⁷. Эти настроения нашли отклик в орде и, естественно, отразились на популярности ее сына, что весьма повлияло на ход событий.

Наиболее смелыми и энергичными были сыновья безвременно погибшего Кара Иссык-хана – Шету⁶⁸ и Чулохоу⁶⁹. Шету был настолько храбр и умен, настолько решителен и энер-

⁶⁶ *Кит.* Ань-ло; у Н. Я. Бичурина – Янь-ло. Амрак (ср. монг. – спокойствие) – тюркское слово, встречающееся в рунических текстах (дружок).

⁶⁷ Жюльен предполагает, что здесь имеется в виду китайская царевна, выданная замуж за Мугань-хана, но это маловероятно. Жена Мугань-хана была из династии Чжоу, все члены которой при перевороте были безжалостно убиты, и если бы упомянутая в источнике «хатун сыгиня» была она, то ей тюркюты, обиженные суйским императором, должны были бы только сочувствовать. Правильнее видеть здесь борьбу кланов внутри орды, и, видимо, с этим связаны попытки Чжан-сунь Шэна переманить на сторону Китая Торэмена, которые хотя и не увенчались успехом, но повлекли за собой последствия, весьма выгодные для Китая.

⁶⁸ Это начертание имени вошло в употребление. Тюркский эквивалент – Джетту/Йетты – «достигший [власти]». Значение иероглифов – «замышляющий регентство». В Чжоу шу он назван Дитоу. Княжеский титул его Эр-бег (*кит.* Эрфу).

⁶⁹ Чулу – каменистая пустыня; хоу – второй чин китайской чиновной иерархии.

гичен, что собственная жена считала его «по свойствам настоящим волком». Эти качества обеспечили ему уважение народа и знати, помогли взойти на престол, и они же чуть было не привели его к гибели.

Чулохоу ни в чем не уступал своему старшему брату. Он даже превосходил его хитростью, лукавством и обходительностью, благодаря чему стяжал не только уважение, но и любовь народа. Его удел располагался на восточной границе каганата, где кочевали кидани и татабы, ставшие надежной опорой Тöлөс-шада Чулохоу. Очевидно, в удел Чулохоу входила восточная часть Гоби, потому что его титульное имя означает буквально «второстепенный князь каменистой пустыни». По-видимому, именно «второстепенное» положение в сочетании с огромным честолюбием и энергией толкнуло его на сближение с китайцами еще в то время, когда каганат доминировал в Азии. В наше время такую позицию охарактеризовали бы как политическую беспринципность, в VI же веке Чулохоу не очень этим выделялся из числа прочих князей тюркютского каганата.

Но самой значительной фигурой был двоюродный дядя всех перечисленных ханов, сын Истеми, Кара-Чурин Тюрк-тардуш-хан. Биография его в китайских анналах отсутствует, но пробел восполняется византийскими и персидскими источниками [56, с. 159–162]. Кара-Чурин начал военную карьеру под знаменами своего отца в 555 г. при первом столкновении тюркютов с эфталитами. Затем, в 556 г. он с разрешения Истеми-хана покорил южную Джунгарию и на землях племени абаров основал свое удельное княжество. В 558 г. Кара-Чурин участвовал в походе на Урал и Волгу, но завоеванные земли были даны в удел его младшему брату Турксанфу и двоюродному брату Бури-хану.

В 576 г., после смерти Истеми-хана, Кара-Чурин унаследовал верховную власть на западе и титул тардуш-хана, после чего перестал ходить в далекие походы. Крымскую и кавказскую кампании против Византии и царства Эгриси (Лазики) вели его подчиненные, проигравшие войну. Поражение не повлияло на авторитет и славу Кара-Чурина, который тогда же получил прозвище Боке (герой) «за величие» [116, с. 12–13]. Но счастлив этот хан не был: имя его – Кара-Чурин – означает «черная напасть» (может быть, имелась в виду проказа). Но так или иначе Кара-Чурин был самым сильным из князей, несмотря на то, что занимал по иерархии лестничной системы подчиненное положение. Он и Шету ненавидели друг друга, хотя и старались скрывать свои чувства.

Династический спор⁷⁰

Пролог надвигающейся трагедии развернулся на берегах Орхона в конце 581 г., когда великий хан тюркютов Арслан Тобо-хан почувствовал приближение смерти. Обратись к своему сыну Амраку, он потребовал, чтобы тот согласно принятому закону о престолонаследии признал право на престол Торэмена, сына Мугань-хана. При этом Тобо-хан отметил, что родство между отцом и сыном самое близкое, но оно не может иметь значения при наследовании престола. Обойденным оказался и Шету, опять-таки в согласии с законом о престолонаследии. Его отец умер до принятия закона, и поэтому Шету попал в положение князя-изгоя, исключаящегося из очереди на престол. Но он сумел постоять за себя.

Учитывая непопулярность Торэмена среди тюркютской знати из-за «низкого происхождения» его матери, Шету высказался в пользу Амрака. Явившись на собрание вельмож позже всех, он пригрозил, что в случае утверждения завещания покойного хана он уйдет в свой удел и будет охранять его границы «острою саблей и длинным копьем» [30, т. I, с. 235;

⁷⁰ Интерпретация событий, чтение имен и отождествление топонимов, упоминаемых в этой главе, оригинальны и базируются на специальных статьях автора, посвященных этой эпохе [50, 53, 56, 57, 61]. На эти работы ссылки не даются.

240, S. 44], т. е. начнет гражданскую войну. Это был сильный аргумент; противоречить ему никто не решился, и слабый, безобидный Амрак был поставлен ханом.

Но не смирился Торэмен. Его сторонники поносили и оскорбляли Амрака, и тот отказался от престола в пользу своего заступника Шету. Вновь обойденный Торэмен получил удел на северных окраинах государства и титул Або-хана (старейшего хана).

Шету принял титул Иль-кюлюг-шад Бага Ышбара-хана⁷¹. Китайцы, верные своей привычке подбирать для неугодных им персон обидные иероглифы, изменили последний слог «ло» на «лио» (грабитель) и получили имя Шаболио⁷². Под этим неблаговидным именем сей хан и вошел в историю.

Ставка Шаболио, который являлся первым ханом, помещалась у гор Отюкен, в центре его владений. Вторым ханом был Кара-Чурин Тюрк, названный китайцами Дяньгу (иероглиф не воспроизводил имя фонетически, а передавал его смысловое значение). Китайцы передавали его титул фонетически – Дату-хан. Ставка Кара-Чурина располагалась у горы Актаг⁷³.

Третьим ханом считался Амрак. Этот пышный титул компенсировал его за потерю престола. Его ставка находилась у берега р. Толы среди привольных охотничьих угодий.

Кроме этих четырех крупных ханов были еще четыре мелких. Чулохоу по новому закону был наследником своего брата, Шаболио. Тегин-шад, двоюродный брат Шаболио, по-видимому сын Тобо-хана и брат Амрака, тоже имел удел в восточной половине каганата.

На западе сидел князь, именуемый греками Турксанфом, а китайцами Таньханем. Он командовал войсками на Волге и Северном Кавказе, и под его началом находился Бури-хан, племянник Тобо-хана, тот самый, который начал войну против Византии, взяв в 576 г. Боспор [112, с. 422].

Война на западе

Продолжение войны на западной окраине каганата историей почти не освещено. Византийские сведения отрывочны, персидские и грузинские не дошли до нас, а китайцы, по-видимому, настолько плохо представляли географию Причерноморья, что слухи, доходившие до них, интерпретировались ими фантастически. Поэтому крайне ценным является собственно тюркский источник – письмо кагана (Кара-Чурина) к императору Маврикию, сохранившееся фрагментарно в «Истории» Феофилакта Симокатты. Это письмо разобрано нами как исторический источник в специальной работе [56], на основании данных которой мы восстанавливаем ход событий.

Менандр сообщает только о взятии тюркютами Боспора в 576 г. и об их набеге на Крым в 580 г. [112, с. 462]. Из письма кагана тюркютов к императору Маврикию мы узнаем, что около 582–583 гг. тюркюты пытались проникнуть в Византию через Кавказ, но не имели успеха. Сам Тардуш-хан был на востоке, где шла война с Китаем. Участие в этой войне не принесло ему славы, и он отвел свои войска. Китайский император обнародовал эдикт о том, что Тардуш-хан отступил потому, что против него «возмутились персы, эфталиты и хотанцы» [198, р. 49]. Об этой странице ханской биографии в письме нет ни слова. Сведения китайского императорского эдикта о внезапно вспыхнувшей войне на западной границе каганата вызывает сомнение. Оно не вяжется с тем положением, которое имело место в 582 г. в Средней Азии и Иране. Хотан был маленьким княжеством. Его военные силы состояли

⁷¹ «Державы [иля] славный шад, божественный [Бага] [а может быть, великий – мага], Ышбара [могучий, жестокий; кит. – Шаболю] хан».

⁷² Иероглиф разобран М. Ф. Хваном.

⁷³ Актаг – Белая гора (в северном Тянь-Шане) [198, р. 115, 234–237].

из 4 тыс. воинов [198, р. 125; 30, т. II, с. 301]. Эфталиты же в том году входили в состав персидской монархии, а последняя находилась в состоянии напряженной войны с Византией в Месопотамии [123, с. 67–70]. Все перечисленные враги каганата были за границей, и слово «восстали» к ним неприменимо. Затем если бы Тардуш-хан действительно одержал над ними победу, то ему незачем было бы об этом умалчивать. Наконец, поздние китайские хроники, «Суйшу» и «Таншу», исключили этот рассказ из описания событий, по-видимому считая его недостоверным. С этим согласен и я. Надо думать, что император Вэнь-ди стал жертвой плохого знания географии. В 582 г. китайцы имели сведения о странах западнее Кашгара не более точные, чем византийцы о странах к востоку от него. Поэтому слух о войне с Византией на западной окраине каганата китайцы поняли как весть о войне с Персией, которой в это время и быть не могло. Зачем бы персы стали нападать на своего союзника⁷⁴?

Предлагаемый корректив упомянутого китайского источника позволяет увязать данные Менандра, «Суйшу» и Симокатты. Тардуш-хан с 576 по 583 г. вел войну с Византией, но не лично, а доверив проведение кампании своему двоюродному брату Бури-хану, имевшему удел на западной окраине каганата. Рассказ о победах тюркютов над византийцами в письме, адресованном императору Маврикию, естественно, опущен. Акцент перенесен на лазов (колхов), хотя и бывших подданными Восточно-Римской империи, но сохранявших в VI в. автономию. Таким образом, была соблюдена дипломатическая деликатность с наибольшим приближением к истине.

Конец тюркюто-византийской войны датируется началом гражданской войны в каганате, т. е. началом 584 г. После неудачного вторжения в Крым тюркюты ограничились Кавказом. Северная граница Лазики, или царства Эгриси, проходила по Кавказскому хребту; Абхазия составляла часть этого царства [21, с. 101–102]⁷⁵. Тут, видимо, и разворачивались военные действия тюркютских князей. Вряд ли они смогли проникнуть далеко на юг. О сопротивлении лазов не сказано ничего, а только сообщается об убийстве 300 тыс. человек, трупы которых лежали вдоль дороги длиной около 166 км (четыре дня пути). Это похоже на убийство пленных, которых отступающая армия не могла увести с собой. Значит, наступление тюркютов на Крым и Кавказ захлебнулось, и война была ими проиграна. И в самом деле, в 588 г. Византия вернула Боспор, чем было восстановлено исходное положение.

Война с Китаем

После переворота, происшедшего в Китае, тюркюты остались без шелка. Ян Цзянь прекратил дипломатические отношения с варварами, а в то время внешняя торговля шелком сводилась в основном к обмену подарками между посольствами кочевых ханов и двором императора. Сразу произошла политическая перегруппировка, и тогонский хан Куалюй стал другом тюркютского хана Шаболио. Женой Шаболио была царица из дома Бэй-Чжоу. Она весьма сокрушалась, что все ее родственники казнены и жертвоприношения ее предкам прекратились [30, т. I, с. 235; 240, S. 44–45]. Можно думать, что именно она была ниточкой, связывавшей сяньбийскую знать Северного Китая со ставкой тюркютского хана. Не случайно было и то, что правитель пограничного района Инчжоу⁷⁶ Гао Бао-нин, сторонник низверг-

⁷⁴ Отсутствие второй версии описания войны 581–584 гг., кроме китайской, ввело в заблуждение Г. Е. Грумм-Гржимайло [44, с. 229, прим. 4] и меня [57, с. 79], но, приняв на веру сообщение о войне Персии против каганата в 582 г., оба автора не придали ему значения, и ошибка не повлияла на вывод. Это же сведение обмануло Х. Хауссига, предположившего, что Турум – эфталитский князь, женатый на дочери Тардуш-хана [229, S. 300, 379–383]. Помимо изложенной здесь критики китайского сообщения против позиции Хауссига говорит то, что война была названа в тексте письма «междоусобной» и «гражданской», а эфталиты в этой связи не упомянуты.

⁷⁵ О взаимозаменяемости терминов «колхи» и «лазы» – там же. А по поводу сближения Хауссигом терминов «колх» и «Халха» и отождествления упоминаемых в письме колхов с жужанями см.: 7, с. 138, прим. 24.

⁷⁶ Область на восточном краю Великой стены со столицей в г. Лю-чен, ныне там городище, называемое монголами

нутой династии Ци, сумевший удержаться в Инчжоу на правах уже суверенного государя, летом 582 г. выступил против империи Суй. Одновременно его союзники тюркюты, перебросив все свои силы через Гоби, ворвались в застенный Китай.

Война оказалась совсем не такой легкой, как предполагали император и его советники. Тюркюты сразу взяли инициативу и лишили китайцев возможности использовать численный перевес. Суйская армия растянулась по всей линии Великой стены; ее левый фланг упирался в Наньшаньские горы (в совр. провинции Ганьсу), а правый располагался на равнинах Ючжоу (совр. Шаньси). Китайские пограничные войска были разбиты и укрылись за Великой стеной. Тюркюты форсировали ее через проходы Мухя и Шиминь, в Ганьсу [30, т. I, с. 236; 240, Апп. 242]⁷⁷ где она выстроена наиболее небрежно. В шести богатых областях Северо-Западного Китая не осталось ни одной головы домашнего скота. Но этим неудержимым грабежом тюркюты поставили в очень затруднительное положение самих себя. Как только захваченный скот был частью угнан на север, частью съеден, тюркютская армия оказалась обреченной на голод, так как напуганное население укрылось в горах и театр войны превратился в пустыню. Одновременно с тюркютами выступили тогоны, но их набег в 581 г. на Лянчжоу был отражен [76, с. 85], и их дальнейшие действия свелись к пограничным стычкам.

Ян Цзянь объявил мобилизацию всех сил империи, но это было дело долгое, да и качество боевой подготовки войск не соответствовало тем задачам, которые поставило перед собой суйское правительство.

Китайская армия укомплектовывалась крестьянами, отрываемыми от своих полей и садов. Офицерский состав пополнялся конфуцианской интеллигенцией, тосковавшей по ученым диспутам и сборникам стихотворений. Воинские уставы составлялись философами в духе конфуцианской морали. Несмотря на то, что солдаты и офицеры иногда проявляли чудеса храбрости, пограничная служба или далекие походы казались им кошмаром [см.: 1]. Вместе с тем армия была малоподвижна, большая часть ее состояла из пехоты, на вооружении были боевые колесницы [30, т. I, с. 231], а конница составляла ничтожное количество. Понятно, что с такой армией нечего было и думать о гегемонии в степи. Однако недостатки армии были с лихвой восполнены дипломатической службой. Судьба послала Ян Цзяню незаменимого помощника, несравненного лазутчика – Чжан-сунь Шэна. Находясь в 578 г. в посольстве, Чжан-сунь Шэн подружился с Шаболио, тогда еще только удельным князем, пленив его ловкой стрельбой из лука [234, vol. III, p. 357]. Он сумел использовать свои связи с тюркютскими князьями, натравив их друг на друга.

В конце 582 г. [77] китайцам удалось отразить тюркютов, а Чжан-сунь Шэн сумел посеять зерно раздора между тюркютскими ханами. Кара-Чурин Тардуш-хан, сильнейший из удельных князей, заключил сепаратный мир и вывел войска из Китая [234, vol. III, p. 365; 44, с. 229].

Лето 583 г. принесло китайцам новое облегчение: тогоны, напавшие на Линтао, были наголову разбиты [17], а вслед за этим потерпел поражение Або-хан [там же]. Победа Шаболио спасла от разгрома тюркютскую армию, однако китайский лазутчик Чжан-сунь Шэн сумел поссорить Шаболио и Або-хана.

Через доверенное лицо он обратился к Шаболио с такими словами: «Не странно ли, что когда во главе тюркютских войск стоите вы, их всегда ожидает победа, когда же руководство боем переходит в руки Або-хана, то их поражение неизбежно? А между тем численность войск, которыми располагаете вы и Або, в сущности, одинакова. Ведь этот позор покрывает стыдом и вашу особу. И что же теперь, когда вы, нанося ежедневные поражения врагу, нахо-

Горбань-собарга-хото [30, т. III, с. 37].

⁷⁷ Разоренные области находились в современных провинциях Ганьсу и Шаньси.

дитесь в ореоле славы, а Або, ведя дело к проигрышу кампании, покрывает тюркютов бесславием, вы по-прежнему полагаете возможным ограничиться одними лишь замечаниями? Когда-то вы мечтали уничтожить „северное ханство“ [т. е. удел Торэмена]. Не дерзнете ли вы это сделать теперь?» [234, р. 365].

В то же время Чжан-сунь Шэн внушал Або-хану: «Так как Дату-хан⁷⁸ заключил союз с домом Суй, то Шету не в состоянии будет удержать за собой верховную власть над тюркютским народом. Не лучше ли было бы вам поэтому своевременно примкнуть к этому союзу и стать под покровительство императора? Это дало бы вам большую силу и было бы благоразумнее избранного вами пути – терять свои войска, исполняя волю Шету, и, точно преступник, сносить его оскорбления» [234, р. 366; 240, S. 100–101].

Слухи о возможной измене Торэмена достигли Шаболио, и он решился на шаг, повлекший за собой гибельные для тюркютской державы последствия.

Усобица

В феврале – марте 584 г., в отсутствие Торэмена, Шаболио напал на его ставку. Во время резни погибла мать Торэмена. Поскольку всем было ясно, что это произошло по китайским проискам, Торэмен оказался в кровной вражде с китайцами. Он бежал на запад к Кара-Чуруну Тюрку-тардуш-хану. Необузданность и несправедливость Шаболио, видимо, вызвали возмущение в орде. Кара-Чурин дал Торэмену войско; сверх того, к нему присоединились 100 тыс. человек из его бывшего аймака [30, т. I, с. 236]⁷⁹, а также удельные ханы Турксанф (Таньхань-хан) и Тегин-шад⁸⁰. Торэмен имел под своим началом такие силы, что Шаболио не мог надеяться на успех. Даже брат его Чулохоу оказался на стороне повстанцев [234, р. 357; 44, с. 230–231], а кидани в тылу подняли восстание [30, т. I, с. 238]. Осенью 584 г. Шаболио предложил Китаю мир и союз.

С аналогичными предложениями пришли послы и от Тардуш-хана. Ян Цзянь оказался господином положения, но этот умный и хитрый политик видел, что спасла его только распря в каганате. Он писал, что китайским войскам не под силу вести активную борьбу с тюркютской конницей, и поэтому отверг предложение князя Гуана⁸¹ воспользоваться несогласием ханов и перенести войну в степи. Было еще одно обстоятельство, весьма важное для Ян Цзяня и всего Китая. Окитаенные сяньбийцы в северных областях могли в любой момент найти общий язык с тюркютами, тем более что царица из дома Чжоу направляла мысли и чувства хана Шаболио. Очевидно, по предварительной договоренности царица предложила императору признать ее дочерью, а ее мужа, хана, сыном. Ее просьба была немедленно удовлетворена.

Это событие означало, что новая династия признает традиции, которые уцелели от прежней. Иными словами, были подтверждены привилегии сяньбийских помещиков на северной границе, и восстановлена меновая торговля с кочевниками, т. е. замаскированная дань⁸².

Нота, которую Шаболио направил в Китай, выдержана в крайне независимых тонах. Содержащиеся в ней требования таковы, что предъявлять их мог бы скорее победитель, нежели просящий помощи. Ссылаясь на то, что император его усыновил, хан предлагал считать их имущество общим, как в патриархальной семье: «Все овцы и лошади моего цар-

⁷⁸ Тардуш-хан, т. е. хан Западного крыла. Подразумевается Кара-Чурин Тюрк.

⁷⁹ В цифру я не верю. Скорее, это общая численность орды, и, следовательно, войска было 15–20 тыс.

⁸⁰ Он был двоюродным братом Шаболио [см.: 240, S. 49].

⁸¹ Ян Гуан, впоследствии император Ян-ди.

⁸² Г. Е. Грумм-Гржимайло излагает эти события иначе, следуя буквально династической хронике, воспринятой им некритично [см.: 44, с. 232].

ства суть скот императора, так как его шелковые ткани суть мои. Здесь нет взаимной разности» [30, т. I, с. 237]. Хан не мог не понимать, что ценность его скота значительно ниже запасов шелка тридцатимиллионного населения Китая, но именно к такому обмену он стремился, диктуя цены на шелк и скот. Тут-то и разгневаться бы вспылчивому Ян Цзяню, но он проявил совершенно необъяснимую выдержку и послал посольство с дарами, как в доброе старое бэй-чжоуское время.

Посол требовал от хана только одного – назваться вассалом и принять императорскую грамоту на коленях. Хан покапризничал, поупрямился и согласился. Это номинальное подчинение было необходимо Ян Цзяню для престижа, но, по существу, не император, а хан получил все, что он хотел, т. е. шелковую валюту, разрешение временно откочевать со всем народом к китайской границе, так как на севере его прижимали кидани и сторонники Торэмена, одежду и пищу для своих воинов и даже военную помощь, причем экспедиционным корпусом командовал тот самый князь Гуан, который мечтал истребить тюркютов [там же, с. 238].

Примеру Шаболио последовал Кара-Чурин Тюрк, признавший себя в 584 г. вассалом Суйской империи. Ему также был необходим шелк, и его друзья, согдийские купцы, настоятельно требовали, чтобы в степи был восстановлен мир и обеспечено безопасное передвижение караванов. Поскольку дары императора были вполне реальны, а вассальная зависимость неощутима, то оба ведущих хана охотно пошли на мир с Китаем, полагая, что они фактически выиграли войну. Этот союз остановил успехи Торэмена, начавшего было наступление на восток. Шаболио разбил его войска, а с тылу на него ударили абары, непосредственные подданные Кара-Чурина. Напав на незащищенную ставку Торэмена, они захватили в плен его жену и детей. Китайская армия, сопровождавшая войска Шаболио, отбила у абаров семью Торэмена [234, vol. III, p. 499]⁸³. Пленные были переданы Шаболио, который за столь ценный подарок расплатился тем, что очистил завоеванную в начале войны территорию и восстановил границу по великой пустыне Гоби.

Несчастный Торэмен потерял все: мать, жену, детей, родную землю⁸⁴. Он был вынужден покинуть любимые просторы степей и отступить со своими последними сподвижниками на юг, где его пристанищем стал г. Пайкенд (около Бухары)⁸⁵.

Торжество лестничной системы

Победа, одержанная Шаболио, сохранила ему власть, но не восстановила мира среди тюркютов. Победивший хан чувствовал себя в степи настолько беспокойно, что в начале 587 г. обратился к китайскому императору с просьбой «разрешить поохотиться» в его владениях около Хуанхэ. Просьба была удовлетворена, и хану были посланы съестные припасы, но это не спасло положения. Ставка Шаболио внезапно сгорела, и сам он от «неприятного впечатления» [30, т. I, с. 239] умер.

Сын хана Юн Йоллыг (кит. Юн Юйлюй) отказался сесть на престол, который по закону должен был достаться его дяде и врагу его отца Чулохоу. Однако тут дело не в личных качествах царевича, который к тому же впоследствии вел себя смело и энергично. Надо думать,

⁸³ Ошибочность перевода этого места у Бичурина [30, т. I, с. 238] отметил Г. Е. Грумм-Гржимайло [44, с. 232]. Однако последний относит племя аба к телеской группе, что не находит подтверждения, так как абары были самостоятельным племенем.

⁸⁴ Согласно источнику, он был взят в плен. На описку или ошибку в «Суйшу» указывает Лю Мао-цзай [240, S. 527].

⁸⁵ Титул Торэмена – Або-хан в форме Абруй или Абаруй был известен Абуль Хасану Абд-ар-Рахману Мухаммеду ан-Нишабури, автору книги «Сокровищница знаний», отрывок из которой вошел в «Историю Бухары» Наршахи: [116, с. 12 и сл. Ср.: 160, с. 10–11]. Реконструкция событий, сделанная С. П. Толстовым, не может быть принята, но приоритет отождествления Абруя с Або-ханом принадлежит ему.

что решающую роль в наступившем примирении сыграли массы тюркютских дружинников, которым междоусобица была ни к чему. Они вспомнили закон о лестничном престолонаследии и принудили своих ханов к соблюдению его и компромиссу.

Юн Йоллыг отправил посла к Чулохоу с предложением занять престол [234, vol. III, p. 504–505; 50, с. 66], но тот, вероятно не доверяя искренности царевича, отказался и сам предложил ему свою покорность. Но царевич возразил категорически и убедительно: «Вы, Чулохоу, который были так долго врагом моего отца, вы подчинитесь его сыну, еще ребенку. Трон принадлежит вам согласно нашему закону и приказу моего отца, который вас назначил своим преемником. Вы должны подчиниться» [208, t. I – II, p. 405]. По сути дела, подчиниться должны были оба хана; над ними обоими стояла воля их копыеносных дружинников. Они выбрали из числа претендентов того, кто «был храбр и одарен соображением» [30, т. I, с. 239], т. е. Чулохоу.

Воцарение [50]⁸⁶ его сразу разрядило напряжение. Многие из числа сторонников Або-хана, очевидно поддерживавшие его исключительно из вражды к Шаболио, перешли на сторону нового хана. Кара-Чурин тоже перестал активно действовать против центральной власти и поссорился с Або-ханом, который оказался в полной изоляции (585).

Чулохоу вместе с престолом унаследовал и политику своего брата. Он подтвердил союз с империей Суй и повел открытую войну против своего бывшего друга Або-хана, положение которого тем временем стало еще хуже.

Пайкендская трагедия

Разбитые полчища Або-хана откатились на запад через Джунгарские ворота и Чуйскую долину, где не решились остаться из-за того, что Кара-Чурин порвал союз с их вождем. Они откочевали на южную окраину каганата, надеясь, что отдаленность даст им вожаемую безопасность.

О появлении тюркютов в пределах Бухарской области в «Истории Бухары» рассказано так «Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше людей, и переселенцы стали возводить постройки. Собралось очень много народа, и они выбрали [из своей среды] одного и сделали его эмиром. Имя его было Абруй» [116, с. 12]⁸⁷.

Легко догадаться, как вели себя воины Або-хана на беззащитной подвластной им земле. О состоянии дисциплины в тюркютской армии достаточно определенно сообщил Ян Цзянь, тогда еще генерал Чжоуского государства (563): «...тюркютские ратники пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают своих начальников и по большей части не соблюдают порядка» [30, т. I, с. 232]. Но тюркютские ратники отнюдь не пренебрегали добычей и весьма уважали грабеж. Поэтому не удивительно, что «История Бухары» сообщает

⁸⁶ Здесь наши источники содержат весьма важное разногласие, ценное с точки зрения китайского понимания тюркютских порядков. В «Суйшу» Чулохоу назван Шеху-ханом (т. е. джабгу– или ябгу-хан), а в «Ганму» – Мохэ-ханом, что воспроизводит титул Бага-хана при обычном в тюркских языках переходе б в м [30, т. I, с. 239]. На это разночтение обратил специальное внимание Лю Мао-цзай, предположивший наличие простой ошибки, ибо сын Шаболио также назван ябгу [240, S. 54, 102, 529, 555]. Однако при учете лестничного порядка и описанного препирательства между претендентами разночтение приобретает смысл. Значение термина «ябгу» – «исполняющий обязанности», а «бага» – «божественный», «милостью божьей царствующий». Следовательно, пока Чулохоу не решался принять власть, он был ябгу-ханом, т. е. заменяющим хана. После достижения договоренности он стал Бага (Мохэ)-ханом, т. е. «ханом милостью божьей». Юн Йоллыг, сохранив власть над уделом своего отца и право на наследование престола, в результате достигнутого компромисса получил титул «ябгу». Так как Чулохоу вскоре погиб, новый его титул не успел стать привычным, и в китайских хрониках уцелели оба, но следует отметить, что составитель «Ганму» проявил больше исторической чуткости, чем авторский коллектив, обрабатывавший в середине VII в. записи эпохи династии Суй [см.: 30, т. I, с. 20].

⁸⁷ Слова «из своей среды» в тексте подлинника отсутствуют.

следующее: «По прошествии некоторого времени власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью, так, что терпение жителей истощилось. Дикханы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат... Оставшиеся в Бухаре послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абруя. Вельможи и дикханы обратились за помощью к царю турок, Кара-Джурину Турку, которого за величие народ прозвал Биягу⁸⁸, Биягу тотчас послал своего сына Шири-Кишвара⁸⁹ с большим войском. Тот прибыл в Бухару, в Пайкенде схватил Абруя и приказал, чтобы большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, отчего он и умер» [116, с. 12–13].

Но победа над Торэменом Або-хану на самом деле далась гораздо труднее. Первая попытка Кара-Чурина расправиться со своим бывшим союзником кончилась неудачей [169, с. 161]. Тогда западный и восточный ханы заключили перемирие и временный союз против узурпатора. Войска восточных тюркютов повел на запад бывший друг Кара-Чурина и Торэмена – Чулохоу⁹⁰. По дороге он распустил слух, что с ним вместе движется китайский вспомогательный корпус, и демонстративно выставлял знамена, подаренные ему суйским императором. Это повлияло на колебавшихся и наименее скомпрометированных. Многие из сторонников Торэмена перешли на сторону Чулохоу.

Войсками западного хана командовал его сын Янг Соух-тегин, названный в персидском источнике Шири-Кишвар. Кроме того, прислали или обещали прислать подмогу еще два хана, очевидно Юн Йоллыг и старший сын Кара-Чурина – сибирский «Богатырь-князь». Весной 587 г. союзные войска заставили мятежников принять битву где-то около Бухары.

Торэмену и его сподвижникам отступать было некуда. Греческий источник сообщает, что «враги героически сражались, но, после того как узурпатор пал, его армия обратилась в бегство. После большого побоища хаган снова стал господином своей собственной территории. Хаган оповестил через посланника императора Маврикия об этих успехах...»⁹¹. «Покончив с гражданской войной, хаган заключил договор с таугастами, чтобы мочь, шествуя в глубоком покое, управлять государством мирно» [169, с. 161 — 162], а китайский летописец по этому поводу просто приводит слова первого министра: «Когда родные истребляют друг друга подобно ядовитым насекомым, то надобно их щадить, чтобы показать великодушие» [30, т. I, с. 239]. Здесь некоторую роль может играть ассоциация: «ядовитые насекомые» – «красные пчелы». Главное же здесь – совет демонстрировать свое великодушие, заботясь об авторитете Суйского дома среди кочевников: можно щадить врагов потому, что они сами истребляют друг друга (как будто милость или жестокость хоть в какой-то мере зависели от китайцев!)⁹².

Однако, прежде чем этот мир был заключен, еще один из участников великой распри потерял свою жизнь. После разгрома и умерщвления Торэмена, которое совершилось без

⁸⁸ Биягу (в «Суйшу» – Бутя) Шаванн понимает как Бильге, т. е. «мудрый» [см.: 198, р. 355]. Мы считаем, что здесь уместнее эквивалент Бокэ, т. е. «герой» [см.: 61].

⁸⁹ Букв. «лев племени», калька с тюркского «Иль-Арслан».

⁹⁰ Имена великих каганов, пришедших на помощь автору письма к императору Маврикию, т. е. Кара-Чурину, мы толкуем как тюркскую фразу, не понятую переводчиком: «Спарзбегун, Кунаксолан Тульдих» Isbara jabgu qunag qa sol(d)an toldy = «Ышбара-ябгу в гости [по приглашению] с левой стороны [с востока] наполнил... [наступил, наводил войсками...]». [Подробнее см.: 56, с. 73].

⁹¹ Письмо было доставлено в Константинополь в 596 г. [221, р. 63–64].

⁹² Разница между китайской, персидской и греческой версиями невелика и определяется различной степенью осведомленности. Греки только констатируют гибель мятежника, персы описывают его ужасный конец, а китайцы уклоняются от дачи сведений. Согласно персидской версии, Турум-Далобянь-Абруй был взят в плен сыном Кара-Чурина, Шири-Кишваром. С. П. Толстов полагает, что это имя отражено в имени сына Дяньгу, Янсу-тегина [248, S. 151; 160, с. 10]. Как мы видим, персидская версия не противоречит китайской, согласно которой не сам Чулохоу взял в плен Торэмена, но это событие произошло в его царствование.

внимания к ханжеским советам суйского правительства, восточные и западные тюркюты рассорились снова. Ссора была не случайной: восточные тюркюты претендовали на главенство, западные – на самостоятельность. Вооруженное столкновение не заставило себя ждать. Зимой 587/88 г. Чулохоу двинулся на запад против Тардуш-хана, с которым у него возобновилась вражда. Войска Чулохоу были разбиты, а сам он погиб [61].

Последствия этого события сказались не сразу, но они стали решающими для судьбы каганата. До сих пор война между восточными и западными тюркютами носила характер династической распри. Не было никаких экономических, политических, идеологических причин, которые бы стимулировали вражду между двумя разделами одного племени. Но в VII в. кровная месть была тем же, чем в XVI в. стала война за веру, а в XIX в. – борьба за прибыли. Родственники убитых дружинников Чулохоу не могли и не хотели помириться с западными тюркютами. Такая возможность просто не могла прийти им в голову. Поэтому война продолжалась до 593 г., когда мир с Кара-Чурином заключил Юн Йоллыг, сын Шаболио, ставший ханом после смерти своего дяди. Владея собственным улусом, Юн Йоллыг не принял участия в походе 587–588 гг., и его дружинники имели право прекратить распрю с западными тюркютами. Мир 593 г. восстановил единство каганата и стабилизировал границы между уделами.

Кара-Чурин, ставший самой крупной персоной империи, посадил в Пайкенд своего внука Нили-хана [30, т. I, с. 279] или, может быть, его отца Янг Соух-тегина, судьба которого будет изложена ниже.

За время распри тюркютами была утрачена часть западных владений, так как Византия вернула в 588 г. Боспор [5, с. 40], но тюркюты вознаградили себя на востоке, разгромив и подчинив себе княжество Гаочан [30, т. II, с. 279].

За кулисами

Греческий историк не случайно отметил «миролюбие» тюркютского хана, о котором последний оповестил двух императоров и которое привело к гибели его кузена.

Сопоставляя тексты и учитывая обстановку VI в., легко разгадать подоплеку происшедших событий.

Транзитная торговля, служившая основным источником дохода для тюркютских и в особенности западнотюркютских ханов, контролировавших участок караванного пути от Хами до границ Персии, была немыслима в условиях военного времени. Кара-Чурин поддерживал Або-хана Торэмена для того, чтобы ослабить Шаболио, но, как только Торэмен оказался хозяином караванного пути и его голодные солдаты сделали невозможной торговлю, Кара-Чурин сообразил, что ошибся, и быстро переориентировался на союз с Китаем. В то время война питала войну. Воины Або-хана, не имея средств к существованию, кормились за счет подчиненной области, а когда эта область с осени 585 г. ограничилась южной частью Мавераннахра, то прокорм стотысячной орды стал для нее непосильным бременем. Кто имел средства, эмигрировал к Кара-Чурину Тюрку, впоследствии принявшему титул Боке-хана. Беглецы просили помощи для борьбы против отрядов Або-хана, которые при всем желании не могли вести себя иначе.

Дружба согдийских купцов с тюркютскими ханами, заведенная еще в 60-х годах VI в. Истеми и Маниахом, продолжалась и при их детях. Кара-Чурин Тюрк выдал свою дочь за согдийского князя [198, р. 132]. Так как согдийские купцы были монополистами, то им ничего не стоило переложить расходы по содержанию тюркютского хана на потребителя и тем самым обеспечить свою безопасность за чужой счет. Поэтому согдийские аристократы одаривали тюркютских вельмож щедро. Когда же полчища Або-хана наводнили среднеазиатское Междуречье, то купцы и дехканы нашли приют у западнотюркютского хана. Не без

их участия Кара-Чурин изменил курс своей политики и, вместо того чтобы в союзе с Торэменом воевать против Китая, расправился с ним, заключил мир и союз с Китаем и в 589 г. послал на войну с Ираном своего сына. Бедное же население, привязанное к своим земельным участкам, принуждено было и в 587 г. оставаться на месте, кормя ветеранов Або-хана, хорошо усвоивших тюркютскую поговорку «Нет тюрка без тэта» (тат – земледелец, подчиненный кочевникам).

Противоречие, погубившее Або-хана – Абря, определялось борьбой ограбляемых татов с голодными тюркютами. Наршахи с полной определенностью утверждает, что «все богачи и знатные дехкане выселились, а бедные и низшее сословие осталось в Бухаре» и что «они послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абря» [116, с. 13]. Новый режим, основанный на произволе и терроре, был куда более жестоким, чем старый, включавший в себя патриархальные отношения [160, с. 28–29]. Поэтому вельможи и пришедший с ними тюркютский царевич были приняты как освободители. Однако от своего освобождения бедняки выиграли немного, так как «стали слугами вернувшихся из Хамуката» [116, с. 13], т. е. купцов и дехкан. К концу тюркютского периода и к началу арабского завоевания политический строй Средней Азии можно определить как «неограниченное господство земельной аристократии» [14, с. 182], и надо полагать, что тюркюты в этом процессе сыграли роль катализатора.

Распря возникла в каганате не случайно. Само по себе наличие многочисленных почти самостоятельных ханов являлось достаточной причиной для того, чтобы личные отношения переросли в гражданскую войну. Вместе с этим мы не можем наметить никаких программ у борющихся сторон. Принадлежность к той или другой группировке объясняется личными симпатиями или антипатиями тюркютских воинов и бегов.

Предположение, что вокруг Торэмена сгруппировались демократические элементы тюркютского общества, стремящиеся к продолжению борьбы с Китаем, а вокруг Шаболио – китаефильские элементы [160, с. 22], не подтверждается. На стороне Торэмена мы видим почти всех удельных князей, даже брата Шаболио – Чулохоу. Шаболио сам всеми средствами и силами боролся с Китаем и только в безвыходном положении обратился к помощи Суйского дома, Торэмен же против Китая отнюдь не выступал⁹³. Скорее всего, перед нами обычная династическая распря, движущими мотивами которой являлись честолюбие князей и алчность их дружинников, а после первой пролитой крови – жажда мести.

Борьба закончилась лишь тогда, когда из четырех ее участников трое умерли. Новый хан, Юн Йоллыг, был «слаб и боязлив» [234, р. 504], и Кара-Чурин, лишенный возможности стать законным ханом, сделался фактически властителем империи.

Итак, принцип удельно-лествичной системы создал условия, с одной стороны, для династической распри, а с другой – для умиротворения, так как гибкость системы позволила борющимся сторонам найти компромиссное решение. Тюркютская держава в 90-х годах VI в. продолжала оставаться внутренне крепкой и грозной для соседей. С этим не мог примириться суйский Китай.

Тюркюты рассматривали Китай как источник своих доходов, китайцы видели в тюркютской державе вечную угрозу для своих границ. Польза от общения с кочевниками для китайцев была ничтожна, а вред колоссален. Поэтому сильное китайское правительство не могло допустить консолидации кочевников, и борьба против державы Ашина стала насущной задачей Суйского дома.

⁹³ Слова Чжан-сунь Шэна в императорском совете: «Каковы бы ни были преступления Або, он не показал неблагодарности к империи» [см.: 234, р. 507].

Глава десятая

Поход на Иран

Накануне войны

Кара-Чурин Тюрк уничтожил своих соперников, прикончил племянника и расправился с его сподвижниками – своими единоплеменниками – только для того, чтобы беспрепятственно богатеть, продавая через согдийских купцов шелк, полученный им из Китая в награду за фиктивное подчинение. Однако этот путь обогащения стал еще менее возможен, чем десять лет тому назад, перед началом великой распри. Иран и Византия вели упорную и беспощадную войну, и нечего было и думать, что персидский шах пропустит в Константинополь хоть один лишний караван. Положение осложнилось еще тем, что официально тюркюты и греки находились в состоянии войны. Правда, эта война не велась уже семь лет, но отсутствие мирного договора мешало обмену посольствами и затрудняло координацию военных действий против Ирана. А союз был равно необходим и грекам, и тюркютам, так как у них были общие враги и общие интересы.

Если бы удалось сломать иранский барьер и шелк широкой струей потек бы в эргастерии византийских патрикеев, тогда было бы на что нанимать у германских конунгов их дружины и возможно, что Византия не потеряла бы гегемонии в Европе. Тогда бы наполнилась золотом Согдиана, у тюркютов ускорился бы процесс классообразования и эль превратился бы в феодальное государство, а от Ирана, по выражению Фирдоуси, остался бы кусочек воска. До тех пор, пока внутренняя война разрывала тело каганата, тюркютские ханы не могли вести активной внешней политики, но, как только наступило затишье, проблема «шелкового пути» оказалась на первом месте, а равно и возникла необходимость договориться с Византией, так как несогласованные военные предприятия были заранее обречены.

Официального союза не было заключено, но нашелся посредник, грузинский царь Гуаграм Багратид, при помощи которого в 589 г. была достигнута координация всех антииранских сил [196, р. 220–221], благодаря чему «враги окружили Персию, как тетива концы лука» [277, S. 270].

Задуманное предприятие было небезнадежным, но отнюдь не легким. За свою долгую историю Иран то достигал вершин могущества и славы, то низвергался с этих вершин и разбивался на части. Для того чтобы оценить по достоинству его силы и возможности в VI в., мы должны бросить хотя бы беглый взгляд на его историю.

Сила и слабость Ирана

Ахеменидская империя стала анахронизмом еще до рокового 330 г. Основанная на ассирийских традициях, она стремилась быть только военной деспотией и в этом отношении переигрывала свою кровавую предшественницу. Вместе с тем необходимость укрепления власти заставила Ксеркса и его преемников начать религиозные гонения (антидеиновская надпись Ксеркса) как против иноверцев, так и против ортодоксальных последователей Заратуштры, не признававших религиозного главенства царя царей [157, т. I].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.